Конструктор С. И. Мосин

Гавриил Чуднов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге рассказывается о выдающемся конструкторе С. И.Мосине, создавшем знаменитую 3-линейную винтовку. В 1891 году трехлинейная (7,62 мм) винтовка Мосина была принята на вооружение и прослужила российскому солдату верой и правдой почти до середины 1950-х годов.

До сего дня отдельные российские заводы занимаются переделкой трехлинейки под охотничье оружие. Винтовке капитана Мосина уже 100 с лишним лет, но она живет, а вместе с ней живет и память о талантливом русском конструкторе Сергее Ивановиче Мосине.

- Гавриил ЧУДНОВ
  -
  - Глава 1. КОРНИ
  - Глава 2. МИХАЙЛОВЕЦ
  - Глава 3. НА ТУЛЬСКОМ ЗАВОДЕ
  - Глава 4. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ
  - Глава 5. ТРЕХЛИНЕЙНЫЙ КАЛИБР
  - Глава 6. ПРОТИВОСТОЯНИЕ
  - Глава 7. МИЛОСТЬ ИМПЕРАТОРА
  - Глава 8. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
  - Глава 9. ПАМЯТЬ НАРОДА
  - Глава 10. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
  - ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
  - ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Гавриил ЧУДНОВ
КОНСТРУКТОР С. И. МОСИН

Триста лет не смолкал над Тулой звон наковален, три века лучшие мастеровые неустанным трудом ковали могущество России. Начав с фитильных ружей и кремневых самопалов, они со временем достигли таких высот в своем деле, что затмили оружейников Бирмингема, Зуля и Льежа. Пытливый, неугомонный ум туляков проникал в самые потаенные глубины и сокровенные тайны оружейного искусства, впитывал все лучшее, что было в мировой практике, и создавал свое, отечественное, неповторимое. Оружейное дело Тулы стало той питательной средой, которая взрастила выдающегося русского конструктора С. И. Мосина. Им, тульским мастеровым, оружейникам испокон веков, посвящаю эту книгу.

Автор

* * *

Полковник С. И. Мосин. Фото. 1894 г.

Валовое производство магазинной винтовки С. И. Мосина был начато в конце 1892 г. на тульском, ижевском и сестрорецком заводах. К 1 января 1903 г. перевооружение русской армии магазинными винтовками было завершено, всего войска получили 2 млн. 964 тыс. винтовок, изготовленных на отечественных заводах, и около 500 тыс. на заводах Франции.

В русско-японскую войну 1904—1905 гг. Тульский оружейный завод поставил в войска около 350 тыс. винтовок. В 1910 г. винтовка С. И. Мосина была модернизирована в связи с принятием на вооружение патрона с остроконечной пулей образца 1908 г. В первую мировую войну 1914—1918 гг. Тульский оружейный завод выпускал в среднем по 500 тыс. винтовок в год.

В годы гражданской войны на Тульском оружейном заводе было изготовлено более 830 тыс. винтовок для бойцов Красной Армии. Это составило 2/3 от общего количества винтовок системы С. И. Мосина, произведенных за тот период оружейными заводами Республики. В 1930 г. винтовка системы С. И. Мосина прошла очередную модернизацию, значительно улучшившую ее боевые и эксплуатационные характеристики. За годы Великой Отечественной войны на Тульском и Ижевском оружейных заводах было изготовлено около 7 млн. винтовок образца 1891/30 г. Постановлением ГКО от 17 января 1944 г. магазинная винтовка системы С. И. Мосина была снята с производства.

Глава 1. КОРНИ

Утрамбованный тысячами солдатских сапог, строевой плац гатчинского военного лагеря не пустовал от утренней до вечерней зари. Его каменную землю сотрясал мерный топот крестьянских ног, над безукоризненно выстроенными каре рот и батальонов висела и, казалось, никогда не оседала тонкая сероватая пыль. В воздухе гремели военные команды. Вылощенные, самодовольные господа офицеры укрывались от солнца под купами редких деревьев, беседовали, курили, изредка поглядывая на марширующие шеренги и колонны. На плацу свирепствовали унтера, дородные и худосочные, но одинаково злые до исполнения всего, что предписывали армейские уставы. А были в уставах совершенно не свойственные русской армии, дотошно выверенные по времени вахтпарады, гусиный шаг, неудобный мундир, бездумное зазубривание чужеземных военных доктрин. Россия стонала под бременем деспотизма полубезумного императора Павла I, свято верившего в прусские порядки, военно-полицейский режим, уволившего от военной службы всех передовых офицеров и отправившего в отставку самого А. В. Суворова.

В ту пору крестьянин, забритый в солдаты, считался как бы заранее приговоренным к смерти. Потому плакала и причитала мать Игната Мосина, провожая ненаглядного из подмосковной деревни на цареву службу. Но не таковский был человек Игнат, чтобы пропасть ни за понюх табаку. Пережил он узкокуцый прусский мундирчик, наловчился по-уставному маршировать гусиным шагом, в струнку оттягивая носок и подымая ногу вровень с поясом, сохранил волосы на голове, хоть и мазал их в полном соответствии с гатчинскими правилами густым мучным клейстером для лучшего вида и красоты. Сообразительный и памятливый, он легко заучивал параграфы наставлений, быстро и ловко исполнял поручения и избежал самого страшного наказания — шпицрутенов[1], отправивших на тот свет не одну тысячу солдат. Больше того, прослужив беспорочно почти десять лет, Игнат Мосин заслужил высшее благорасположение командиров — ему разрешили обзавестись семьей. В 1810 году солдатская чета Мосиных крестила своего первенца, названного исконно русским именем Иван. И кто знает, как бы сложилась жизнь новоявленного россиянина, но грянул 1812 год, ушел со своим полком бить супостата Игнат Мосин и не вернулся в родные пределы, сложил голову за честь матушки-России, оставив ей в наследство безутешную вдову и малолетнего сына.

После Отечественной войны верховной властью в армии и вершителем ее судеб стал любимец царя генерал Аракчеев. По его настоянию русские командиры гвардейских полков были заменены не нюхавшими пороха немцами, потом та же участь постигла боевых командиров полков и дивизий полевой армии. Муштра и шагистика вновь расцвели таким пышным чертополохом, какой и не снился гатчинцам павловского времени. Свист шпицрутенов стал главной музыкой строевого плаца. За несколько лет славная русская армия, освободительница Европы, была задергана, замучена, забита.

Произвол сопровождался безудержным, беспардонным грабежом солдат. Командиры всех рангов, вплоть до ротных, сообразно с чином, воровали деньги служивых, предназначенные на их кормежку и обмундирование. Солдат, доведенных до состояния бессловесной скотины, командиры использовали как своих крепостных на домашних и полевых работах. Много позже либеральный военный министр Д. А. Милютин[2] напишет: «В те времена господствовала в военной службе система террора. Только тот начальник считался исполнительным, надежным, который держал подчиненных в ежовых рукавицах».

Вот в это лихолетье страха, экзекуций, военных по селений и неправедных судов начиналась военная служба Ивана Мосина. Как сын погибшего солдата, Иван воспитывался сначала в Московском военно-сиротском отделении, находившемся в ведении Непременного совета о военных училищах. С 1805 года учеников военно-начальных школ, каковыми являлись сиротские дома, стали называть кантонистами.

Кто они, мальчики-кантонисты? Это крепостные люди, с самого рождения принадлежавшие военному ведомству. Жили мальчишки-кантонисты впроголодь, их нещадно шпыняли дядьки в классах, драли бессердечно не только за малую провинность, но, казалось, даже за самую вероятность провинности. Малолетние, беззащитные, абсолютно бесправные существа, они проходили через жестокое сито палочно-кулачного отбора, и самые выносливые из них должны были в будущем стать бессловесными, надежными слугами престола.

Ежели что и было светлое в отрочестве Ивана Мосина, так это учеба, когда он осваивал азы письма и счета. Те солдатские дети, что учились в кантонистских школах, получали элементарные знания и потом по выходе из них долго еще ломали горб, выслуживая шевроны унтер-офицеров. Выпускников военно-сиротских отделений направляли в основном на службу оружейными мастерами в арсеналы, а чаще — в артиллерию.

Горькую чашу недоброй кантонистской доли Ивану пришлось

испить до дна. Хоть и был мальчик крепких крестьянских кровей, но скудная жизнь так ослабила его, что он «за неспособностию к фронтовой службе» был переведен из Московского военно-сиротского отделения в штат московской полиции. Случилось это 9 марта 1823 года. Однако уже через два с половиной года здоровье Мосина существенно поправилось. Служил он не за страх, а за совесть, 15 сентября 1825 года был произведен в унтер-офицеры, а 4 мая 1827 года получил назначение в лейб-гвардии гусарский полк. Бессмысленная муштра для Ивана Мосина кончилась, им уже не командовал фанфарон-фельдфебель, он сам стал хоть и небольшим, но начальником.

В конце двадцатых годов прошлого века европейские державы начали борьбу за наследство разваливавшейся Османской империи. Россия, крайне заинтересованная в черноморских проливах, решила оказать помощь Греции в ее войне с Турцией за национальную автономию, в результате чего последняя объявила своей великой северной соседке «священную войну».

Лейб-гвардии гусарский полк, в котором служил Мосин, вместе с русской армией форсировал Дунай и преодолевал Балканы. В послужном списке Ивана Мосина сказано:

«В походах и делах против неприятеля был 1828 года с12 апреля по 6 августа в российских пределах, а с того числа за границею в турецких владениях до крепости Варна и при взятии оной…» Бравый восемнадцатилетний унтер-офицер дрался смело, не единожды отличался в схватках с янычарами, за что был представлен к двум наградам: ордену святого Георгия и медали за русско-турецкую войну.

После завершения войны Иван Мосин некоторое время служил со своим полком в Волынской губернии, затем в Царском Селе, месте постоянного квартирования гвардии. Однако мирные передышки для России не бывали чрезмерно длительными, и если не случалось войны с каким-нибудь соседом, то непременными были внутренние волнения. Так, в марте 1831 года гвардейские гусары были направлены в Польшу на подавление польского восстания. Это, второе по счету, выступление поляков за независимость получило название Ноябрьского. Оно началось поздней осенью 1830 года, охватило Королевство Польское, территорию Литвы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины. Царскому правительству долго не удавалось локализовать его и сломить мужество восставших. Пришлось императору Николаю I бросить в дело гвардию. Иван Мосин со своими кавалеристами был в «авангардном деле близ Старого Якаца при отступлении гвардейского корпуса в виду многочисленной неприятельской армии, в генеральном сражении

и при взятии приступом передовых варшавских укреплений и городового вала». За польскую кампанию унтер-офицер Мосин был награжден польским же Знаком отличия за военное достоинство V степени и медалью за взятие приступом Варшавы.

Полк возвратился на зимние квартиры в Лифляндскую губернию, и потянулись нудные, однообразные дни и недели рутинной военной службы. Прошли четыре года, вряд ли чем интересные для исследователя жизни семьи Мосиных. Но 9 мая 1836 года произошло достопамятное событие: Иван Игнатьев, сын Мосин, унтер-офицер, за долголетнюю беспорочную службу, усердие и способность к военным наукам был произведен в первый офицерский чин прапорщика с переводом из гвардии в Черноморский линейный № 4 батальон. Новоиспеченный двадцатишестилетний офицер прибыл продолжать службу на солнечный юг в самом конце ноября. Прошел ровно год, и Мосина повышают по вакансии в чине, на его эполете появилась еще одна звездочка — подпоручика. Казалось бы, для Ивана наступила полоса благодатного попутного ветра — бывший кантонист, солдатский сын стал дворянином, выслужив чин и орден.Ан нет! В силу совершенно неясных причин в начале следующего, 1838 года, Иван Игнатьевич подал прошение об отставке со службы. Вряд ли поводом для отставки было нарушение служебного порядка, ибо в формуляре Мосин характеризуется весьма положительно:

— Российской грамоте читать, писать умеет, арифметику знает, в домовых отпусках, в штрафах по суду и без суда не бывал, высочайшим выговорам и замечаниям не подвергался, холост, состоял в комплекте и находился в городе Ставрополе для принятия из тамошней комиссариатской комиссии амуничных вещей и денег. К повышению чином аттестовался достойным. Отчеты по должности, Какие имел, представлял в срок, жалобам не подвергался, слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал, оглашаем и изобличаем в неприличном поведении не был…

В 1836 году в 1-й день апреля И. И. Мосин был уволен со службы «по домашним обстоятельствам».

И вот уже нет привычной полковой обстановки, мундир нужно заменить цивильным сюртуком, но самым трудным оказалось определиться в новой жизни, найти свою в ней дорогу. Чем можно заняться отставному офицеру, не имеющему средств к существованию? Как жить, чем жить? Путей было два: определиться на государственную службу, для чего необходимо какое-то образование, а еще лучше — солидная протекция. Но его

знаний грамматики и арифметики хватало только на то, чтобы стать писарем, а что до протекции… Можно было идти в услужение к частному лицу. По примеру таких же, как он, бывших офицеров, выходцев из низов, Иван Игнатьевич нанялся управляющим имением богатой воронежской помещицы, вдовой взбалмошной барыни Анны Петровны Шелле, усадьба которой находилась в селе Рамонь.

Госпожа Шелле искала себе управляющего непременно из офицеров, чтобы положиться полностью на его честность и порядочность. Он должен был быть нестарым, необремененным семьей. Что оставалось нищему подпоручику, на мундире которого начали появляться прорехи? Принять условия да и только…

Больше десяти лет служил барыне Иван Игнатьевич, оставаясь холостяком, пока не женился на дочери местного крестьянина Феоктисте Васильевне. Супружеская жизнь Мосиных складывалась удачно, 2 апреля 1849 года у них родился первый сын Сергей.

В метрической книге Воронежского уезда села Рамони Николаевской церкви за 1849 год значится:

«Апреля второго рожден, шестого числа крещен Сергей… Восприемниками были статского советника Туликова дворовые Александр Дмитриев сын Зыкин и девица Наталья Терентьевна Талдыкина».

Спустя три года родился второй сын, нареченный Митрофаном. И здесь счастливых супругов подстерегла нежданная беда — во время родов Феоктиста умерла, оставив мужа с малолетними ребятишками.

Надо отдать должное барыне Анне Ивановне: при всем своем непостоянном характере она приняла немалое участие в судьбе детей Ивана Игнатьевича, помогла Сергею получить домашнее образование. К десяти годам он неплохо знал не только грамматику и арифметику, но и вполне сносно владел основами французского языка. Однако отсутствие материнской заботы и ласки наложило отпечаток на характер мальчика, он был замкнут, меланхоличен, легко поддавался грусти, хотя в иные моменты мог вспылить и даже загореться гневом.

Судьба старшего сына весьма заботила Ивана Игнатьевича, он хотел дать ему военное образование, вывести в офицеры, но полное отсутствие средств требовало определения Сергея в кадетский корпус на казенный кошт.

В кадетский корпус принимали только дворянских детей, поэтому 2 февраля 1860 года Иван Игнатьевич подал прошение в Воронежское дворянское депутатское собрание, в котором

ходатайствовал:

«Покорнейше прошу Дворянское собрание внести меня с сыном в родословную книгу дворянства Воронежской губернии и по внесении выдать сыну моему копию с протокола».

Воронежские дворянские депутаты не стали откладывать дело в долгий ящик и уже 15 февраля того же года рассмотрели просьбу отставного подпоручика вкупе с приложенными документами и, руководствуясь соответствующими статьями свода законов Российской империи, постановили выдать Мосину Ивану грамоту на дворянское достоинство, а сыну его Сергею копию с постановления депутатского собрания. Вскоре это постановление было утверждено департаментом герольдии Правительствующего Сената.

Теперь перед Сергеем был открыт путь в кадетский корпус.

Глава 2. МИХАЙЛОВЕЦ

Многочисленные войны начала XIX века выявили необходимость значительного улучшения подготовки офицерских кадров. Специальная комиссия под председательством великого князя Константина рассмотрела некоторые проекты устройства военных училищ, в том числе и предложения из губерний об организации губернских военных училищ на средства дворян, «дабы дух единомыслия оживотворял всю армию». Комиссия трудилась беспрестанно в течение двух лет и родила на свет «План военного воспитания», утвержденный Александром I в марте 1805 года. План предусматривал развертывание 10 военных училищ, в том числе и в Воронеже. Подготовительной ступенью для поступления в училище должны были стать военные школы, каковые и были открыты в Тамбове, Туле и Петербурге.

Но в России редко что делалось быстро. И процесс перестройки военного образования затянулся на четверть века. Только в 1830 году был опубликован указ об открытии в основных губерниях кадетских корпусов.

Прошло еще 15 лет, и, наконец, в Воронеже был освящен Воронежско-Михайловский кадетский корпус I класса. Год спустя Тамбовская военная школа также была преобразована в корпус II класса, но, по существу, она так и осталась подготовительным отделением Воронежского корпуса.

1 августа 1861 года подпоручик Мосин привез своего старшего сына в Тамбов на предмет сдачи вступительных экзаменов в начальные классы кадетского корпуса. Надо полагать, сын волновался значительно меньше, чем отец, потому как на экзаменах Сергей обнаружил хорошие (сказалось приличное домашнее образование) «знания истории Ветхого завета, чтения и письма по-русски и по-французски и основных действий над целыми числами». 16 августа Сергея Мосина приняли в первый подготовительный класс и зачислили в неранжированную роту[3]. …Тамбов — город губернский, его главная улица освещалась керосиновыми фонарями, что было несомненным свидетельством прогресса. Здесь, в Тамбове, был один из центров хлебной торговли России, отсюда отборную русскую пшеницу везли за границу, исповедуя недобрую заповедь: «Не доедим, но вывезем!» Через Тамбов гнали многочисленные, до небес поднимавшие пыль стада скота — кормить Москву, Петербург. Меда в Тамбове — море разливанное, а промышленности не было совсем, если не считать салотопенные да винокуренные заводы. Со времен, когда здесь

губернаторствовал великий поэт Гавриил Романович Державин, в городе «дух просвещения окреп», ибо были учреждены гимназии и училища, духовная семинария и даже институт благородных девиц. Достопримечательностью стал кадетский корпус, предназначенный для обучения малолетних детей местных дворян и казаков.

Несмотря на сравнительно молодой возраст, Тамбовский корпус имел и свои традиции, и неплохую материальную базу. Он считался одним из «либеральных»

военно-учебных заведений в силу довольно-таки примечательного обстоятельства. Согласно грамоте царя Петра III «О вольности…» дворянство от телесных наказаний было освобождено. Однако кадетов, детушек дворянских, в корпусах секли. В Тамбовском корпусе иной год устраивалось до десяти порок. Это что! Вот в Павловском секли так секли, по 50 человек на год, а в Полтавском вообще драли нещадно, там до сотни недорослей, кто бестрепетно, а иные со слезами на глазах, отдавались в руки «дядек» под соленые розги.

В 60-е годы, как раз-таки в период «либерализма», в Тамбове постигали азы науки многие представители известных фамилий: князь Николай Волконский, братья Пржевальские, брат Г. В. Плеханова — Митрофан, Феликс Кржижановский, будущий писатель-народник Сергей Кривенко, будущий выдающийся изобретатель Александр Лодыгин. С некоторыми из них пришлось общаться и Сергею Мосину. Одиннадцатилетнему кадету, с рассказами отца об армии впитавшему в себя любовь к строю, мундиру, военному распорядку, приятно было надеть серые брючки и темно-зеленую курточку, украсить голову темно-з|еленой фуражкой с красным околышем — такова была повседневная форма тамбовских кадет. А парадная вообще до слез восхитила Сережу Мосина, когда впервые в большом настенном зеркале отразилась его маленькая фигурка: мундир с зеленым галуном, стоячим воротничком красного цвета, медные пуговицы и буквы «ТК» на плечах надраены так, что смотреть больно, с левого плеча свисают и покачиваются кутайсы[4] с помпонами, а на лакированном кивере — репейки[5] , точь-в-точь, как на взрослом мундире! Одно только и отличало малышей первого класса от старшеклассников — у них не было на плечах погон, их давали только с переходом в старший класс.

День в корпусе был расписан по минутам. В девять утра, сразу же после утреннего туалета и завтрака, начинались занятия. В кадетских корпусах имело место четкое разграничение деятельности наставников и педагогов: первые воспитывают, вторые — обучают.

Программа обучения была довольно широкой: история российская, всеобщая и естественная, математика, русский язык и словесность, чистописание, два иностранных языка — французский и немецкий, обязательные военные науки, а также гимнастика, пение, танцы и закон божий. Педагоги привлекали кадетов к собиранию российских древностей, шкафы были заполнены черепками горшков из развалин древних городищ, бронзовыми фигурками из курганов, археологическими находками времен татаро-монгольского ига. Несколько поколений кадетов собрали приличную коллекцию местных минералов и гербарий тамбовской растительности.

Была в корпусе библиотека. Она состояла из 18 книг о путешествиях, 67 томов художественной литературы, 112 книг по истории. Специальных книг по военным наукам библиотека насчитывала 104 тома, а, кроме того, кадеты могли знакомиться с периодическими изданиями того времени, фактически со всеми газетами и журналами.

Предметом особой гордости были дорогостоящие и редкие тогда приборы: барометр, термометр и микроскоп. Так что провинциальный Тамбовский корпус был далеко не худшим в Росссии.

Офицеры-воспитатели выполняли инструкции и приказы Главного управления военно-учебных заведений, следуя не только их букве, но и духу. А эти грамотно и толково составленные инструкции предписывали в отношении будущих воинов «сбережение и подкрепление их здоровья, развитие и усовершенствование их телесных сил, дабы сделать их способным к перенесению трудов военной жизни». В силу этого воспитанники должны были вести «жизнь деятельную, простую и правильную, получать доброкачественную пищу, исправную и удобную одежду, пользоваться свежим воздухом и содержать себя в исправности и чистоплотности, для чего ежедневно умываться три раза, ходить в баню каждую неделю, а летом на купание и того чаще. Переменять носильное белье два раза в неделю, а постельное через семь дней».

Поддержание и совершенствование физических кондиций кадетов ни в коем случае не отделялось от их нравственного воспитания. Наставники должны были вырастить таких офицеров, которые беспрекословно и без рассуждений выполнят любой приказ, будут честны и ни на копейку не обманут ни товарищей своих, ни подчиненных, и, презирая смерть, смогут во весь рост, под градом вражеских пуль идти впереди своих солдат в атаку. Абсолютное выполнение будущими воинами своего офицерского и дворянского долга — вот главная задача воспитателей. На

заседаниях воспитательного комитета обсуждалось такое понятие, как чувство долга. Одна из резолюций комитета гласила: «Истинная честь неразрывна с истинной нравственностью, основанием которой должно быть добросовестное выполнение того, что требуется долгом. Главнейшие нравственные качества суть: власть над собою, стремление к своему совершенствованию, готовность помочь ближнему, деятельность, любовь к порядку, честность, бескорыстие, правдолюбие, твердость духа и скромность».

И это не было пустой декларацией. Такую и ей подобные резолюции воплощал в действительность командир корпуса полковник Пташник, о котором один из воспитанников писал: «Его все знали и любили. Он хоть и небольшого роста, но красивый и представительный мужчина, тщательно причесанный, с выхоленными усами, одетый всегда щеголевато. Он часто появлялся перед кадетами и торжественно проходил по залам, заложив левую руку за спину, а правую за борт сюртука».

Командир корпуса был для кадетов фигурой почти недосягаемой, о нем они судили по внешнему виду да по приказам, строгим, но справедливым. Ближе к ним были непосредственные командиры и воспитатели. Семья командира роты капитана Савостьянова жила при корпусе, капитан дневал и ночевал при своих 90 воспитанниках. Он был добродушен и мягок, но гремучей ртутью взрывался, когда замечал чванство или высокомерие в двенадцатилетнем подростке. На долю его и штабс-капитана Мамчича, инспектора классов, выпадало решить, какое наказание применить к кадету за проступок, и при этом «соблюдать строгую справедливость и соразмерность с прежним поведением воспитанника и в особенности с намерением, которое служило побуждением проступка».

Безусловно, не все офицеры в кадетских корпусах были такими, как воспитатели Мосина, но ему повезло, и справедливо будет считать, что основы его будущего характера были заложены не только мудрым отцом, но и добросовестными воспитателями.

В Тамбовском корпусе Сергей Мосин впервые взял в руки оружие. Для повседневного ношения полагался тесак с медным эфесом[6] и в ножнах, а для учения — ружье, пистолет, шашка и пика.

…Самым страшным пороком в Тамбовском корпусе считалась лживость. Если за дерзкий ответ воспитателю или педагогу, за драку или перебранку между собой, за леность и плохо выученный урок кадеты наказывались лишением сладкого блюда, стоянием навытяжку у барабана и вывешиванием фамилии на черной доске, то за вранье ждала самая суровая кара — даже

страшнее розог — отлучение от общества. Врунишки, согрешившие по воле случая, и закоренелые лгуны отдельной кучкой сидели в классе, за отдельным столом в столовой. Их обещаниям даже после отбытия наказания долго не верили и, как правило, просили представить поручителей из товарищей по классу или корпусу. Немало должно было пройти времени, пока единожды солгавший заслуживал прощение товарищей. Сергей Мосин никогда не лгал.

Однако в корпусе воспитывали не только наказанием, но и поощрением. Если старательный и усердный в науках кадет получал высокий балл по какому-либо предмету, его фамилия в тот же день появлялась на красной доске, более того, она объявлялась во всеуслышание на вечернем сборе. Вот тут-то Сережа Мосин отличался, ибо средний балл у него по всем предметам постоянно был 8 — 9. Ежели воспитанник начального класса на протяжении достаточно долгого времени показывал отличные оценки в учебе и примерное поведение, то ему досрочно нашивались погоны на куртку. В ноябре 1861 года, всего через два с половиной месяца занятий, столь высокой чести был удостоен Сергей Мосин. На одном из вечерних сборов был зачитан приказ полковника Пташника: «По представлению командира неранжированной роты капитана Савостьянова и по утверждению воспитательного комитета, состоявшегося сего числа, предписываю кадету Мосину Сергею за хорошее поведение и прилежание к наукам нашить погоны на куртку».

В аттестации корпусное начальство отмечало хорошие способности Мосина, хотя он и не всегда обнаруживал достаточное прилежание. В замечаниях о характере, наклонностях и способностях Сергея ротный командир отмечал, что он был способным, скромным, исполнительным, добросердечным, несколько вспыльчивым мальчиком, но всегда дисциплинированным, за что ему часто повышался годовой балл за поведение.

Мосин учился в Тамбовском корпусе всего один год. 13 июня 1862 года его перевели для продолжения учебы в Воронежский Михайловский кадетский корпус.

В ту пору между двумя губернскими центрами Тамбовом и Воронежем не было иного сообщения, кроме обозного летом и санного зимой, и тамбовские кадеты добирались до нового места учебы организованно, походным порядком, под началом офицеров-воспитателей Воронежского корпуса. Переход обставлялся празднично, красиво, в дорогу основательно запасались провиантом, брали ведерные самовары и котлы для пищи. Подростки по летней жаре уставали на марше быстро, из-за

чего походная колонна часто останавливалась у тенистых речек, разбивался бивуак, трапезничали в меру, по-военному, хотя аппетит был поистине походный. Купаться разрешалось от души, играть, бегать, прыгать — всего вволю. А потом бивуак снимался и снова катили повозки и пылила колонна по древнему степному тракту.

Сергей был на седьмом небе от такой жизни. Он шагал в первой шеренге своего взвода, перед глазами его проходил необъятный простор плоской, как блюдце, степи с редкими курганами, на которых вечными сторожами стояли каменные бабы с отвислыми животами — богини живших здесь в незапамятные времена народов.

Сергей прочитал самые интересные исторические книги из училищной библиотечки и знал, что через воронежские и тамбовские земли дикими вихрями проносились, топча копытами все живое, орды кочевников аваров, печенегов, хазар, половцев. Русские люди еще помнили испепеляющий кровавый вал неисчислимых туменов Бату-хана. А сколько их еще будет, завоевателей, жаждущих русских богатств? Вот он, Сергей Мосин с товарищами и призван защищать от них отчую землю. Эту заповедь принес с собой юный Мосин в Воронежский корпус.

Учебное заведение размещалось в большом трехэтажном здании с колоннами, по фронтону которого распластался двуглавый орел, символ Российской империи. Перед фасадом — жесткий квадрат строевого плаца, а за домом густел чащобою старинный дубовый парк, густо заросший молодняком.

В Воронежском корпусе было много похожего на Тамбовский, но имели место и различия. Распорядок вроде бы оставался тот же: подъем, утренний осмотр, завтрак, классные или строевые занятия, обед, прогулка в строю, снова классные занятия и долгожданный отдых. Но дисциплина была жестче, и намного. В Воронежском корпусе в отличие от Тамбовского согласия между педагогами и воспитателями не было. В первый год, когда там уже учился Мосин, еще оставались осколки некоего союза, так как преподава ние держалось на учителях либерального толка, таких, как, к примеру, Николай Степанович Тарачков, человек заметный не только в городе, но и в губернии. Он преподавал физику и естественную историю, занимался научной работой и за свои труды был удостоен серебряной медали Московского университета. За успехи в разведении полезных для человека растений Императорское общество акклиматизации присудило ему бронзовую медаль, и такую же награду Тарачков получил от Московского общества сельского хозяйства за гербарий воронежской флоры.

«Педагог должен учить своим примером», — утверждал Тарачков. Знаменитый гербарий — 400 растений — он собирал только со своими учениками. При корпусе вместе с кадетами развел прекрасный сад с белой акацией, шелковицей, орехами, каштанами, китайским ясенем и даже виноградом. Память о Тарачкове доныне осталась в Воронеже, ибо пьедестал памятника Петру Великому, что стоит на крутом городском берегу, сделан из глыбы гранита, найденной учителем в шести верстах от городка Павловска.

Из своих подопечных Тарачков хотел вырастить людей, способных на любой подвиг во благо Отчизны. Он считал, что слава России куется не только на поле брани, но и на поприще труда. В одном из писем к другу он так изложил свои принципы:

«Наши русские молодые таланты, что есть лучшего и способнейшего в семьях из отроков всех сословий, поступая в классические гимназии и употребляя большую часть времени на изучение идеального классицизма с его умершими языками, в то же время лишены на всю жизнь познания природы в ее трех царствах! Оставаясь так высокообразованными, в то же время, как белоручки, они чужды и бессильны для пользования окружающего их в виде земельных угодий, фабрик и заводов. У нас все эти классики поставлены по-прежнему в зависимость от иностранных специалистов: агрономов, садовников, сахароваров, винокуров, фабричных химиков, механиков и других разнообразных техников до искусных столяров, слесарей и кузнецов. Все материальные работы остались у нас за немецкими специалистами, а мы, русские, как белоручки, находясь в вечной от них зависимости, кланяемся и платим им громадную материальную дань, нередко продавая им свою земельную, фабричную и другую собственность».

Эти горькие слова были сказаны человеком, имевшим огромное влияние на учеников и верившим, что из них получатся не только офицеры, но и слесари, и механики, и инженеры. Приметил ли, нет ли Тарачков среди массы кадетов скромного, тихого, иногда печального Сережу Мосина, но уже одно то, что Мосин и Александр Лодыгин выбрали путь технического творчества и прославили Россию, стало лучшим памятником этому замечательному педагогу.

Под стать Тарачкову был преподаватель российской словесности и истории обрусевший француз Михаил де Пуле, боготворивший русскую литературу. Он всегда задавал такие темы сочинений, что были близки народным идеалам, верованиям, обычаям. Может, именно де Пуле закрепил в Сереже Мосине искреннюю любовь к своему народу?

Сергей Павлов преподавал кадетам рисование и черчение, преподавал крепко, основательно. Его ученики, если даже не имели природного дара к изобразительному искусству, наукой черчения овладевали прочно. А сам Павлов был страстно влюблен в этнографию. Он давал задания кадетам рисовать крестьян, купцов, мещан, детально выписывая при этом их одежду. Подбитые ветром зипуны крестьян, бархатные поддевки воронежских мещан, парчовые душегрейки разжиревших купчих, меховые шубы первогильдейских купцов, сшитые на французский манер сюртуки и заметные в толпе дворянские фуражки с красными околышами. Мало кто из начальства догадывался, что этот уникальный калейдоскоп лиц и костюмов есть самая живая иллюстрация чудовищного неравенства, осененного российскими законами. О павловской коллекции узнали за границей, ему за нее предлагали очень большие деньги, но Сергей Павлович отверг все сделки и подарил рисунки этнографической выставке. Как знать, может быть, об этом знал Мосин и запомнил на всю жизнь бескорыстие своего учителя?

Реформа 1861 года усилила разногласия между прогрессивно настроенными учителями и реакционными офицерами-воспитателями. С одной стороны, наметилась определенная либерализация жизни, с другой — усилилось сопротивление реакционеров. Кадеты слышали, как преподаватели критиковали прежние порядки, наматывали себе на ус их высказывания. Самые дотошные и любознательные читали не столько беллетристику, сколько публицистику и критические статьи. Особенно много волнений воспитателям и директору корпуса генералу Броневскому доставили польские события 1863 года[7]. Воронежские кадеты в знак сочувствия к восставшим полякам писали на окнах и дверях дерзкие слова «свобода, равенство, братство». Дядьки, ворча потихонечку, старательно терли стекла тряпками, а офицеры-воспитатели настороженно вглядывались в лица кадетов, пытаясь найти авторов надписей. На вечерней поверке генерал Броневский обходил построенных в каре воспитанников и определял «по глазам» зачинщиков беспорядков. Выделенных таким нехитрым способом кадетов пороли беспощадно, так что в городе стали с ужасом говорить о жестокостях Броневского, писать о них в Петербург. Броневского убрали, назначили генерал-майора Ватаци.

Новый командир корпуса оказался человеком гибким и осторожным. Он ко всем относился ласково, был доступен, преподавателям рекомендовал «не притеснять кадет», разрешал устраивать танцевальные вечера с приглашением барышень, одобрял выходы в городской театр. Воспитанники стали жить

более полной жизнью и без надзора интересоваться общественными событиями.

Такое положение вещей не могло, безусловно, понравиться тем, кто стоял за жестокие воспитательные меры. В Главное управление военно-учебных заведений полетели анонимки.

После таких доносов «мягкотелого» Ватаци заменил жестокий фон Винклер. В его руках корпус притих. Каждый вечер десяток провинившихся с содроганием ждали порки. То, что для малолетних в Тамбовском корпусе было наказанием, выбивало из подростков чванство и зазнайство, здесь — юношам — приносило непоправимый вред.

Педагоги-гуманисты утверждали, что всякое устрашение не имеет педагогического смысла, ибо нравственных людей следует воспитывать не из страха наказания, а по убеждению, по душе, по привычке наконец. Но конфликт между военными воспитателями и педагогами обострялся все явственней, в результате чего в 1864 году ушел Тарачков, затем де Пуле, Павлов.

Для кадетов вновь наступили суровые времена. Сергею Мосину пришлось, таким образом, учиться как бы в двух совершенно разных по духу учебных заведениях, хотя и под одной крышей.

Однако невзгоды корпусной жизни не мешали Мосину преуспевать в науках. Начальство в аттестациях всегда отмечало его отличные способности. Он не удовлетворялся только уроками в классе и много времени проводил в читальном зале. Увлечение математикой пробудило в нем интерес к военной технике. И это было не просто детское любопытство в отношении оружия, а вполне осознанный интерес. Несмотря на «не всегда достаточное прилежание по отдельным предметам», Сергей постоянно имел высокий общий балл, без всякой натуги переходил из класса в класс, а в 1864 году «за весьма хорошие успехи в науках и примерное поведение» был награжден похвальным листом и подарком. И вновь ротный командир и офицер-воспитатель в замечаниях о характере, наклонностях и способностях своего подопечного отмечали его скромность, исполнительность, добросердечность, несомненную талантливость. Правда, в иных ситуациях Сергей проявлял вспыльчивость, даже горячность, но при этом оставался в рамках дисциплины. Отмеченные качества становились устойчивыми чертами характера.

Зимой 1865 года Сергей получил неприятное известие от отца. Иван Игнатьевич сообщал сыну, что он взял расчет у А. П. Шелле и уезжает к новому месту службы в Тульскую губернию в поместье Арсеньевых. Что за причина заставила И. И. Мосина уйти от Шелле, осталось его тайной, но для Сергея это и не было

важным. Главное заключалось в том, что он терял связь с отцом, единственно близким ему человеком. И даже дружеские отношения с товарищами по корпусу не могли скрасить одиночества.

Последние годы учебы были наполнены новыми событиями. Согласно военным преобразованиям, начатым министром Д. Н. Милютиным, общеобразовательные классы кадетских корпусов реорганизовывались в военные гимназии с широкой учебной программой, в которой преобладали точные и естественные науки. Это способствовало подготовке грамотных в техническом отношении кандидатов в военные училища и еще больше утвердило желание Сергея продолжить учебу в военно-техническом заведении.

В 1867 году Мосин весьма успешно окончил гимназию. Он получил отменную теоретическую подготовку, а главное, выработал в себе способность к труду и веру в свои силы. Еще до окончания гимназии Сергей выбрал для дальнейшей учебы Михайловское артиллерийское училище. В беседе с генералом, директором гимназии, он изложил свое желание и получил полное одобрение. Но когда пришло время окончательного распределения гимназистов по училищам, в Михайловском для Мосина не оказалось вакансии. Вконец расстроенному юноше пришлось дать согласие на учебу в 3-м военном Александровском училище, которое находилось в Москве. Назначение туда он получил 12 июля, но пехотным юнкером пробыл недолго. В начале октября в Михайловском артиллерийском училище открылись дополнительные вакансии, и 11 октября Мосин был переведен на учебу в Петербург. Сергей, конечно, не знал, что Военное министерство, пытаясь покрыть недостаток артиллерийских кадров среднего офицерского звена, решило перевести в Михайловское училище наиболее способных к математике слушателей пехотных и кавалерийских училищ и даже Пажеского корпуса.

Михайловское артиллерийское училище имело замечательную историю, у истоков его стоял сам Петр Великий. Указом от 1698 года он основал при бомбардирской роте Преображенского полка первую в России артиллерийскую школу. Затем Екатерина II преобразовала ее в Артиллерийский шляхетский корпус, просуществовавший до начала XIX века. В 1820 году была сформирована учебная артиллерийская бригада, и 25 ноября того же года при ней — Артиллерийское училище, получившее через 29 лет наименование Михайловского.

Это старейшее военное училище России выпускало офицеров с высокой профессиональной подготовкой. Учебный план

предусматривал солидный математический курс, включавший интегральное и дифференциальное исчисление, аналитическую геометрию, начала высшей алгебры, все артиллерийские дисциплины, в том числе фортификацию и топографию.

Для Мосина, давно уже привыкшего к систематической работе, занятия в училище стали едва ли не единственным времяпрепровождением. Он увлеченно изучал труды С. К. Каминского, читавшего специальный курс артиллерии, досконально разобрался в устройстве полевого лафета с боковым смещением станины, изобретенного А. А. Фишером, с наслаждением окунался в формулы по баллистике. Товарищи удивлялись работоспособности Сергея и называли его книжником и затворником.

Курс наук в Михайловском училище был рассчитан на три года. Сергей успешно преодолевал все видимые и незримые рифы, уверенно переходил из класса в класс и в июле 1870 года благополучно сдал выпускные экзамены. Еще раньше, 27 июня, он за успехи в учебе и примерное поведение был произведен в портупей-юнкеры[8]. Теперь же плечи Мосина украсили эполеты подпоручика, первого офицерского чина.

21 июля новоиспеченный артиллерист получил назначение во 2-ю резервную конно-артиллерийскую бригаду и через десять дней отбыл к месту службы в Царское Село, туда, где когда-то квартировал лейб-гвардии гусарский полк Ивана Игнатьевича.

Во всех аттестациях Сергея Мосина отмечалось его «похвальное поведение», он никогда не нарушал дисциплину, не был уличен в принадлежности к какому-нибудь кружку. А ведь всякого рода кружки в кадетских корпусах и военных училищах существовали. Они возникали как просветительные и их участников объединяло стремление познакомиться с революционно-демократической литературой, в которой мыслящие офицеры пытались найти ответы на волновавшие их вопросы. Было такое объединение кадетов и в Воронежском корпусе. Д. А. Милютин, военный деятель прогрессивных взглядов, тем не менее считал, что распространение «заразы либерализма служило очевидным доказательством распущенности и ложного направления воспитания» будущих офицеров..

Крупную роль играл кружок, действовавший в Михайловском артиллерийском училище и Артиллерийской академии. Жандармское отделение сообщало о связях слушателей училища и академии с революционными кружками и участии их в противоправительственной пропаганде. Однажды Милютину был направлен список из 13 человек, арестованных за тайную

пропаганду. Министр, просмотрев этот список, написал:

«…девять воспитанников Михайловского артиллерийского училища, замеченные в деле о противоправительственной пропаганде в народе, принадлежат к выпускникам 1869, 1870, 1871… годов. Можно предположить, что только в последнее время (с 1869 г.) началось какое-нибудь тайное, зловредное влияние на юнкеров Артиллерийского училища».

Мосин закончил училище в 1870 году, но он не был членом какого-либо кружка. Он, глубоко сочувствуя русскому народу, ограничивался либеральными разговорами с приятелями в тесном кругу, а, кроме того, был чрезвычайно увлечен науками. Мосин считал, что его главная цель — стать толковым офицером, настоящим защитником Отечества.

С такими благими намерениями прибыл Сергей Иванович к месту своей военной службы и ретиво взялся за дело.

Его назначили командиром полубатареи. Сергей все время отдавал обучению солдат, при этом руководствовался мнением, высказанным Н. Г. Чернышевским на страницах «Военного сборника»:

«Русский солдат есть сын русского крестьянина, в нем много сметки, врожденной логики, ему расскажи языком, чтобы он разложил умом, и тогда он вовек ничего не забудет… Поэтому надо, чтобы начальники считали солдат себе подобными существами, мыслящими и чувствующими…»

Не удивительно, что расчеты, которыми командовал Сергей Иванович, были самыми слаженными в бригаде, показывали отменно быструю и точную стрельбу. Но, уважая солдат, Мосин никогда не опускался до панибратства, всегда строго выдерживал дистанцию, отделяющую командира от подчиненного.

Поначалу Сергей Иванович с охотой посещал офицерское собрание, быстро сумел завоевать расположение товарищей сдержанным компанейством, хорошим, ровным настроением. Но однообразие развлечений приелось гораздо быстрей, чем Мосин мог предположить. Балы, карты и застолья сменялись в разной последовательности, и только. А Мосина постоянно тянуло к книгам, к уединенной работе. Стали появляться мысли о необходимости продолжить военное образование в академии. Уже на исходе первого года службы Сергей Иванович стал готовиться к вступительным экзаменам.

По истечении двух лет отмеченной успехами строевой службы, Мосин ходатайствовал перед командованием о разрешении на сдачу испытаний в Михайловскую артиллерийскую академию, таковое получил, за счет отличной подготовки набрал высокий средний балл на экзаменах и был

зачислен на первый курс технического факультета. В том же году Сергея Ивановича произвели в поручики.

Михайловская артиллерийская академия была учреждена в 1855 году на базе одноименного училища и сначала находилась в ведении Главного управления военно-учебных заведений. Однако в том же году руководство высшим военным образованием сосредоточилось в руках Генерального штаба. В связи с этим все три российские военные академии: Николаевская военная, Николаевская инженерная и Михайловская артиллерийская — составили как бы единую императорскую Военную академию, во главе которой стоял совет под председательством начальника Генерального штаба. На практике же совет этот бездействовал, и в 1863 году академии вернулись под управление Военного министерства. Был значительно усовершенствован учебный план, из него изъяли общие предметы и оставили главным образом специальные: артиллерию, баллистику, долговременную фортификацию, тактику, военную историю, высшую математику, теоретическую механику, физику, химию, артиллерийское черчение и черчение фортификационных планов. В Положении об артиллерийской академии указывалось, что все, ее оканчивающие, должны быть направляемы «к занятию мест по техническим и учебным частям в артиллерийских заведениях в главном и окружном артиллерийском управлении, в артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления и для приема артиллерийских изделий различных заводов».

Первоначально академия рассматривалась как своеобразный военный университет, предназначенный для широкой подготовки артиллерийских инженеров. Именно поэтому Главное артиллерийское управление требовало готовить кадры, «с высшим специальным образованием, преимущественно для занятия мест по техническим и учебным частям в артиллерии».

В 1863 году была сделана попытка еще более расширить профиль академии, разделив ее на два факультета: технический и строевой. Первый готовил инженеров для оружейных и артиллерийских заводов, а также специалистов по эксплуатации артиллерийской техники, второй — строевых офицеров для занятия командных должностей в артиллерийских частях. Однако новация оказалась несостоятельной, себя не оправдавшей, а потому через три года было принято новое решение: подготовку командных кадров сосредоточить в училище, в академии оставить один только технический факультет, способный давать «хорошо подготовленных ученых техников».

Блестящее созвездие выдающихся ученых своего времени, преподававших в академии, всесторонняя программа подготовки,

умелое сочетание теории и практики позволили вырастить целую плеяду замечательных специалистов, резко поднявших уровень отечественной артиллерийской и ружейной техники. Достаточно сказать, что из стен академии вышли прославленные оружейники П. П. Третьяков, создатель отечественного станкового пулемета, А. А. Соколов, спроектировавший станок для этого пулемета, В. Г. Федоров, основоположник отечественного автоматического оружия, С. И. Мосин. Михайловская артиллерийская академия оправдала надежды русской армии.

Учеба в академии доставляла Сергею Ивановичу истинное наслаждение, поскольку шли в нее работящие, любящие артиллерийское дело офицеры, а великосветских карьеристов технические специальности не привлекали. К тому же наклонности Сергея Ивановича определились уже достаточно ясно, он не рассчитывал на карьеру легкую, быструю, хотя и не был обойден хорошим честолюбием и твердо верил в старинное поверье, будто каждый солдат носил в своем ранце маршальский жезл. А иначе незачем идти в военную службу. Тут уж так: служи старательно и честно, а за начальством чины и награды не пропадут.

Многие из академических товарищей Мосина мыслили так же, как и он, потому разговоры их вращались в основном вокруг проблем отечественной артиллерии, обсуждать же такие вопросы, как преимущество того или иного ордена перед очередным производством в чин принято не было. Созданию доброжелательной творческой обстановки способствовали и значительной мере профессоры академии. Каким пышным было созвездие этих имен! Историю оружия и артиллерии преподавал Владимир Львович Чебышев, замечательный теоретик стрелкового оружия и отменный практик-конструктор. Его перу принадлежали более сотни трудов, он спроектировал игольчатую[9] винтовку остроумной конструкции, при его непосредственном участии создавались драгунская и казачья винтовки образца 1870 года. Он оказал неоценимую помощь лейтенанту флота Баранову в проектировании винтовки для вооружения моряков. Русская армия останется благодарна В. Л. Чебышеву за то, что она одной из первых получила на вооружение надежный металлический патрон. Владимир Львович собрал замечательную коллекцию ручного огнестрельного оружия и совместно с другим выдающимся оружейником В. Н. Бестужевым-Рюминым в 1861 году основал журнал «Оружейный сборник», являвшийся еще в начале нашего века важнейшим научным периодическим изданием русских оружейников.

Основной артиллерийский предмет — баллистику — читал в

академии Николай Владимирович Маиевский. Его знаменитый курс внешней баллистики, изданный в тот год, когда Мосин только заканчивал военное училище, сделался настольной книгой для русских и иностранных артиллеристов. Фактически Маиевский стал родоначальником отечественной и мировой школы баллистики. Он разработал методику составления таблиц стрельб для нарезных орудий. Но Николай Владимирович не ограничивал свою деятельность только теоретическими изысканиями, он принимал самое активное участие в проектировании, строительстве и испытаниях новых систем нарезных орудий полевой и береговой артиллерии. Возглавляя кафедру в Михайловской артиллерийской академии, Маиевский являлся одновременно ученым секретарем, а затем и членом артиллерийского отделения Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (ГАУ).

Широко известен был в научных кругах Иван Алексеевич Вышнеградский, почетный член Петербургской академии наук, прославивший свое имя основанием теории автоматического регулирования. Обладая обширнейшими знаниями по артиллерийской технике и специальным производствам, Вышнеградский состоял инженером-механиком Главного артиллерийского управления, по его проектам и указаниям были реконструированы военные заводы России. Иван Алексеевич сделал замечательную карьеру, став в 1887 году министром финансов. Но для Мосина и его товарищей по академии значительно важнее было то, что Вышнеградский, обладая незаурядным конструкторским дарованием, старался готовить из своих учеников изобретателей, для чего первым в России ввел преподавание машиностроения, умело и интересно организовал занятия по проектированию деталей машин и материальной части артиллерии, способствуя тем самым развитию творческих потенций слушателей академии.

Кафедру технологии возглавлял Аксель Вильгельмович Гадолин, труды которого в области применения теории упругости к расчету прочности артиллерийских орудий имели мировое значение. Гадолин был одновременно и руководителем практики молодых инженеров. Он включил в одну из групп, направляемых на Сестрорецкий оружейный завод, поручика Мосина. Так Сергей Иванович впервые познакомился с практической деятельностью предприятия, производящего стрелковое оружие.

Мосин учился в Михайловской артиллерийской академии два года, прошел полный курс артиллерийских наук, летом 1875 года блестяще сдал выпускные экзамены и был выпущен из академии по первому разряду с производством в штабс-капитаны по

полевой конной артиллерии.

Сергей Иванович получил назначение на Тульский оружейный завод. Обстоятельств, повлиявших на выбор места дальнейшей службы, было несколько. Во-первых, профессора академии, учитывая математические способности и склонность Мосина к изобретательству, советовали ему посвятить свои знания и способности производству стрелкового оружия, во-вторых, работа на сестрорецком заводе, пусть и кратковременная, убедила Сергея Ивановича в том, что изготовление ручного оружия не только интересное с инженерной точки зрения дело, но и сложное, дающее возможность реализовать свои способности и удовлетворить творческое честолюбие, в-третьих, тульский завод был в то время самым передовым и оснащенным предприятием не только России, но и Европы, на нем изготавливалась лучшая в мире стрелковая винтовка, и, наконец, ехать в Тулу Мосина заставили обстоятельства семейного характера: его отец уже долгое время находился на службе у тульских помещиков Арсеньевых. Во время зимних вакаций[10] последнего курса Сергей навещал отца, увидел, как он постарел, как сдали его силы. Чувство сыновнего долга требовало быть поближе к отцу. Итак, 19 июля 1875 года штабс-капитан Мосин получил назначение на Тульский Императорский оружейный завод.

Глава 3. НА ТУЛЬСКОМ ЗАВОДЕ

В начале 70-х годов XIX века старейший оружейный завод России переживал вторую молодость — на нем была проведена коренная реконструкция, вызванная несколькими причинами. В 1863 году, в связи с освобождением оружейников от обязательного труда, Тульский оружейный завод, так же, как и другие государственные оружейные заводы, был отдан в коммерческое управление. В результате варварской эксплуатации предприятия стали работать с перебоями. Обеспокоенное этим Военное министерство создало комиссию под председательством генерала Б. Г. Глинки-Маврина и поручило ей разобраться в причинах упадка оружейного производства. Б. Г. Глинка-Маврин на примере ижевского завода пришел к выводу, что от арендаторов «ни усовершенствования способов выделки оружия, ни правильного ухода за машинами, ни своевременного ремонта зданий, а равно и попечения о поднятии благосостояния мастеровых по самому существу дела ждать нельзя», и потребовал возвращения оружейных заводов в казну.

К еще более неутешительному выводу пришел военный министр Д. А. Милютин, когда в октябре 1869 года лично обследовал тульский завод. Он признал его состояние совершенно плачевным. В результате было решено создать комиссию во главе с генералом В. В. Нотбеком для составления плана переустройства завода, а сам Нотбек как человек, по отзывам Милютина, «дельный, близко знакомый со стрелковой частью», стал основным кандидатом на пост начальника завода.

К началу 1871 года комиссия В. В. Нотбека разработала детальный план реконструкции предприятия и оснащения его новейшими станками. Все работы, за исключением поставки оборудования английскими фирмами, шли быстрыми темпами, и уже к концу лета 1872 года вдоль набережной Упы вытянулся стройный ряд производственных и административных корпусов. Никогда еще за всю свою историю завод не был оснащен таким количеством самой современной техники. Всего было установлено 1118 единиц фрезерных, сверлильных, токарных, винторезных, пробивных станков, в том числе и 260 специальных многооперационных. В кузнечной мастерской разместили 32 единицы кузнечно-прессового оборудования, новая литейная обеспечивала производство 75 пудов литья в час. Мощность паро — и водотурбинных энергетических установок составляла 860 лошадиных сил. Все это вместе взятое должно было обеспечить при 10-часовом рабочем дне выделку 300 винтовок в день.

10 октября 1873 года обновленный завод осматривал военный министр и признал новые помещения «не только удобными, но даже роскошными». Особенно большое впечатление на всех, кто посещал тульский завод, производила впервые созданная в системе оружейного производства инструментальная мастерская, полностью обеспечивавшая потребность тульского завода в инструменте и приспособлениях.

Однако издержки коммерческого управления не были единственной причиной реконструкции первенца русской оборонной промышленности. Дело главным образом заключалось в том, что отечественные оружейные заводы, имевшие изношенный, устаревший станочный парк, отсталую технологию и маломощные энергетические установки, не могли производить новейшие нарезные винтовки, требующие качественно новой производственной культуры. А винтовка, принятая тогда на вооружение нашей армии, была лучшей в мире по тактико-техническим характеристикам. История ее создания интересна и поучительна.

В 1868 году два выдающихся русских оружейника полковник А. П. Горлов и капитан К. И. Гуниус спроектировали винтовку с откидным затвором и к ней патрон бутылочной формы с пулей калибром 4,2 линии[11]. Новое оружие отличала лучшая траектория пули, большая начальная скорость, меткость и пробивная способность. 28 октября того же года винтовка была принята на вооружение стрелковых батальонов и получила официальное наименование «стрелковая винтовка образца 1868 года».

В апреле 1869 года приехал американский инженер Х. Бердан, он предложил приспособить к винтовке Горлова и Гуниуса уже известный в оружейной практике скользящий затвор. После испытаний значительно измененная винтовка была принята на вооружение нашей армии и получила наименование «винтовка образца 1870 года». Однако новая система была еще далека от совершенства, требовала доработки, которую и произвели оружейники мастерских учебного пехотного батальона, внеся в винтовку 15 изменений. Но несмотря на то что новая система была создана на основе отечественной винтовки и дорабатывали ее наши мастера, в армии за ней закрепилось имя Х. Бердана. Более того, по непонятной причине имя американского инженера было присоединено и к винтовке образца 1868 года, что несправедливо ущемляло авторские права русских конструкторов…

С. И. Мосин начал службу на оружейном заводе как раз в то время, когда завод развил полную мощность по производству

новых винтовок. 30 июля 1875 года генерал-лейтенант В. В. Нотбек, тогдашний начальник завода, подписал приказ:

«…окончивший курс в Михайловской артиллерийской академии штабс-капитан 2-й резервной конно-артиллерийской бригады Мосин переведен на Тульский оружейный завод… Предписываю зачислить его в списочное состояние завода».

Молодому офицеру была представлена возможность познакомиться с предприятием, и только через три недели он получил первое назначение на должность помощника начальника мастерской. 20 августа 1875 года начался для Мосина долгий пятилетний путь детального изучения, всестороннего освоения и глубокого понимания производства. Он стал «вечным заместителем», так как в течение пяти лет замещал помощников или начальников четырех мастерских. Больше всего ему повезло ,с замочной, ею он командовал семь раз: дважды в 1875 году, трижды в 1876-м, один раз в 1877-м и, даже получив 20 ноября 1876 года постоянную должность начальника приборно-штыковой мастерской, он еще раз назначался в это подразделение. В конце 1876 года Мосин оказался сразу в четырех ипостасях: в октябре — ноябре он исполнял дела начальника инструментальной, починочной и замочной мастерских, оставаясь начальником приборно-штыковой.

Однако не надо думать, что заводское начальство напрасно гоняло Мосина из кресла в кресло, не давая ему покоя. Такова была система постепенной практической подготовки начинающего инженера к занятию командного поста на заводе. Начальство справедливо полагало, что, пройдя глубокое ознакомление с работой основных подразделений, вновь назначаемый руководитель успешно справится с любыми обязанностями.

Мосин ко всякой работе относился с похвальной обстоятельностью и непоказным рвением. Несмотря на то что его ставили только «исправлять должность», он дотошно вникал во все детали работы, до тонкости изучал технологию Сергей Иванович не кичился своим офицерским званием, не боялся запачкать руки в ружейном сале Мастеровые с удивлением наблюдали, как мало кому знакомый штабс-капитан пробовал работать на станках сам проверял детали, интересуясь качеством отделки, забирался во все, самые пыльные, уголки мастерской. Мосин не обращая внимания на недоуменные взгляды, докапывался до каждой мелочи, касающейся деятельности вверенного ему производства и работающих под его началом людей.

Здоровое служебное рвение Мосина было замечено. 12

октября 1877 года его назначают начальником замочной мастерской, одной из основных в производственном цикле. Ею Сергей Иванович командовал два с половиной года. Он успешно справлялся со своими обязанностями, завоевал прочное положение на заводе, и новый начальник предприятия генерал-майор В. Н. Бестужев-Рюмин 24 февраля 1880 года распорядился:

«…начальник мастерской Императорского Тульского оружейного завода числящийся по гвардейской пехоте полковник Миронов уволен по прошению от службы. Вследствие чего предписываю полковнику Миронову сдать на законном основании инструментальную мастерскую штабс-капитану Мосину, а сему последнему сдать замочную мастерскую и по окончании сдачи и приема донести мне» С этим назначением закончилось длительное «вживание» Сергея Ивановича в практическое оружейное производство. Но тем не менее начальство еще не раз временно «пристегивало» его к разным продразделениям. В июне 1880 года он возглавлял починочную мастерскую за отпускника поручика Некрасова, в 1881 и 1882 годах заменял капитана Михайлова в кузнечной мастерской, снабжавшей поковками весь завод. Но, безусловно, самым сложным и важным подразделением завода оставалась инструментальная мастерская, от ее успехов зависела вся деятельность предприятия. Она обеспечивала производство мерительным и поверочным инструментом, лекалами, шаблонами, в ней были заняты лучшие мастеровые и, кроме того, инструментальщики выполняли все опытные работы по усовершенствованию стрелкового оружия. Так, в течение 1875—1876 годов при тульском заводе работала специальная комиссия капитана артиллерии Роговцева, в задачу которой входило улучшение затвора 4,2-линейной винтовки. Комиссия работала в инструментальной мастерской, и Мосин соприкасался с ее деятельностью. На глазах Сергея Ивановича Роговцев предложил существенные изменения, исключавшие скручивание ударника, поломку затвора в месте соединения стебля с хвостом и ряд других недостатков. Число деталей затвора сократилось с 13 до 11, а число винтов с четырех до двух. В результате всех нововведений отказов в стрельбе из 4-линейной винтовки стало в десять раз меньше против прежнего. На тульском заводе предполагалось постепенное налаживание производства усовершенствованной винтовки, но этому помешала русско-турецкая война 1877—1878 годов. Россия, могучая держава, с колоссальным экономическим потенциалом, лучшими в мире солдатами оказалась неподготовленной к войне со страной, значительно более слабой. Как такое могло случиться? Четкий и лаконичный ответ на . этот вопрос дал офицер-народоволец Э. А.

Серебряков в статье, опубликованной в журнале «Былое» за 1912 год: «В ходе русско-турецкой войны вскрылось немало недостатков в военной организации и в системе боевой подготовки, давших себя почувствовать непосредственно в ходе войны. Наблюдались неполадки с проведением мобилизации войск и сосредоточением их в районе боевых действий на балканском театре, обеспечение войск устаревшим вооружением, поразительно плохая организация снабжения и грандиозное казнокрадство, достигшее размеров дневного грабежа».

Русский солдат, плохо снабжаемый и слабо вооруженный, добивался побед за счет высоких боевых качеств, сочувствия к братьям-славянам и сознания своей освободительной миссии. Турецкая же армия, стойкая, выносливая, слепо подчинявшаяся командованию, была слабо знакома с современными способами ведения войны, но имела на вооружении неплохое стрелковое оружие американского и английского производства и стальные крупповские орудия. На Балканах для русской армии повторилась трагедия Крымской войны, ибо истоки поражения следовало искать в недрах самодержавного строя.

Военные традиции, заложенные Петром Великим, были напрочь разрушены в царствования Александра I и Николая I. Русская промышленность находилась в застое и не могла обеспечивать армию современным оружием, ретрограды, стоявшие во главе оружейного дела, не могли и не хотели поспевать за развитием технической мысли. Случилось так, что англичане и французы, вооруженные нарезными капсюльными ружьями, вели прицельный огонь на тысячу и более шагов. Наши солдаты, имевшие гладкоствольные ружья, могли поражать противника лишь на расстоянии 300 шагов, да и то только пятая часть пуль попадала в цель.

Вот почему в Крымской войне губительный ружейный огонь англичан и французов тысячами выводил из строя российских воинов в сражении при Балаклаве и Альме, Инкермане и Черной речке, на редутах и бастионах Севастополя. Учло ли царское правительство кровавый опыт этих сражений? Учло, но громоздкий, отсталый, насквозь бюрократический хозяйственный механизм разворачивался столь медленно, что к концу кампании количество нарезного оружия в действующей армии увеличилось с пяти процентов только до 13.

В. И. Ленин совершенно справедливо отмечал, что Крымская война показала гнилость и бессилие крепостнической России. Она же поставила на повестку дня проведение коренных преобразований в армии и военной промышленности.

После 1861 года Россия повернула на путь буржуазных

реформ, в военном деле их проводником стал Дмитрий Александрович Милютин.

Взгляды Д. А. Милютина, человека широко образованного и культурного, всецело поддерживали выдающиеся русские военные деятели В. Л. Чебышев, В. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Чагин, Б. Г. Глинка-Маврин, А. П. Горлов. Это была прослойка искренних патриотов и талантливых деятелей, которые честно служили Родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительные боевые качества армии, поднимая ее авторитет на полях сражений. А давление сверху было изрядным, если в области оружейной техники всем нововведениям отчаянно сопротивлялся председатель оружейной комиссии герцог Мекленбургский, узколобый консерватор, на тормозящий дело немецкий педантизм которого не раз сетовал сам господин военный министр.

И тем не менее прогрессивные идеи Д. А. Милютина постепенно воплощались в жизнь.

Генерал-лейтенант В. Н. Бестужев-Рюмин писал в «Оружейном сборнике» после того, как на международной выставке 1867 года русская винтовка была награждена медалью:

«Мы так привыкли находить наши заводы отсталыми, произведения их плохими и преклоняться перед работами иностранных мастеров, что, вероятно, очень многие крайне удивятся впечатлению, произведенному упомянутым образцом. Мы можем сказать, что работа наших заводов удивила всех, понимающих дело, не видевших ничего подобного на иностранных заводах».

Колоссальная работа по перестройке оружейной промышленности, строительству новых пороховых, капсюльных и патронных заводов длилась несколько лет, и к началу русско-турецкой войны 1877—1878 годов наша армия имела более полумиллиона пехотных, драгунских и казачьих винтовок образца 1870 года. Однако все вновь сделанное оружие поступало на вооружение западных военных округов: Виленского, Варшавского, Петербургского и Финляндского, потому как русское правительство опасалось выступлений со стороны Германии и Австрии. В первой половине Балканской кампании наши войска были вооружены винтовками Крнка, имевшими прицел на 600 и 1200 шагов, а незначительное число винтовок образца 1870 года было снабжено прицелом на 1500 шагов, хотя они могли поражать цель на расстоянии 2250 шагов. Турецкие войска в большей части своей получили системы Снайдерса и Пибоди-Мартини, поражавшие цель, удаленную на 1400—1800 шагов. Но самое существенное заключалось в том, что эти винтовки были

скорострельными, магазинными, они в несколько раз по сравнению с однозарядными повышали плотность огня.

Сразу же после заключения Сан-Стефанского мира прогрессивные военные деятели России стали критически анализировать и осмысливать итоги войны, в том числе и состояние стрелкового вооружения нашей армии, перспективы его развития. Получалось так, что Россия, едва успев перевооружить армию лучшей в мире однозарядной винтовкой, начинала отставать от европейских стран и США по темпам освоения многозарядного скорострельного оружия. Исходя из реальной обстановки, в мае 1878 года оружейный отдел Артиллерийского комитета ГАУ поручил русским военным агентам за границей покупать заслуживающие внимания образцы магазинных ружей по пяти экземпляров каждого и по одной тысяче патронов на каждый экземпляр.

Испытания нового оружия проводили в Петербурге на стрельбище на Волковом поле и вскоре выяснили, что нет ни одной магазинной системы, которая полностью удовлетворяла бы предъявляемым к боевому оружию требованиям. Основные претензии относились к магазинам, которые тогда действительно были несовершенны, имели значительное число задержек, поломок, отказов. Поскольку магазина преемлемой конструкции выявлено или вновь сконструировано не было, оружейный отдел решил сосредоточить внимание на испытаниях различного рода ускорителей, которые представляли собой картонные, деревянные или металлические патронные пачки, крепившиеся на винтовку в районе ствольной коробки. В этом случае сокращалось время на заряжание винтовки. Однако удовлетворительной конструкции ускорителя тоже не было, да он и не решал полностью проблемы скорострельности, так как крепился на винтовке справа и тем самым нарушал ее баланс, понижая точность стрельбы. Кроме того, ускорители из легкого материала были непрочны, из прочного — тяжелы. К тому же носимый запас патронов оставался небольшим: 75 штук при средней скорострельности до десяти выстрелов в минуту. И все-таки, несмотря на кажущийся тупик в испытаниях новых систем стрелкового оружия, работа продолжалась. В 1881 году генерал-лейтенант В. В. Нотбек, ставший инспектором стрелковой части в войсках, то есть лицом, ответственным за стрелковую подготовку армии, доносил новому военному министру П. С. Ванновскому о том, что Россия отстает от других европейских стран в области введения магазинных ружей и поэтому необходимо создать специальную комиссию, которая детально занялась бы решением наболевшего вопроса.

А что же Мосин, знал ли он об этих поисках? Безусловно. В

1881 году Тульскому оружейному заводу было поручено изготовить по пяти экземпляров магазинных ружей системы Кропачека и Гочкиса, сохраняя при этом ствол и патронники нашей винтовки образца 1870 года. В системе Кропачека магазин был подствольный, Гочкиса — пружинно-прикладный. Ружья изготавливали в инструментальной мастерской по образцам, и Сергей Иванович имел возможность детально ознакомиться с обеими системами. Надо учитывать также, что война с Турцией, унесшая столько жизней, дала новый толчок общественному движению. Люди, далекие от революционных идей, но мыслящие здраво, понимали необходимость каких-то перемен, сдвигов, обновления, если не общества в целом, то его отдельных институтов.

Одним из тех, кто близко к сердцу принял крупные жертвы армии, был Мосин, воспитанный на примерах войн, в которых участвовали его дед и отец. Наконец, академическое образование и особенно курс проектирования деталей машин и материальной части артиллерии создавали предпосылки для изобретательской деятельности. Первые попытки испробовать свои конструкторские способности Мосин сделал еще в 1878 году, когда по объявленному Артиллерийским комитетом конкурсу занялся проектированием прибора для проверки правильности прицельной линии в винтовках образца 1870 года. Одновременно с Мосиным в конкурс включились В. Л. Чебышев и молодой капитан А. В. Кун, ставший впоследствии начальником Тульского оружейного завода.

Свой прибор Сергей Иванович сделал. Насколько он был оригинален, нынче судить трудно, ибо никаких его следов не сохранилось. Правда, в 1881 году на тульском заводе было проведено сравнительное испытание приборов, предложенных Мосиным, Куном и Чебышевым, но результаты его неизвестны, так как вскоре оружейный отдел решил, что необходимость в указанном приборе отпала. И все же, несмотря на неудачу, крещение Мосина как конструктора состоялось.

Сергею Ивановичу приходилось заниматься испытанием технологических новинок. В предписании Главного артиллерийского управления начальнику тульского завода от 21 ноября 1882 года имелось указание начальнику инструментальной мастерской капитану Мосину прибыть в Петербург для ознакомления с новым способом окраски ружейных стволов. Заодно Сергей Иванович должен был привезти в столицу изготовленные в его мастерской магазинные ружья.

Ко времени, когда С. И. Мосин всерьез начал заниматься переделкой штатной винтовки в магазинную, он был уже известен

в кругах Главного артиллерийского управления. Этому способствовала его работа в комиссии по оценке станочного парка оружейных заводов в Ижевске и Сестрорецке. Поручение было весьма ответственным, ибо от выводов комиссии во многом зависела судьба этих предприятий. Мосин находился в Сестрорецке с конца октября до середины ноября 1881 года. Завод был хорошо знаком Сергею Ивановичу, но теперь предстояло выяснить последствия арендного управления, поскольку в 1880 году и ижевский, и сестрорецкий заводы были отданы на шестилетний срок «коммерческим заготовителям». Комиссия, в составе которой работал Сергей Иванович, решила, что пришла пора вернуть сестрорецкий завод в казну.

На следующий год С. И. Мосин с тем же поручением находился в Ижевске с 7 мая по 5 июня вместе с начальником мастерской капитаном Дмитриевым-Байцуровым. Николай Григорьевич был личностью незаурядной. Он так же,как и Мосин, учился в 3-м Александровском училище, только двумя годами раньше, затем был переведен в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого служил во 2-й резервной конно-артиллерийской бригаде. В 1870 году он поступил в Михайловскую академию, успешно окончил курс, был направлен в Тулу и служил на оружейном заводе до 1879 года. Затем Дмитриев-Байцуров уволился со службы и занялся коммерческой деятельностью. Вместе с Ф. Г. Гилленшмидтом он основал акционерное общество «Центрально-Российское товарищество земледельческих машин, орудий и изделий из ковкого чугуна», а также чугунолитейный завод, который затем был куплен ГАУ для расширения Тульского оружейного завода.

Однако коммерческая деятельность не удалась Николаю Григорьевичу, он вновь вернулся на службу на патронный завод и стал работать в чине полковника в приемной комиссии. Затем в феврале—мае 1894 года он исполнял обязанности помощника начальника Сестрорецкого оружейного завода, как раз перед назначением туда С. И. Мосина. Затем Сергей Иванович был переведен начальником сестрорецкого завода с должности начальника приемной комиссии ТОЗа, а Н. Г. Дмитриев-Байцуров заступил его прежнюю должность. Наконец, после смерти Сергея Ивановича его старый сослуживец назначается начальником сестрорецкого завода.

Работу Сергея Ивановича в Ижевске высоко оценило артиллерийское управление, что еще выше подняло авторитет начинающего изобретателя.

Но было бы абсолютно неверно считать Сергея Ивановича человеком, интересы которого ограничивались только заводской

службой и конструированием винтовки. Нет, он жил жизнью обычного, нормального человека со своими радостями и бедами, ему вовсе не чуждо было стремление сделать военную карьеру.

Но если по должностной лестнице Мосин поднимался благодаря своим способностям и стараниям достаточно быстро, то число звезд на его эполетах росло не столь стремительно.

Он начинал службу в полевой артиллерии в чине подпоручика, а в Тулу прибыл в чине штабс-капитана. Этот чин был третьим снизу в петровском табеле о рангах, и дался он Сергею Ивановичу после восьми лет службы. Различие в положении армейских и гвардейских артиллерийских офицеров было большим: оклады жалованья несоизмеримы, за гвардейцами — старшинство в чине, служили они в основном в столичном гарнизоне. Да и что за служба! Парады, балы, увеселения. Армейцам было трудней, ну а тех, кто шел по технической части и служил на заводах, блестящие гвардейцы считали или недотепами, или неудачниками. Военные инженеры служили на заводах, которые так же далеки были от роскошных залов, где гремела музыка, сверкал паркет, шуршал шелк и. дурманили голову французские духи, как небо от земли. Да и общение с мастеровыми было не по вкусу господам дворянам. Так что служили на русских артиллерийских, оружейных и прочих военных заводах, как правило, люди увлеченные, шедшие сюда сознательно, по призванию. А поскольку вакансий было слишком много, Военное министерство ради привлечения на военное производство толковых людей настояло на зачислении офицеров-производственников в гвардию, что позволяло увеличить оклады и дать другие привилегии этим труженикам. В результате сего «высочайшим приказом, последовавшим 23 августа 1876 года, состоявший по полевой конной артиллерии штабс-капитан Мосин переведен в гвардейскую конную артиллерию с зачислением по оной поручиком». Понижение в чине на одну ступень было обусловлено все тем же правилом, по которому армейские офицеры автоматически уступали гвардейцам в повышении в чине. Но на следующий год Сергея Ивановича произвели в штабс-капитаны по вакансии, а в 1880 году, опять-таки по вакансии, он получил капитанские погоны «с оставлением по гвардейской конной артиллерии». К этому времени Мосину исполнился 31 год, некоторые его сослуживцы уже примеряли полковничьи погоны, Сергею Ивановичу для получения этого высокого звания необходимо было изобрести лучшую в мире винтовку…

Поскольку взгляды Мосина формировались в годы буржуазных реформ, он принадлежал к числу офицеров «либерального толка», хотя его либерализм ограничивался

искренним желанием честно служить России. Это были отзвуки благородной петровской заповеди «В службе — честь!» Однако в условиях карьеризма, казнокрадства, угодничества такие взгляды мало у кого вызывали восторг или даже одобрение. А Мосин, строгий и придирчивый к исполнению служебных обязанностей, весьма демократично обращался с мастеровыми, называл их по имени-отчеству, был с ними сдержанно прост и разумно требователен. Более того, начав самостоятельные конструкторские разработки, он часто советовался со знающими дело мастерами, даже приглашал их к себе на квартиру, чтобы за вечерним чаем спокойно потолковать об увлекшей его работе.

В офицерское собрание Мосин заглядывал нечасто, и это вызывало удивление сослуживцев. Кто-то из тех, кто относился к поведению Сергея Ивановича с сарказмом и презрением, донес о его встречах с мастеровыми начальнику завода. Генерал строго выговорил Мосину, что ему, офицеру, закончившему академию, не к лицу общаться с мастеровщиной, и предупредил о возможных осложнениях по службе. Когда же штабс-капитан резонно заметил начальнику завода, что тульские мастеровые — это люди, снискавшие славу не только Туле, но и России, тот несколько смягчился, но посоветовал все же считаться с мнением офицерского собрания.

Такой оборот событий встревожил Сергея Ивановича, ему не хотелось терять службу на оружейном заводе, ибо она давала ему возможность видеться с отцом.

В конце июня 1875 года Сергей и Митрофан Мосины приехали проведать батюшку. Встреча эта оставила у обоих сыновей горький след, ибо Иван Игнатьевич стал совсем дряхл и окончательно смирился со своей долей неудачника.

Братья нанесли визит хозяину имения Арсеньеву-старшему. После обмена обычными в таком случае любезностями Сергей и Митрофан были представлены молодой женщине, одетой в элегантное черное платье. Высокая, статная, с большими серыми глазами на бледном лице, обрамленном расчесанными на прямой пробор волосами, с локонами на висках, она поразила Сергея не только красотой, но и какой-то необъяснимой меланхолической грустью. Это была Варвара Николаевна Арсеньева, урожденная Тургенева, жена Николая Владимировича Арсеньева, сына старого хозяина. Несколько позже Мосин узнал, что Варвара Николаевна — мать двоих детей, мальчиков, но с мужем,. жила неважно. Николай Владимирович, будучи почти вдвое старше жены, почему-то не любил ее. Человек злой, надменный, он надолго отлучался из имения, жил то в Москве, то в Петербурге. Варвара Николаевна, напротив, почти никуда не выезжала, занималась

детьми да еще читала французские романы, которыми была полна домашняя библиотека.

Жизнь Арсеньевой складывалась незавидно. Имея характер нерешительный, она смирилась со своим подчиненным положением, хотя и страдала от одиночества, но не делала попыток что-либо изменить в привычном течении лет. В первое время после знакомства со штабс-капитаном Мосиным она относилась к нему так, как должно было относиться к гостю, тем более, что приехал он даже не к ее мужу или свекру, а всего лишь к престарелому управляющему имением.

Сергей Иванович, достигнув зрелых лет, остался таким же эмоциональным, впечатлительным, отчасти даже сентиментальным, как в юношеские годы, легко возбудимым, но и легко ранимым человеком. Полагая, что все эти черты не согласуются с профессией военного, Мосин старательно прятал их под маской внешней суровости и напускной нелюдимости. Так уж сложилась его жизнь, что, учась в корпусе, училище, академии, он книгам отдавал больше времени, чем праздному времяпрепровождению, и потому прослыл затворником, коему чужды обычные развлечения молодых людей его круга и которого не особенно волнуют шорох девичьего платья и кружащий голову запах дамских духов.

Да, Мосин любил задать хорошую работу своей голове, но все-таки его затворничество было отчасти вынужденным и обусловливалось весьма прозаической причиной — хроническим безденежьем. А не имея в кармане денег, в товарищеской пирушке участия не примешь и на бал не пойдешь. Став офицером, Сергей Иванович не пытался отказаться от уже сложившихся привычек, но в обществе бывал. Что же касается женщин, то он долго не мог встретить ту, что с первого взгляда и навсегда осталась бы в его сердце. Но Варвара Николаевна покорила Мосина в один миг красотой и беззащитностью, ему в ней нравилось и лицо, и притягательный стан, и мягкий голос, и глаза, опушенные темными, длинными, загнутыми кверху ресницами. Посмотрели бы однокашники на «схимника» Сережу!

Влюбившийся в привлекательную, но, увы, замужнюю женщину, он скоро понял ее подчиненное, бесправное положение и нашел в себе смелость сказать ей слова участия и нежности, за которыми следует признание в любви. Но этот душевный порыв испугал Варвару Николаевну и не остался не замеченным для ее мужа. Мосин почувствовал, что его присутствие создает нервозную обстановку в семье Арсеньевых и, не дожидаясь конца отпуска, уехал в Тулу.

Считая службу не обузой, а счастливым долгом, Сергей

Иванович работал деятельно, увлеченно. Он испытывал истинную радость оттого, что его труд дает ощутимую пользу армии, а значит, и России. Но среди нескончаемого потока дел он все чаще вспоминал милое лицо Варвары Николаевны, ее жесты, походку, тихий голос и плавную речь. Прошло много времени со дня той чудной первой встречи, а она была свежа в памяти, и все также мило звучал в ушах ласковый голос, и все также незабываема теплота нежной руки.

Целых четыре года пролетели будто бы незаметно. Сергей Иванович каждый свой отпуск катил на пролетке по узким сельским дорогам в имение Арсеньевых, чтобы проведать отца и повидаться с милой Варварой Николаевной.

Летом 1879 года Мосин выправил бумаги на очередной отпуск, нанял извозчика, и пароконная коляска мягко закачалась на стальных рессорах, уминая колесами серую дорожную пыль. Мимо неторопливо проплывали густо-зеленые леса и светленькие прозрачные березовые рощицы, лениво колыхались, припадая к земле тугим колосом, поля ржи и пшеницы. Иногда попадались деревеньки с черными, покосившимися избушками и обязательной свежевыкрашенной церковью на самом видном месте.

В имении Мосина никто не встретил. Отец был дряхл и немочен, его одолевали старческие болезни. Сергей предложил было ему переехать в Тулу, но Иван Игнатьевич упрямо отказывался, ибо не хотел быть обузой для молодого человека.

За вечерним чаепитием Сергей Иванович спросил как бы невзначай о Варваре Николаевне, и отец сразил его неожиданным известием. Оказывается, между супругами произошел разрыв, причину которого Иван Игнатьевич видел в том, что Арсеньев совершенно охладел к своей жене и потому еще прошлой осенью укатил в Петербург. Только однажды, в начале нынешнего лета,приезжал он в имение, и то всего на несколько дней.

Варвара Николаевна? Куда же ей, горемычной, деваться? После отъезда мужа родила она третьего сына и занемогла. Оправилась от болезни только недавно и живет теперь, так говорят дворовые, совсем монашкой, никого не принимает и сама никуда не ездит. Но, судя по всему, барин должен вскорости из Петербурга прикатить — надо же посмотреть на сына.

Дни проходили за днями, а Сергею Ивановичу так и не удавалось повидаться с Варварой Николаевной. И без того склонный к меланхолии, Мосин огорчался, тяжело переживая свое одиночество. Оставаться в имении было невыносимо, и он решил прогуляться по парку, справедливо полагая, что ему никогда уже не придется вернуться сюда вновь. Мосин был

совершенно уверен и в том, что никогда больше не увидит милую Вареньку и не скажет ей о своей любви. Не спеша обойдя весь парк, Сергей Иванович еще раз вышел на главную аллею и вдруг увидел Варвару Николаевну! Рядом с ней на садовой скамейке сидела кормилица с младенцем на руках. Глаза Вареньки блеснули радостью, а может, это только показалось Мосину, но он сделал несколько быстрых шагов и припал к надушенной ручке.

Они говорили всего несколько минут, да и то по-французски, чтобы служанка ничего не поняла. Спросили друг у друга о здоровье, потом Мосин полюбопытствовал, отчего это Варвара Николаевна не показывается, целыми днями просиживая в своей комнате. Арсеньева ответила, что душевное состояние ее таково, что ей никого видеть не хочется, разве вот с ним, Сергеем Ивановичем, ей приятно и радостно. И вдруг, глядя ему в глаза, спросила, отчего он до сих пор не женат.

Мосин растерялся, не смог ничего сказать вразумительного, словно был еще зеленым юнкером, и неожиданно, одним дыханием произнес: «Я вас люблю!» Варвара Николаевна запылала маковым цветом, заторопилась в дом, затормошила кормилицу и, шепнув едва слышно слова прощания, почти побежала по аллее.

Утром следующего дня Мосин уезжал из имения. Нарушив обет затворничества, Варенька вышла проводить его, когда кучер уже разобрал вожжи и взял в руки сплетенный из сыромятины кнут. Она подошла к коляске и пожала Сергею Ивановичу руку, оставив в ней туго свернутую бумажку. Счастливый Мосин даже дышать перестал от радости! Выехав за ворота, он развернул хрустящую бумажку и охватил разом все написанное: «Зимой с детьми собираюсь приехать в Тулу. Остановлюсь у моих родственников Соколовых на Миллионной улице. О приезде извещу. Ваша В. Н.»

Это коротенькое «Ваша В. Н.» очень походило на ответное признание. Да и обещание известить о приезде в Тулу говорило о многом. Что ж, он, раб божий Сергей Мосин, готов верить в близкое счастье.

А потом полетели дни и месяцы, заполненные блаженством, обрел Сергей Иванович не только увлекательную работу, но и любимую женщину, в которой не чаял души. Ему так и хотелось рассказать всему миру о своем счастье, но он лишь улыбался в кудрявую бородку, обрастать которой начал, следуя моде, заведенной новым императором Александром III.

Глава 4. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ

Не следует полагать, что в жизни Мосина наступила широкая светлая полоса с розовым горизонтом и голубеньким безоблачным небом. Вслед за счастьем, словно пристегнутые, тащились неприятности. О его отношениях с Варенькой стало известно слишком многим в Туле, и нашлись, конечно, «доброжелатели», сообщившие новость Арсеньеву в Петербург. Николай Владимирович в канун рождества проездом оказался в Туле и случайно встретился с Мосиным. Между ними вышел крупный мужской разговор, в ходе которого Арсеньев допустил неприличные высказывания в адрес Варвары Николаевны. Возмущенный Мосин, не медля ни секунды, вызвал грубияна на дуэль. Арсеньев вызова не принял, а предпочел нажаловаться заводскому начальству. В результате этого своеобразного, мягко говоря, ответа на вызов 5 января 1883 года на свет появился приказ за номером 29, во втором параграфе коего значилось:

«Трое суток домашнего ареста дано капитану Мосину за вызов на дуэль тульского землевладельца Арсеньева…»

Сергей Иванович арест использовал плодотворно, занимаясь разбором результатов испытаний винтовки, для которой он попробовал спроектировать магазин. А с господином Арсеньевым Мосин встретился снова и в достаточно резких выражениях высказал все, что он думал о его действиях по отношению к Варваре Николаевне, а также по поводу его отказа выйти на дуэль. Произошло это в Дворянском собрании, и Мосин полагал, что теперь-то уж Арсеньев вынужден будет принять вызов, но нет! Николай Владимирович пошел по пути писания новых жалоб, теперь уже в два адреса: начальнику оружейного завода и начальнику артиллерии Московского военного округа. Затем, решив, что сим он защитил свою честь, сел в поезд и укатил в Петербург.

Начальник завода генерал В. Н. Бестужев-Рюмин, зная порядочность и честность капитана Мосина, наложил на него минимальное взыскание, объявив выговор «за нарушение тишины в общественном месте». По-другому рассмотрел дело начальник артиллерии округа. Ему гораздо ближе оказалась жалоба богатого помещика, нежели любовные переживания неизвестного капитана, и в результате недолгих размышлений родился другой приказ:

«Начальник артиллерии Московского военного округа, рассмотрев дело об оскорблении, нанесенном капитаном Мосиным в публичном месте тульскому землевладельцу

Арсеньеву, распорядился подвергнуть капитана Мосина за учиненный им в публичном месте поступок домашнему аресту в течение двух недель с исправлением служебных обязанностей и о наложенном ему взыскании поставить в известность господина Арсеньева в ответ на его просьбу от 1 февраля».

Мосин в гневе был не сдержан, а посему господин Арсеньев в Туле больше не объявлялся. Однако же Сергею Ивановичу и Вареньке необходимо было их взаимоотношения заключить в общепринятые законные рамки. Для этого требовалось расторжение брака с Арсеньевым. Летом 1883 года Мосин по служебной надобности был в столице и нашел время, чтобы встретиться с Арсеньевым и переговорить с ним. Тот отказал в личной встрече, однако согласился выслушать предложение Мосина через своего присяжного поверенного. Арсеньев требовал ни много ни мало, а 50 тысяч рублей в обмен на согласие дать развод. Да будь Мосин даже генералом, он не смог бы враз собрать такую внушительную сумму. На пути к счастью стала непреодолимая преграда. Прошло еще около восьми лет, прежде чем обстоятельства изменились…

Эти восемь лет стали для Сергея Ивановича самой важной частью его жизни, ибо он посвятил их созданию винтовки, прославившей его на века. Толчком для начала этой каждодневной, изнурительной, часто встречаемой в штыки работы стали уже упоминавшиеся винтовки иностранных конструкторов, изготавливаемые в опытном порядке в мастерской Сергея Ивановича. Из нескольких систем магазинов начинающему конструктору приглянулась одна, принадлежавшая австрийцу Шульгофу. Последний предлагал разместить магазин в прикладе, а патроны закреплять в рейке с зубцами. Пружина должна была постоянно подталкивать эту рейку вперед, подавая тем самым очередной патрон, а специальный рычаг возвращал бы ее в исходное положение. Идея привлекла Мосина в основном тем, что патроны в таком магазине располагались не в затылок друг другу, а под некоторым углом, что позволяло избежать утыкания пули последующего патрона в капсюль предыдущего.

Сергею Ивановичу было чуждо слепое подражание, он начал проектировать магазин, отличающийся рядом новшеств. В металлической коробке, которая размещалась в прикладе и в основных чертах повторяла его форму, он устроил две рейки с зубцами, при этом левая удерживала в зубцах восемь патронов, а правая, соединенная с затвором рычагом, также имела специальные зубцы, которые захватывали патроны за закраины в тот момент, когда затвор отодвигался назад. Таким образом, патрон оказывался в ствольной коробке и следующим движением

затвора подавался в патронник.

В середине октября 1882 года капитан Мосин как член комиссии по оценке оборудования оружейных заводов прибыл в Петербург с отчетом о своей деятельности. В Главном артиллерийском управлении он не только доложил о проделанной работе, но и представил в оружейный отдел несколько винтовок с придуманным им вариантом реечно-прикладного магазина. На стрельбище Волкова поля представленные образцы были испытаны, и по ним сделано обнадеживающее для молодого автора заключение:

«Система эта по своей идее расположения патронов в магазине, подаче их и способу наполнения магазина патронами заслуживает полного внимания, но требует не только дальнейшей разработки деталей, но и капитального изменения некоторых частей. Капитана Мосина откомандировать к месту службы в Тульский оружейный завод с тем, чтобы он занялся усовершенствованием своего многозарядного ружья и представил бы его не менее как в трех экземплярах».

Оценка, данная первой, еще несовершенной конструкторской разработке, была высокой, она зафиксировала целесообразность предложенной начинающим автором идеи. Будучи в Петербурге со своими первыми винтовками, Сергей Иванович встретился с В. Л. Чебышевым и И. А. Вышнеградским и узнал, что среди ученых и крупных военных деятелей идут жаркие споры по поводу перспектив и возможностей многозарядного или, как тогда говорили, повторительного оружия. Казалось бы, уроки Балканской войны должны были однозначно решить вопрос: быть или не быть магазинным винтовкам. Однако в военных кругах нашлось немало сторонников традиционного правила «стреляй редко, да метко». Они считали, что многозарядные винтовки могли бы иметь право на существование, если бы одного солдата требовалось убивать несколько раз. Даже такой передовой генерал, военный теоретик и педагог, считавший необходимым воспитывать в солдатах сознательное отношение к своим воинским обязанностям, как генерал Михаил Иванович Драгомиров, был противником магазинного оружия. В статье «Армейские заметки» он называл стрельбу из «магазинок» бестолковой трескотней. Идеалом Драгомирова была однозарядная винтовка калибром около восьми миллиметров под патрон с прессованным порохом и пулей в стальной оболочке.

Были среди противников скорострельного оружия и такие солдафоны, которые выдвигали смехотворный аргумент — дескать, магазинной винтовкой трудно делать «на караул». Таких «специалистов» высмеивал в своих статьях горячий сторонник

«магазинок» видный теоретик стрелкового оружия А. И. фон дер Ховен. Однозначным было мнение профессора В. Л. Чебышева, безоговорочно поддерживавшего магазинное оружие и требовавшего самой серьезной работы над его совершенствованием.

Борьба сторонников и противников «магазинок» была острой, но тем не менее необходимость перевооружения ими русской армии оказалась столь очевидной, что даже военный министр Ванновский, примыкавший к лагерю «противников», в ответ на письмо швейцарского конструктора Хеблера (Швейцария одной из первых приняла на вооружение многозарядные винтовки) написал:

«Прошу передать на рассмотрение вне очереди в оружейный отдел. Я еще недавно говорил с генерал-лейтенантом Нотбеком о необходимости разработать вопрос о винтовке своевременно, не ожидая, пока наши соседи уже вооружатся».

В апреле 1883 года действительный член Артиллерийского комитета, виднейший специалист в области стрелкового оружия генерал-майор Н. И. Чагин и совещательный член Арткомитета генерал-майор Снесарев получили задание министра составить программу испытания магазинных винтовок, начать такие испытания на стрельбище Волкова поля и подавать в оружейный отдел ежедневные отчеты о результатах стрельб. Затем к двум генералам был добавлен капитан фон дер Ховен, состоявший для поручений при ГАУ, и таким образом, была образована Особая комиссия для испытания магазинных ружей. Первым образцом, переданным ей на рассмотрение, была винтовка системы мастера Офицерской стрелковой школы Квашневского.

В июле того же года по разным причинам было закрыто стрельбище на Волковом поле. Испытания новых винтовок перенесли в Ораниенбаум на стрельбище Офицерской стрелковой школы, а Особую комиссию расширили, введя в нее заведующего оружейной мастерской стрелковой школы гвардии капитана Кабакова и состоявших при стрельбище капитанов Погорецкого и Петрова. В распоряжение комиссии были назначены вольнонаемный мастер А. Геснер, вольнонаемный стрелок И. Павлов, два стрелка от гвардейских стрелковых батальонов и три бомбардира-лаборанта. Председателем комиссии остался генерал Н. И. Чагин.

В том же месяце членом Особой комиссии по испытаниям магазинных ружей был назначен и С. И. Мосин. Это было официальным признанием его как одного из ведущих специалистов в области стрелкового оружия.

За очень короткий срок комиссия испытала более 150

различных систем и пришла к выводу не испытывать более магазины, в которых патроны расположены продольно, утыкаясь друг в друга. За всеми остальными системами магазинов признавалось право на совершенствование с одним и главным условием: они должны были приспособлены к винтовке образца 1870 года. Поэтому суть работы и Мосина и других русских конструкторов в начале 80-х годов заключалась только лишь в проектировании магазина, но отнюдь не оригинальной магазинной винтовки с новыми параметрами.

Вообще 1883 год был для Сергея Ивановича предельно насыщенным самыми разными событиями. Так, на производстве ему было поручено заняться изготовлением новых охотничьих ружей, изобретенных корнетом Лутковским. До этого Мосину не приходилось впрямую сталкиваться с этим видом оружия. Но здесь был особый случай. Дело в том, что перевооружение русской армии винтовками образца 1870 года закончилось, объемы производства сокращались, и надо было думать над тем, чем занять обширный штат оружейников. Мысль о развертывании на тульском заводе выпуска охотничьего оружия была своевременной так же, как и предложение Лутковского. Судя по рапортам С. И. Мосина, он занимался изготовлением новых охотничьих ружей с мая по декабрь 1883 года. Модель Лутковского была двуствольной, казнозарядной. Возможно, это были курковые ружья, получившие впоследствии индекс «Б», поставленные на производство в 1885 году и прославившиеся по всей России, как самые надежные тульские ружья. Но главной заботой Сергея Ивановича оставался его реечно-прикладный магазин.

Очередные испытания магазинных винтовок комиссия проводила в 1884 году, и в соответствии с предписанием ГАУ С. И. Мосин был командирован в Петербург с 13 апреля по июль месяц. Ехал он в приподнятом настроении, ибо перед самой поездкой узнал о том, что награжден болгарским орденом святого Александра IV степени. Это была его первая награда. Сергей Иванович принимал непосредственное участие в испытаниях собственной винтовки, внимательно прислушивался к замечаниям, впитывал в себя все новое, что ему удавалось узнать на полигоне и в беседах с коллегами. Привезенная им винтовка была вновь одобрена, но, безусловно, не могла быть принята на вооружение в силу ряда недоработок. Решение комиссии Сергея Ивановича не разочаровало, а лишь придало ему уверенность в конечном успехе задуманного дела и, соответственно, новые силы.

Вернувшись 1 августа в Тулу, он развил эффективную и

кипучую деятельность, создавая новый магазин уже на 12 патронов, а также меняя запирающий и ударно-спусковой механизм. Вновь созданный образец был значительным шагом вперед, так как Сергей Иванович проявил известную широту взглядов на перспективы развития магазинного оружия и понял, что недостаточно только приспосабливать к существующей винтовке магазин, необходимо проектировать новую винтовку.

Сергей Иванович спроектировал новый затвор, выделив боевую личинку в отдельную деталь, он изменил его общую компоновку и улучшил форму деталей. Основные конструктивные решения затвора винтовок того периода сохранились и в последующих образцах. Был значительно улучшен магазин. Он представлял собой цельную металлическую коробку сложного сечения: суживающийся книзу овал с двумя прямоугольными боковыми уступами под установку реек. Длина коробки составляла 380 мм, толщина стенок — 0,5 мм, коробка суживалась по форме приклада от затыльника к шейке. Наполнение магазина производилось следующим образом: в магазинную коробку движениями затвора, соединенного шатуном с левой рейкой, через отверстие в затыльнике приклада подавались 11 патронов, двенадцатый патрон досылался в патронник рукой или же подавался из магазина движком правой рейки, смонтированным на внешней стороне щечки ствольной коробки. В этой конструкции Мосин применил новшество, которое состояло в том, что рейки имели специальные пазы, автоматически раздвигавшие патроны и обеспечивавшие проскакивание их шляпок с одного уступа на другой. Принцип подачи патронов остался прежним, левая рейка получала движение от затвора, но теперь ее опускание и подъем производились с помощью специального рычага, который выполнял также роль затворной задержки.

В апреле 1885 года Сергей Иванович командируется в Петербург на испытания винтовок. Они начались с неприятности: сломалась левая рейка, пришлось делать новую, с утолщенным концом, под который была переделана левая щека и видоизменен рычажок, двигающий рейку. Новую систему испытывали крайне сурово и обнаружили в ней существенные недостатки. При быстром, резком перезаряжании, когда ружье находилось в вертикальном положении, подаваемый рейкой патрон отражался и выпадал в окно[12]. Мосин быстро нашел решение, привинтив пластинку с навесом к заднему концу правой стенки магазинного окна.

Иногда при выстреле шляпка очередного патрона соскакивала с зубцов и заклинивала левую рейку. Сергей

Иванович тут же внес изменения в конфигурацию зубцов.

Большие затруднения вызвала стрельба пропиленными патронами. В случае, когда стреляли патронами с боковыми пропилами, направлявшими газы на экстрактор и другие части затвора, повреждений не происходило. Это свидетельствовало о надежности спроектированного Сергеем Ивановичем запирающего механизма. Но когда у патронов пропиливали донышки, то пороховые газы с такой силой прорывались в магазин, что выдергивали нижний винт затыльника, изгибали затыльник, гнули трубку магазина ниже второго обжимного кольца. После таких повреждений трубку выправили, ложу склеили, но при очередных выстрелах она раскололась по местам склейки. Конечно, ситуация, когда солдату попадались бы во время боя негодные патроны с трещинами в гильзах, маловероятна, но тем не менее конструктору нужно было поработать над усилением магазина. Да и вообще предстояло крепко поразмыслить над целесообразностью размещения магазина в прикладе.

Обычная магазинная и одиночная стрельбы прошли в основном успешно. В первом случае был расстрелян 31 магазин, и только при стрельбе из последнего сломался передний конец правой рейки. Рейку сделали новую и затем расстреляли еще 110 магазинов, сделав 550 одиночных и 1210 магазинных выстрелов. Было обнаружено, что винт, держащий левую щеку и являющийся одновременно отражателем, откручивался самопроизвольно и плохо экстрактировал гильзы. Это было серьезным недостатком, отрицательно влиявшим на эксплуатационные характеристики винтовки. Мосину предстояло подумать над решением внезапно возникшей проблемы.

При сваливании ружья в стороны, вверх и вниз расстреляли еще 20 магазинов — система вела себя безукоризненно. При стрельбе лежа магазин опоражнивался нормально, за исключением одной детали: чтобы досыл патрона был нормальным, надо ружье чуть-чуть приподнимать дулом вверх. Это стало серьезным недостатком, ибо магазинное оружие как раз-таки должно было обеспечивать стабильность прицеливания.

Так как военные теоретики полагали, что магазин понадобится солдату только в самый напряженный момент боя, а в остальное время он будет вести одиночный огонь, то комиссия обращала внимание на то, как будут сохраняться патроны в магазине во время одиночной стрельбы. Оказалось, что при стрельбе с полным магазином только первая пуля помялась о дно патронного хода коробки и ослабла в гильзе. Все остальные были в порядке, магазин затем расстреляли без задержек.

Опытные винтовки испытывали также на крепость. К примеру, образцы зажимали в специальном станке и трясли их, совершая до одной тысячи встрясок. В винтовке Мосина пули слегка заострились, но магазин был расстрелян нормально. Для испытания крепости шейки приклада винтовку закрепили горизонтально в токарном станке и нагрузили на излом. При восьми пудах начались отколы дерева в верхней части приклада, позади щек, а при девяти пудах магазинная трубка вместе с рейками согнулась под прямым углом позади хвоста ствольной коробки. Нагрузки оказались, безусловно, велики, и можно было считать, что это испытание винтовка выдержала с честью. Хуже были результаты испытаний на запыленность и загрязненность ржавчиной. Запыляли образцы в специальном ящике, наполненном пылью, щепками, мусором и продуваемом мехом. Оказалось, что при одинарном запылении были затруднения в ходе затвора при первых четырех выстрелах, при двойном запылении с пустым магазином хорошо шла стрельба одиночными выстрелами и туго ходил затвор при подаче патронов из магазина. При тройном запылении с наполненным магазином затвор двигался сначала с большим трудом, первые два патрона пошли только при повторном движении затвора. Затем патроны в магазине были перераспределены движениями правой рейки, и после подачи первого патрона стрельба шла нормально.

Самой тяжелой была проверка на ржавчину. Винтовки на трое суток опускали в чан с водой. Детали покрывались налетом коррозии, и при влажной ржавчине затвор открывался с большим усилием, движение его в коробке было затруднено, левая рейка сдвинулась с места только после сильного удара затвором. Однако правая рейка при наполнении магазина двигалась свободно. При магазинной стрельбе затвор ни разу не сдвигался с места без удара деревянной колотушкой. Только после третьего наполнения магазина он начинал ходить от резкого движения рукой. Когда же после трехсуточного ржавления винтовку еще трое суток сушили, то она вообще не стреляла, ее отдавали в мастерскую для разборки и чистки.

В самом конце испытаний была выполнена стрельба пропиленными патронами из образца, в ствольной коробке которого Мосин сделал отверстие для выхода пороховых газов. Результат не замедлил сказаться, хотя указанное отверстие пришлось потом немного расширить.

На основании всей совокупности результатов испытаний винтовки системы капитана Мосина, а именно такое название официально дал ей Артиллерийский комитет ГАУ в своем

«Журнале», комиссия пришла к следующим, очень приятным для изобретателя выводам: в отношении правильности подачи патронов ружье действовало исправно, некоторые в этом смысле недостатки исправлялись в ходе испытаний, а другие могут, по-видимому, быть исправлены при работах над следующими образцами. При опытах на запыление и заржавление ружье системы Мосина оказалось чувствительнее всех испытуемых систем. Изобретатель объяснил это слишком малыми допусками и зазорами, стремлением сделать все точно и чисто. (Но этот опыт Сергей Иванович использует при проектировании винтовок следующей системы.) К тому же комиссия отметила, что на службе оружие содержится в чистоте и сухости.

Окончательный вывод был таков: признать ружье годным для войсковых испытаний, обязать автора изготовить пять опытных образцов с исправленными недостатками и еще раз испытать их в присутствии членов комиссии, а при изготовлении большой партии проверить возможность машинной фабрикации[13] всего ружья или, по меньшей мере, основных его частей. Наконец, в случае положительного исхода опытов над пятью образцами предписывалось дать Тульскому оружейному заводу заказ на изготовление одной тысячи винтовок для широких войсковых испытаний и одновременно приступить к подготовительным работам по приспособлению станков для нового производства.

Таким образом, Сергей Иванович был как никогда близок к тому, чтобы его система поступила на вооружение.

В том же 1885 году комиссия наряду с прочими иностранными образцами испытывала однозарядную винтовку, присланную из Бельгии фабрикантом Леоном Наганом. Мосин тогда не обратил на нее внимания и, конечно, не мог предположить, что в скором будущем ему придется вступить в открытую борьбу с сильным, талантливым и опасным противником…

Сергей Иванович возвращался в Тулу в хорошем настроении — все-таки успех ему выпал немалый! Из 119 различных систем, среди которых 38 разработали русские конструкторы, была выбрана именно его винтовка. Это радовало и ободряло. Но Сергей Иванович не приписывал удачу только себе одному. Становясь старше возрастом, чинами и должностью, он не отдалился от рабочих, от тех славных мастеров, что работали вместе с ним над новым оружием. Сергей Иванович как никогда понимал, что без искусного правщика стволов Николая Овчинникова, токарей-виртуозов Александра Милованова и Андрея Новикова, классных слесарей-сборщиков и отладчиков Михаила Акимова, Федора Ефимова, Василия Кривцова, Василия

Земцова, Андрея Шпанова и многих других тружеников ему трудно было бы исправлять недоделки так быстро и хорошо, как того требовала комиссия. Эти талантливые мастеровые не только собирали и отлаживали винтовки его системы, они делились с ним немалым опытом, подсказывали, и нередко, простые и правильные решения. Нет, капитан Мосин остался самим собой, он был спокоен, немногословен, строг в работе, но добр и справедлив. Он постарался забыть наставление генерала Бестужева-Рюмина не общаться с рабочими. Напротив, он почти не встречался с коллегами-офицерами, за исключением немногих, также увлеченных своим делом инженеров.

В Туле Сергея Ивановича ждала не только радость встречи с Варенькой, но и огорчения, даже неприятности. Так, к примеру, председатель хозяйственного комитета завода категорически отказал Мосину в выдаче 150 рублей, необходимых для оплаты работ по изготовлению приспособлений для машинной выделки его винтовок. И как ни доказывал Сергей Иванович абсурдность этого решения, а поделать ничего не смог. Только благодаря вмешательству генерала Н. И. Чагина инцидент был исчерпан.

Между тем сведения об изобретательских успехах русского капитана Мосина проникли за границу. Особенное внимание иностранных оружейных фирм привлек его реечно-прикладный магазин последней конструкции. В конце 1885 года в Тулу приехал представитель парижской оружейной фирмы «Г. Рихтер», нашел возможность встретиться с Сергеем Ивановичем и передал предложение фирмы продать ей право на производство и использование мосинского магазина в винтовке системы Гра. В случае согласия Мосину полагалось вознаграждение в 600 000 франков. Деньги были немалые, если учесть, что Мосину едва хватало капитанского жалованья на содержание семьи. К тому же они с Варей так и не собрали еще денег в уплату за развод. Однако Сергей Иванович с негодованием отверг предложение фирмы, ибо он был, в отличие от европейских изобретателей-космополитов, продававших талант тому, кто больше заплатит, истинным патриотом своей Родины. Настойчивые французы не оставляли надежд уговорить Сергея Ивановича, они обратились к нему второй раз, с письменным предложением, увеличив гонорар до миллиона франков. Однако Мосин не счел нужным даже ответить.

Сергей Иванович никогда и никому не говорил об этом инциденте, а письмо фирмы «Г. Рихтер» было обнаружено в его архиве только после смерти конструктора. Однако сам факт заинтересованности иностранной фирмы русским изобретением в области стрелкового оружия был достаточно красноречив.

В марте 1886 года Мосин, согласно решению комиссии, представил на испытания пять усовершенствованных винтовок, из них три пехотных и две драгунских. Сам он в тот раз в Ораниенбаум не смог поехать, и испытания проходили без него. От завода комиссия потребовала, чтобы все винтовки были соответствующим образом пристреляны для стрельбы как с сообщенным, так и с разобщенным магазином. Мосину же было поручено составить описание винтовки и наставление по правилам пользования, ибо заказанная для войсковых испытаний тысяча винтовок находилась в стадии изготовления и должна была быть отправлена в пехотные и кавалерийские части.

Все испытания усовершенствованных винтовок прошли успешно, но, одна из. них неожиданно дала произвольные выстрел, и стрелок получил ранение. Выяснилось, что стреляная гильза не была экстрактирована, стала стоймя между очередным патроном и боевой личинкой затвора так, что ребро шляпки ударило по капсюлю уже поданного патрона, но еще недосланного в патронник. Пострадали щеки ствольной коробки, треснула шейка приклада, передний конец магазинной трубки раздался и отошел от патронного входа. Рычаг и обе рейки не пострадали.

Найдя недостаток существенным, комиссия распорядилась, чтобы результаты испытаний были сообщены на завод изобретателю и приемной комиссии, а Мосину выделялись дополнительные средства на устранение недостатка.

Уже на заводе во время приема одной из винтовок из заказанной тысячи произошел аналогичный случай произвольного выстрела. Продолжительные опыты показали, что испытания в войсках все же проводить можно, так как причиной преждевременных выстрелов оказался пружинный отражатель. Если он был недостаточно упругим из-за плохого материала, то вяло экстрактировал гильзу, и она становилась в коробке торчком. Поскольку значительная часть винтовок Мосина образца 1885 года уже была готова для отправки в войска, то генерал Н. И. Чагин, с живым интересом следивший за исканиями Мосина, сам написал «Правила для предупреждения преждевременного воспламенения патронов в ружьях системы капитана Мосина». В них значилось:

«В магазинных винтовках Мосина отражатель представляет собой пружину, которая для исправного ее действия должна иметь достаточную силу. От несоблюдения этого условия гильзы или вяло выбрасываются, или даже остаются в коробке. В последнем случае гильза может подняться дульцем кверху и при подвигании затвора вперед воспламенить своей закраиной

капсюль патрона, поданного из магазина. Ввиду этого следует обращать внимание на то, хорошо ли выбрасывается гильза в ружьях упомянутой системы, и, если гильза выбрасывается вяло, прекращать стрельбу и осмотреть ружье, в особенности его отражатель. Перед выходом на стрельбу следует удостовериться, привинчен ли до отказа винт отражателя и имеет ли отражатель достаточную силу».

В апреле 1886 года началась сдача в войска винтовок образца 1885 года, весьма и весьма ответственный момент, когда Мосин был занят буквально каждую минуту. При этом он продолжал заниматься своими прямыми обязанностями по руководству инструментальной мастерской. Его бы освободить хоть на короткое время для завершения сдачи винтовок, но не тут-то было! Начальник завода генерал Дружинин в том же апреле поручает Мосину хлопотное дело по подготовке различного охотничьего оружия на Выставку в Императорском русском техническом обществе. 10 апреля Сергей Иванович доносил начальнику завода:

«Мною сдано в магазин под купоны вырезных расписок три кинжала и шесть ружей охотничьих шомпольных…»

Через неделю он писал в рапорте:

«Представляю при сем разработку дамасковых стволов, заключающуюся в семи переходах…»

Еще через неделю:

«Доношу, что мной сдано в магазин два двуствольных охотничьих ружья центрального боя, одно одноствольное шомпольное, двуствольный штуцер-экспресс, прибор для снаряжания патронов и две пульные формы…»

Конечно, все русские конструкторы-оружейники совмещали изобретательскую деятельность с исполнением прямых служебных обязанностей, но никого, наверное, не нагружали таким количеством посторонней работы, как Мосина! В марте—августе 1886 года, в самые горячие деньки, его, ко всему прочему, назначили по совместительству исполнять должность начальника кузнечной мастерской за капитана П. Н. Михайлова, выехавшего во Францию изучать производство корабельных малокалиберных пушек. Петр Никифорович был замечательным инженером, выпускником Михайловской артакадемии, другом и товарищем Сергея Ивановича. Это он в конце 80-х годов организовал на Тульском оружейном заводе выпуск морских пушек, которыми впоследствии был вооружен легендарный русский крейсер «Варяг». Но все-таки столько обязанностей было много даже для такого трудолюбивого, работоспособного и талантливого человека, как Мосин.

Словно в награду за многотерпение в конце августа 1886 года Сергей Иванович удостоился ордена святого равноапостольного князя Владимира IV степени. Мосина искренне тронула эта высокая честь.

В августе 1887 года Сергей Иванович вновь приехал в Петербург. По уже укоренившейся привычке он нанес визиты своим учителям Вышнеградскому и Чебышеву, посвятил их в подробности последней работы, а они рассказали ему об отечественных и зарубежных оружейных новинках, о результатах очередных испытаний в Ораниенбауме, об отзывах на новые винтовки Мосина. Как всегда, говорили долго, со вкусом, вспоминали академию, экзаменационные курьезы. Но как ни занятна была беседа, Сергей Иванович ежеминутно думал о завтрашнем дне. Что-то он принесет, каков результат дадут кажущиеся нескончаемыми испытания!

Волновался Мосин не напрасно. Привезенные им ружья должны были окончательно решить судьбу системы 1885 года.

Дотошные члены комиссии внимательно осмотрели представленные образцы из той самой тысячи, заказанной в позапрошлом году и до сих пор находившейся на испытаниях в войсках, и пришли к выводу, что «последне-представленный образец имеет весьма существенные изменения по сравнению с предшествовавшими». Комиссия зафиксировала в своем журнале, что был изменен способ сцепления подающей рейки с затвором, что пружинный отражатель, бывший в прежних образцах, заменен винтом, что увеличена ширина левой рейки и ее зубьев, и это обеспечило правильность подачи патронов. Комиссия также определила, что новая винтовка капитана Мосина в силу своей оригинальности не может называться переделочной системой, что она представляет собой новый тип ружья и вполне достойна того, чтобы быть принятой на вооружение.

Тут бы и наступить счастливому концу эпопеи, но нет! Высшие чины военного ведомства уже окончательно решили вопрос о необходимости уменьшения калибра стрелкового оружия, и на этом основании комиссия указала прекратить все опыты над четырехлинейными винтовками. Однако удар по Мосину был немного смягчен тем, что комиссия, считая винтовку Мосина образца 1885—1887 годов лучшей среди магазинных систем того периода, учитывая малый вес магазина, неплохой способ его наполнения, удобное расположение патронов и достаточную емкость, нашла полезным поручить Сергею Ивановичу приспособить его систему к ружьям уменьшенного калибра, приняв во внимание все результаты опытов с четырехлинейными винтовками.

Так закончился пятилетний этап конструкторской деятельности Сергея Ивановича Мосина, не принесший определенных результатов, но давший громадный опыт самому изобретателю. С полным основанием можно считать, что именно к этому времени Сергей Иванович становится в полном смысле профессиональным изобретателем. Но чем же было вызвано решение отказаться от четырехлинейного калибра?

Один из авторитетнейших отечественных оружейников, изобретатель, историк и педагог Владимир Григорьевич Федоров дал такое объяснение:

«Переделочное магазинное оружие, стрелявшее патронами с дымным порохом, имело крупные недостатки: малый запас патронов и трудности в снаряжении магазина во время боя, значительное, до полутора фунтов увеличение веса оружия, образование дымного облака перед позициями стрелков при частой стрельбе».

В военных кругах не прекращались дебаты по поводу путей развития стрелкового оружия. Еще в 1883 году раздавались громкие голоса сторонников очередного уменьшения калибра, и их становилось все больше и больше. В феврале 1885 года товарищ генерал-фельдцехмейстера[14] генерал-адъютант Л. П. Софиано, признавая необходимость немедленно приступить к исследованию и разработке вопроса о наилучшем образце оружия уменьшенного калибра, предложил оружейному отделу выработать на основании теоретических и опытных исследований соображения по указанному предмету с тем, чтобы образцы ружей уменьшенного калибра и патроны к ним изготавливались на наших оружейных и патронных заводах.

Уже в марте того же года полковник Н. Роговцев, тот самый, у которого когда-то учился изобретательству С. И. Мосин, сконструировал пулю и патрон калибром 3,15 линии. Гильза этого патрона делалась из латуни, пуля была свинцово-оловянная в медной или стальной оболочке. Вначале патрон снаряжался черным порохом с добавкой аммиачной селитры. И хотя пуля развивала скорость 550 м/сек, эта добавка разъедала канал ствола, а сам порох быстро приходил в негодность. Заказ на изготовление опытной партии патронов и магазинных приспособлений был отдан Петербургскому патронному и Тульскому оружейному заводам. Однако в силу указанных выше причин, недостаточно выясненных баллистических качеств новой пули и отсутствия хорошего малодымного пороха работы были отложены.

Поиск принципиально нового пороха, который превосходил бы уже известные пороха по силе и не давал бы нагара и дыма,

интенсивно велся с давних пор и в России, и за рубежом. Еще в 1841 году полковник А. А. Фадеев изготовил так называемую «хлопчатую бумагу»,или «пироксил». Он же произвел с ней первые опыты. Тогда «огнестрельную бумагу» вырабатывали на Охтинском заводе, в Москве и Тарту. Но пироксил обладал весьма скверным свойством — он самовоспламенялся, что приводило к крупным авариям на пороховых заводах. На тогдашнем уровне химической науки и производства этот недостаток устранить было невозможно, из-за чего дальнейшие опыты с новым порохом прекратили. Только в 1889 году знаменитый химик Д. И. Менделеев предложил заменить сушку пироксилина промывкой его этиловым спиртом, что сделало весь процесс производства бездымного взрывчатого вещества безопасным. И с 14 июня 1889 года промышленное производство пироксилинового пороха было налажено на Охтинском заводе.

В 1887 году Комиссия получила от русского военного агента во Франции сообщение, что на вооружение французской армии принята винтовка системы Лебеля калибром 8 мм, стреляющая патроном, снаряженным бездымным порохом. Пуля была свинцовая в мельхиоровой оболочке, заряд пороха в 2,7 г обеспечивал начальную скорость пули 610 м/сек. Для сравнения русская винтовка 1870 года при весе порохового заряда в 5 г обеспечивала начальную скорость пули всего 437 м/сек. Конструктор Лебель спроектировал интересный затвор[15], характерной особенностью которого было устройство на личинке боевых упоров[16], принимавших на себя усилие отдачи. Несмотря на серьезные недостатки, к примеру, подствольный магазин, система Лебеля была оружием, в корне разрешившим вопрос о переходе к скорострельным винтовкам с улучшенными баллистическими качествами.

Сергею Ивановичу Мосину предстояло творчески осмыслить европейский и свой опыт, найти новый путь в создании русской магазинной винтовки, предстояло не только выполнить колоссальную умственную работу, но и выдержать ожесточенную борьбу с конкурентами.

Глава 5. ТРЕХЛИНЕЙНЫЙ КАЛИБР

Во второй половине 80-х годов прошлого века вопрос о перевооружении армий малокалиберным магазинным оружием был решен окончательно во многих европейских странах. Медлительность России в перевооружении грозила ей серьезным отставанием и возможным повторением Крыма и Балкан. Надо было спешить с принятием винтовки уменьшенного калибра под патрон с бездымным порохом. Исключительно много в этом направлении сделала комиссия генерала Г. И. Чагина. За время своей работы с 1883 по 1887 годы она рассмотрела и подвергла испытаниям более 150 различных систем как отечественных, так и зарубежных изобретателей. И среди представленных образцов были не только заслуживающие внимание, но и абсолютно бездарные, устаревшие, а то и просто авантюрные, рассчитанные на легкую возможность урвать без усилий кусок жирного российского пирога. В конечном итоге комиссия пришла к выводу о необходимости уменьшения калибра, но так и не сделала окончательного выбора в пользу того или иного типа магазина. Это было скорее всего результатом того, что практические испытания имели для военного руководства России большее значение, чем теоретические и конструкторские исследования. Между тем глубокие теоретические исследования возможных путей развития стрелкового оружия могли бы значительно сократить время и обойти развитые европейские державы. Еще в начале века В. Г. Федоров справедливо отмечал:

«На протяжении многих десятилетий велись работы по вооружению царской армии, но так и не удалось ликвидировать пагубный разрыв между передовой технической мыслью русских изобретателей и нищенскими средствами, которые ассигновывались на конструкторские работы».

Даже комиссия генерала Н. И. Чагина, от которой зависела судьба армии, не могла все время посвящать испытаниям и отбору оружия, так как только председатель и один из членов не имели других служебных обязанностей. Все остальные вынуждены были работать в комиссии урывками.

В таких же стесненных условиях работали и все русские конструкторы-оружейники, не имевшие ни достаточных средств для исследовательской и конструкторской работы, ни опытной базы, оснащенной лучшим оборудованием и укомплектованной специалистами высшей квалификации. Сергей Иванович Мосин был далеко не в худшем положении, он все-таки работал на замечательном во всех отношениях заводе, испытывая только

постоянный дефицит времени.

Нелегким для него был 1888 год. Получив задание комиссии приспособить его систему к калибру 3,15 мм, он энергично принялся за работу. А она предстояла немалая, так как необходимо было перепроектировать все параметры подающего и запирающего механизмов под габариты стволов, присланных из инструментального отдела Петербургского патронного завода, и, что значительно сложней, устранить недостатки, отмеченные на прошлогодних испытаниях.

В сентябре 1888 года несколько ружей калибром 3,15 мм были представлены Сергеем Ивановичем в комиссию и прошли испытания. Результаты оказались исключительно обнадеживающими. Мосину удалось устранить возможность преждевременного выстрела за счет удлинения навеса над передней частью ствольной коробки, сделать бесперебойной подачу патронов, значительно упрочнить соединение приклада с цевьем, усилить затворную задержку. Упростив ряд деталей магазина, конструктор облегчил его сборку и разборку, а также усовершенствовал разобщение магазина с затвором.

В винтовке образца 1888 года Мосин серьезное внимание уделил совершенствованию затвора. Он вынес боевые упоры на стебель, затворную задержку сделал в виде винта с головкой большего диаметра, чем прорезь для гребня затвора. В этой конструкции соединительная планка отсутствовала, а курок предохранялся от вывинчивания специальным винтом[17]. Затвор вызвал у комиссии большой интерес, ибо Мосин совершенно независимо от иностранных конструкторов спроектировал боевые упоры. Это нашло должную оценку у членов комиссии, но они уже знали о затворе конструкции Лебеля, а потому посоветовали Мосину вынести боевые упоры непосредственно на боевую личинку, что еще больше увеличивало живучесть затвора.

Всего из винтовки образца 1888 года было расстреляно 40 магазинов, и на 480 выстрелов пришлось лишь четыре осечки, которые объяснялись несовершенством патрона или слабостью боевой пружины, и три случая не-экстрактирования (невыброса) стреляной гильзы. Комиссия пришла к выводу, что Мосину необходимо еще поработать над усилением экстрактора и боевой пружины и увеличить зазоры между рейками и пазами ствольной коробки, чтобы устранить их чувствительность к ржавчине. Рекомендовано было также закрепить попрочнее затворную задержку.

Оружейный отдел полностью согласился с выводами Комиссии, но выдвинул новое требование, которое шло совершенно вразрез с прежними. Если раньше считалось, что

магазин все-таки нужен солдату только как подмога, резерв в самую трудную минуту боя, то теперь выяснилось, что эта концепция лишена здравого смысла. Прикладные и подствольные магазины требуют достаточно много времени для их наполнения, так как каждый патрон подается в магазин отдельно, а в прикладном магазине надо при том еще и манипулировать специальной рукояткой-рычажком. Для ведения беспрерывной магазинной стрельбы их надо наполнять полностью, так как при частично наполненном магазине подавать патроны в патронник возможно не иначе, как предварительно перемещая несколько раз затвор. Раньше предполагалось, что солдату, ради ускорения стрельбы на каком-то отрезке боя, достаточно зарядить в магазин четыре-пять патронов, потом шесть-семь раз передернуть затвор, дослать первый патрон и начать интенсивную стрельбу. Теперь же, ради сохранения темпа боя, оружейный отдел предлагал Мосину так усовершенствовать магазин без усложнения всей системы, дабы можно было делать первый выстрел из неполного магазина без дополнительной работы затвором.

Таким исходом Сергей Иванович был удручен чрезвычайно. Он имел уже достаточно опыта, чтобы сразу увидеть неразрешимость задачи. Да, он может упростить магазин, сделать его с одной только подающей рейкой, может усовершенствовать подачу патронов, выполнить условие по доводке затвора, но не более того. Главный недостаток реечно-прикладного магазина, указанный оружейным отделом, устранить невозможно. Это — тупик. Дальше хода нет. Надо кардинально менять направление поисков. Но Сергей Иванович, понимая бесперспективность дальнейшей работы над магазином в прикладе, сделал еще одну попытку — все-таки это была его первая любовь!

В самом конце ноября 1888 года на Императорский Тульский оружейный завод прибыл с проверкой генерал-лейтенант В. В. Нотбек, инспектор оружейных и патронных заводов. Он хорошо помнил Мосина еще с той поры, когда тот штабс-капитаном прибыл на завод. Владимир Васильевич поинтересовался работами Мосина над новыми винтовками, и конструктор показал ему образец, после осмотра которого генерал послал в Главное артиллерийское управление следующее донесение:

«Магазинная винтовка уменьшенного калибра, представленная мне капитаном Мосиным, далеко опередила своей простотой прежние проектированные им магазинки. Ввиду этого я нахожу необходимым:

Остановить изготовление на ИТОЗ (Императорский Тульский оружейный завод. — Г. Ч.) [18] винтовок с прежним магазином Мосина.

Командировать его в Петербург для присутствия на испытаниях новой винтовки.

Выслать в ИТОЗ 1000 патронов уменьшенного калибра для предварительных испытаний винтовки».

О патронах генерал заботился своевременно, потому что на оружейном заводе, как это ни прискорбно, патронов для испытания новой винтовки не было.

Если бы подобный образец Сергей Иванович спроектировал лет пять тому назад, то он, наверное, был бы принят на вооружение. Нынче же конструктора опять ждала неудача…

Единственным утешением было то, что решился, наконец, вопрос о его перемещении по служебной лестнице, и он был назначен исполняющим дела председателя приемной комиссии завода. Теперь у него появилось значительно больше времени для проектирования оружия.

В марте 1889 года военный министр П. С. Банковский потребовал от Н. И. Чагина представить ему подробный доклад о деятельности Особой комиссии. Николай Иванович засадил за кропотливую работу всех своих сотрудников, и комиссия родила внушительный и всесторонне аргументированный документ. В начале доклада внимание министра было обращено на тот факт, что поспешное перевооружение некоторых европейских государств переделочными винтовками явно себя не оправдало. Более того, обнаружилось, что все представленные в комиссию иностранные магазины к переделочным винтовкам оказались неудовлетворительными, пользоваться ими нельзя. При таких обстоятельствах комиссия пыталась направлять свою деятельность на поощрение российских изобретателей. Наиболее плодотворно работает капитан Мосин, который спроектировал пять видоизменений магазина к четырехлинейной винтовке и два — к винтовке калибром 3,15 линии. Но, констатировал Чагин, ни один из предлагаемых магазинов и конструкции Мосина и других русских и иноземных изобретателей, не удовлетворяет предъявляемым к ним требованиям. Наибольший интерес из последних приобретений вызвал постоянный, со сменяемой пачкой, магазин системы Манлихера. Знатоки нашли в этой идее много достойного внимания, однако выявить предполагаемые преимущества манлихеровского магазина можно только сравнительными опытами в войсках, чего нельзя сделать до тех пор, пока не будет выработан способ получения бездымного пороха.

Какой же, по мнению Н. И. Чагина, должна быть новая винтовка? Калибр ее восемь миллиметров, начальная скорость пули больше 600 метров в секунду. Но при такой скорости

свинцовая пуля без оболочки или в оболочке из меди или бронзы срывается с нарезов, стальная оболочка быстро ржавеет, и только мельхиоровая ведет себя достойно.

Комиссия не смогла выработать винтовку с такими характеристиками, ибо бездымного пороха нет, магазина хорошего нет, патрона нет, а без них можно было только и сделать, что выполнить подготовительные работы, составить представление об общей компоновке частей ружья, патрона и магазина.

В общем, положение сложилось безрадостное. Однако принимать какое-то решение надо было. Банковский решил доложить императору свои на этот счет соображения. В докладе, не уступающем чагинскому по объему и скрупулезности, военный министр доносил:

«Вполне сознавая важность вопроса и опасность отстать в вооружении от своих соседей, я, однако, считаю своим долгом выждать, пока будет выработан вполне удовлетворительный тип ружья, сознавая, что средства государства не позволят нам делать два перевооружения (переделочной, а потом и оригинальной системой).

Из двух видов усовершенствования, вводимых ныне в устройстве ружья, бесспорно наибольшее значение имеет уменьшение калибра, придача же магазина лишь немногим может увеличить скорость стрельбы, почему на разрешение первого вопроса и может быть обращено наибольшее внимание, и он представляется наиболее насущным и неотложным. Введение магазинного оружия если и признается желательным, несмотря на возражения некоторых военных авторитетов против магазинов, то лишь как дальнейшее усовершенствование ружья уменьшенного калибра. Таким образом, после испытания баллистических качеств нового пороха можно будет в скором будущем иметь образец однозарядного ружья уменьшенного калибра.

Испытание всякого рода магазинов воочию показало, что наилучшими являются ружья с постоянными магазинами, заряжаемыми пятью патронами, входящими в легкую и удобную пачку. Поэтому можно теперь уже сказать, что желательно выработать образец скорозарядного ружья пачечной системы.

На основании вышеизложенных соображений и данных полагалось бы теперь же приступить к окончательной выработке однозарядного ружья уменьшенного калибра и параллельно вести изыскания механизма для пачечного его заряжания. Если же впоследствии, по выработке вполне надежного магазинного ружья, признается все-таки необходимым переделать ружья

уменьшенного калибра на магазинные, то это дальнейшее усовершенствование может быть исполнено исподволь, не торопясь, по предварительном всестороннем испытании механизма».

В заключении доклада министр вопрошал:

«Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству:

1.Одобрить намеченный ход работ в том смысле, чтобы сначала был выработан тип однозарядного ружья и одновременно шли изыскания и исследования магазинных ружей пачечной системы.

2.Одобрить соображения относительно приступа к перевооружению тотчас по выработке типа ружья уменьшенного калибра с тем, что если к тому времени не будет найдено безусловно хорошей системы магазинного ружья,то чтобы было принято ружье однозарядное.

3.Разрешить мне представить осенью подробные соображения относительно порядка производства работ и относительно потребных на это денежных средств».

Его императорскому величеству «благоугодно» было начертать на докладе военного министра коротенькую резолюцию: «Хорошо. 26 мая 1889 года».

Итак, весной 1889 года, после многолетних дебатов, испытаний, сомнений Александром III и П. С. Ванновским был вынесен окончательный приговор: уменьшенному калибру быть, но с магазинами повременить. И это якобы для того, чтобы избежать двойного перевооружения. Что ж, на первый взгляд, решение вроде бы разумное, поскольку, действительно, окончательно отработанной системы магазина еще не было. Это так. Но ведь был колоссальный опыт, были талантливые конструкторы, был, наконец, пример иностранных изобретений. Та же система австрийца Манлихера предлагала правильное направление поисков. Да и сам Ванновский в докладе императору очень верно отмечал, что магазин должен быть серединным, неотъемным, пачечного заряжания. Другое дело, что система Манлихера оставалась еще далека от совершенства. Но если бы были объединены силы отечественных изобретателей, если бы им была предоставлена возможность сосредоточить свои силы только на создании совершенной винтовки, то не пришлось бы играть в двойную игру, ибо министр, как он не затуманивал вопрос, предлагал все-таки двойное перевооружение: сначала однозарядками, а потом магазинками. Ситуация складывалась неприятная, конструкторам же с ходу приходилось решать новые задачи.

С. И. Мосин, который был дальше всех, пожалуй, от столицы,

конец 1888 года посвятил совершенствованию своего последнего магазина к винтовке под патрон Роговцева, а 7 января следующего года он прибыл в Ораниенбаум. Как и прежде, испытания обнаружили много интересных конструктивных находок, механизм винтовки поражал своей простотой, все работало почти безотказно, с минимальным количеством задержек. Конечно, какие-то шероховатости были, система нуждалась в доводке, но члены комиссии сошлись в одном мнении, что Мосиным создан самый простой и совершенный магазин в прикладе. И тем не менее задание оружейного отдела оставалось невыполненным. Сергей Иванович вернулся в Тулу, так как его ждали неотложные служебные дела.

11 марта 1889 года Главное артиллерийское управление предписало капитану Мосину вступить в должность председателя приемной комиссии Тульского оружейного завода с 1 апреля текущего года. Инструментальную мастерскую велено было сдать капитану П. Н. Михайлову. Фактически же исправляющим дела председателя приемной комиссии Мосин стал только 2 мая. Назначение для него было вдвойне приятным. Во-первых, у него появлялось время для работы над винтовкой, во-вторых, членом этой комиссии был его брат Митрофан. Мосин-младший после учебы в Московской военной гимназии закончил Тифлисское юнкерское училище в июне 1873 года. Служил в армейской пехоте, женился, имел двух дочерей и сына. Митрофан Иванович участвовал в Балканской кампании, был награжден орденами святой Анны IV степени и Станислава III степени. Возможно, что на оружейный завод он попал не без помощи старшего брата.

В июне Сергей Иванович послал в комиссию генерала Чагина новый, несложный, оригинальный магазин с одной рейкой. Но обстоятельства в очередной раз изменились. Александр III, утвердив доклад военного министра Банковского, тем самым поставил крест на попытках Мосина создать совершеннейший реечно-прикладный магазин. Летом 1889 года Сергей Иванович окончательно и бесповоротно прекратил работу в этом направлении.

Тем же летом министр П. С. Ванновский собрал большое совещание с участием товарища генерал-фельдцехмейстера Л. П. Софиано, генералов В. В. Нотбека, Н. И. Чагина, В. Н. Бестужева-Рюмина и других военных, руководивших оружейной, патронной и пороховой промышленностью России. Цель совещания состояла в том, чтобы определить, какой же все-таки должна быть новая винтовка, сколько их потребуется сделать, чтобы полностью вооружить армию, и во что это обойдется терпеливому русскому

народу.

Министр твердо стоял на том, что лучший в мире калибр — восемь миллиметров, и не стоит даже думать об его изменении. Генерал Чагин и поддержавшие его Нотбек и Бестужев-Рюмин настаивали на уменьшении калибра до трех линий, резонно утверждая, что при этом значительно улучшится траектория полета пули, увеличится настильность огня, уменьшится вес заряда и пули, а это позволит увеличить носимый запас патронов. Да и международный опыт говорил в пользу доводов Чагина «со товарищи». Во французской винтовке Лебеля при стрельбе бездымным порохом как раз-таки из-за большого калибра страдал затвор, а патронник портился после 200 выстрелов. Аргументы сторонников трехлинейного калибра были неотразимы.

Что же касается магазина, то здесь мнение выработалось совершенно однозначное: только серединный, постоянный, с пачечным заряжанием. И, наконец, решено было в будущем производить винтовку в трех вариантах: пехотную, кавалерийскую и карабин.

Потребность в новых винтовках генералы исчислили два с половиной миллиона штук. Поскольку производительность российских заводов составляла только пятьсот тысяч в год, то после некоторых споров было решено разместить часть заказа во Франции. Там есть три казенных завода, а потому мы, решили генералы, хоть и проиграем в цене, зато выиграем во времени. Последнее мнение вскоре сыграло злую шутку с капитаном Мосиным.

Решено было также немедленно приступить к реконструкции российских заводов, заготовлению запасов металла, ложболванок, привлечь к изготовлению заготовок стволов и ствольных коробок пермский и обуховский заводы и Златоустовскую оружейную фабрику. Кроме того, необходимо было расширить и построить вновь пороховые, патронные и капсюльные заводы.

Потребная для перевооружения армии сумма составила сто пятьдесят шесть с половиной миллионов рублей золотом. Александр III прямо на журнале оружейного отдела, где записано решение совещания, начертал: «Суммы ужасающие, но делать нечего, приступать надо».

Теперь всякому здравомыслящему военному, занимающемуся делом перевооружения армии стало совершенно ясно, сколь строго надо было подходить к выбору оружия, чтобы не зря расходовать народные деньги.

В связи с тем, что главным критерием нового оружия выдвинули не магазин, а калибр, то изменился качественный

подход к работе и задачам комиссии генерала Н. И. Чагина.

Если до 1889 года комиссия только испытывала магазинные ружья, то теперь она должна была проектировать однозарядное трехлинейное ружье и попутно испытывать предложенные магазины. В связи с этим комиссию переименовали, назвав ее «комиссией для выработки образца малокалиберного ружья». Председателем остался Н. И. Чагин, членами с решающим голосом — генералы Валламов и Давыдов, полковники Кабаков и фон дер Ховен, в распоряжение комиссии назначили капитана Петрова, штабс-капитанов Савостьянова и Юрлова. Капитан Мосин в новый состав комиссии не был введен.

Поскольку предстояла большая работа по координации деятельности предприятий, производящих порох, капсюли, патроны, ружейные части, приспособления и прочее, генерал-адъютант Л, П. Софиано распорядился проводить совещания не реже двух раз в неделю с привлечением таких авторитетов, как Нотбек, Бестужев-Рюмин, управляющий делами арткомитета генерал Снесарев, инспектор пороховых заводов Каминский, начальник Петербургского патронного завода Шекаразин, а также тех лиц, чье участие в совещаниях будет необходимо.

Ужасающие суммы, которые предстояло изъять из многострадального российского бюджета, заставили Александра III учредить особое совещание под председательством действительного тайного советника Абазы для распределения сумм по годам, окончательного определения денежных средств и контроля за их расходованием.

Новое совещание работало осмотрительно, неспешно, в полном соответствии с народной мудростью «семь раз отмерь, один раз отрежь». Только 29 декабря 1889 года Абаза представил императору доклад об учреждении комиссии по перевооружению русской армии.

В означенном докладе указывалось, что ввиду исключительной важности предстоящего дела и необходимости скорейшего его осуществления, надо изъять перевооружение из обычного порядка, то есть из компетенции Главного артиллерийского управления, и организовать его следующим образом: создать неподведомственные ГАУ учреждения, которые отвечали бы полностью за само перевооружение, делопроизводство по всем вопросам, а также за порядок ассигнования сумм и их расходование.

Был принят во внимание прецедент 1869 года, когда наша армия вооружалась переделочными винтовками и были созданы, помимо комиссии Н. И. Чагина, еще две особые комиссии: Главная распорядительная и исполнительная. Первой

предоставили распоряжаться всей операцией по перевооружению на правах Военного Совета, она могла распределять и расходовать деньги, вести всевозможные заготовки как в империи, так и за ее пределами теми способами, которые комиссией будут признаны наилучшими, причем через частных и состоящих на службе лиц безо всякого ограничения. Распорядительная комиссия имела право изменять цены и сроки, заключать и аннулировать контракты, выдавать задатки и пособия без залогов, предоставлять кредиты исполнительной комиссии и передавать ей часть своих полномочий в случае такой необходимости, командировать служащих лиц как по империи, так и за границу, выдавая им необходимые порционные, разъездные и подъемные суммы. И, наконец, распорядительная комиссия имела право разрешать всевозможные недоразумения и затруднения по всем вопросам.

Полномочия были огромными, недаром ведь комиссию нарекли Главной распорядительной. Господин военный министр Ванновс.кий взял на себя тяжкий груз председательствования в Главной распорядительной комиссии, дабы ускорить и улучшить дело, но больше для того, чтобы быть поближе к деньгам. Членами Комиссии он назначил Нотбека, Софиано, генерал-адъютанта Розенбаха и помощника начальника ГАУ генерала Крыжановского, своего старинного друга. Были в комиссию включены и другие лица.

Исполнительная комиссия играла подчиненную роль, поскольку не имела права самостоятельно распоряжаться деньгами. В ее задачу входило решение всех исследовательских, конструкторских и производственных проблем. Кроме того, на исполнительную комиссию возлагались все те поручения, которые найдет нужным распорядительная комиссия. Председателем исполнительной комиссии был назначен Л. П. Софиано, членами — инспекторы оружейных, патронных, пороховых и капсюльных заводов, инспектор стрелковой части в войсках, командир Кронштадской крепостной артиллерии, начальник офицерской стрелковой школы и прочие чины.

Военный министр счел необходимым назначить в обе комиссии для устранения возможных финансовых недоразумений государственного контролера. Что ж, в условиях неистребимого российского казнокрадства присутствие такого чиновника было необходимо, хотя неизвестно, каковыми принципами руководствовался он в своей деятельности.

Надо также отметить, что члены комиссий особого вознаграждения не получали, лишь только военным чинам исполнительной комиссии полагались разъездные деньги:

генералам по пять рублей, штаб-офицерам по три рубля в сутки.

Таким образом, в канун 1890 года были решены все организационные вопросы, связанные с перевооружением русской армии новой винтовкой, которой фактически не было. Главное слово оставалось за конструкторами и комиссией генерала Чагина.

В октябре 1889 года, может быть, впервые за долгое время поиска нового оружия, перед изобретателями была поставлена конкретная задача и определены тактико-технические характеристики перспективной винтовки. Говоря современным языком, было выдано техзадание.

Теперь уже трудно сказать, сколько конструкторов взялось за решение поставленной проблемы, но совершенно определенно ею занимались вкупе несколько членов комиссии генерала Чагина. Эти деятели, их так и величали — «комиссионные», продолжали в большинстве своем искать прототип не среди отечественных изобретений, а за рубежом. Их идеалом последние годы была винтовка Лебеля, о чем они толковали почти на всех заседаниях.

Поначалу комиссия, проектируя однозарядное ружье, взяла лебелевскую модель чуть ли не целиком. Однако, учитывая то обстоятельство, что у нас стрельба велась с примкнутым штыком, от ствола лебелевской винтовки отказались, так как он имел нарезы слева направо, а это вызывало значительное отклонение пули. Тогда решено было стволы сделать свои, калибром 3 линии, с нарезами справа налево, в инструментальном отделе Петербургского патронного завода.

Затвор системы Лебеля был оставлен потому, что имел боевые упоры на личинке. Это давало возможность значительно уменьшить габариты ствольной коробки без ущерба для ее прочности даже тогда, когда давление во время выстрела достигало пяти тысяч атмосфер. Комиссия спроектировала для своего ружья новый штык и прицел. Однозарядка, спроектированная комиссией по системе Лебеля, получилась неплохой, хотя и не была свободна от недостатков.

С. И. Мосин внес свою лепту, и не такую уж малую, в создание этой модели. Проектируя ствольную коробку, комиссия вынуждена была снабдить ее «пружинным проводником», который монтировался на дне коробки и должен был приподнимать переднюю часть патрона, не давая пуле упереться в казенный срез ствола. Устройство такой детали-проводника создавало дополнительные конструктивные, производственные и эксплуатационные сложности.

Мосин предложил исключительно простое, до сих пор используемое решение: не ломать голову над пружинным

проводником, а изменить конфигурацию переднего конца коробки как раз в том месте, где в нее ввинчивается ствол,выточив небольшой подъем к обрезу ствола.

Но это было, так сказать, попутное занятие Сергея Ивановича, а основное время в тот момент, это октябрь—ноябрь 1889 года, он занимался проектированием однозарядки собственной конструкции, каковую и представил в комиссию на испытания.

Ствол нового ружья доставили ему из инструментального отдела Петербургского патронного завода, но конструкция затвора и форма ложи у Мосина были уже детально отработаны.

Затвор имел отдельную личинку с двумя расположенными по бокам боевыми упорами, соединительную планку, затворную задержку в виде отдельной детали, упиравшейся в стенку ствольной коробки.

В однозарядной винтовке образца 1889 года затвор был уже полностью отработан и без существенных изменений использован во всех последующих опытных моделях и в магазинной винтовке образца 1891 года. Ведь Сергей Иванович, работая над однозарядкой, считал ее мерой вынужденной, больше являвшейся следствием волевого решения военного министра и не совсем верных воззрений части военных, в том числе и из Комиссии генерала Чагина, на проблему перевооружения. А потому Мосин весьма усердно занимался разработкой магазина собственной конструкции.

Вызванный в ноябре 1889 года в Ораниенбаум на испытания однозарядки, он работал в оружейной мастерской офицерской стрелковой школы и именно там сделал первый макетный образец трехлинейки с магазином трапециевидной формы.

Производственные условия в этой мастерской были никудышние: низенькие холодные помещения, старые, изношенные станки, плохое освещение. Одно утешало Сергея Ивановича: в помощь ему дали замечательных оружейных мастеров Павлова и Никитина.

20 января 1890 года состоялось объединенное заседание распорядительной и исполнительной комиссий. На основании докладов и дополнительных пояснений совещание пришло к следующему заключению:

«Образец однозарядного ружья выработан уже настолько, что стало возможным перестраивать заводы на его выделку. Образец же магазинного ружья выработан еще недостаточно, а посему работы над ним продолжить. Переустройство заводов не может считаться мерой преждевременной, даже если и придется по примеру иностранных держав перевооружаться магазинками, так как стволы, штыки и другие части тех и других винтовок будут

совершенно одинаковыми. Готовые же однозарядные ружья можно оставить на вооружении таких частей, как конвойные команды и прочее…»

И поскольку патрон нового образца уже был готов к массовому производству, бездымный порох также был готов, то совещание указало исполнительной комиссии начать подготовку к установке производства однозарядок и не прекращать поиски лучшей магазинной системы.

Пока комиссия испытывала обе системы однозарядного трехлинейного ружья, появились заслуживающие внимания две модели ружья магазинного.

В середине февраля 1890 года Сергей Иванович Мосин представил на рассмотрение комиссии магазинную винтовку, выполненную в металле. Затвор ее имел боевую личинку в виде отдельной детали с двумя симметричными упорами, соединительную планку, стебель с двумя винтовыми скосами, винты полностью отсутствовали, и затвор разбирался без отвертки. Магазин был серединным, составляющим единое целое со спусковой скобой, дверка открывалась вниз и имела защелку флажкового типа, подаватель патронов пружинный.

Но самым главным, новым и оригинальным в представленной модели была отсечка-отражатель. Эта часть подающего механизма по праву считается выдающимся изобретением Сергея Ивановича. Дело в том, что серединный магазин, расположенный непосредственно под ствольной коробкой, имел крупный недостаток, заключающийся в том, что пружина-подаватель, укрепленная на дне магазина, зачастую выталкивала в коробку по два патрона зараз. В результате они заклинивали затвор и стрельба прекращалась. Необходимо было приспособление, которое не пускало бы очередной патрон в ствольную коробку до тех пор, пока не будет экстрактирована стреляная гильза. Для непрерывной стрельбы из магазина необходимо было отсечь очередной патрон и одновременно движением затвора назад отразить о специальный пенек[19] стреляную гильзу. Именно так: отсечь одно и отразить другое.

С. И. Мосин сделал отсечку-отражатель в виде пружинной пластины, которая крепилась в прорези ствольной коробки таким образом, что одно ее плечо привинчивалось к левой стороне ствольной коробки, другое, в виде согнутой пластинки, имело выступ, прилегающий к поверхности затвора, и зуб, слегка уходящий внутрь магазина. Получалось, что при повороте затвора вправо отсечка отводилась им влево, при этом зуб также отклонялся влево и пропускал патрон. Как только затвор поворачивался влево, отсечка соскальзывала со скошенного паза

стебля затвора, и зуб возвращался вправо, отсекая второй сверху патрон. Вот такое предельно простое и высокотехнологичное приспособление сделало винтовку с серединным магазином безотказным стрелковым оружием.

С. И. Мосин имел в этом случае неоспоримый приоритет.

Изобретение это было сделано в Офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме, и отсечку-отражатель воплотили в металле оружейные мастера унтер-офицер Павлов и вольнонаемный Никитин.

Сергею Ивановичу никак не удавалось сосредоточитьвсе силы и внимание на винтовке собственной конструкции,его то и дело отвлекали различные поручения комиссии.Так, начиная с января месяца 1890 года, он работал над совершенствованием образца, представленного бельгийским изобретателем и фабрикантом Леоном Наганом, тем самым конструктором, чья неудачная винтовка испытывалась в 1885 году.

Еще в сентябре 1888 года инспектор арсеналов генерал-лейтенант Фишер доносил, что во время осмотра им военных предметов на Брюссельской выставке он познакомился с льежским фабрикантом оружия Наганом, который показал образец своего магазинного ружья, испытанного в последнее время в Бельгии сравнительно с тремя другими системами таковых ружей и давшего очень хорошие результаты. Фишеру понравился магазин, расположенный как в системе американца Ли под ствольной коробкой, а также легкая пачка, из которой пять патронов разом вводились в магазин. К рапорту генерал приложил подробное описание ружья и учебный патрон.

Несколько позже с результатами опытов, которые провели бельгийцы, ознакомился генерал Нотбек и пришел к выводу, что постоянный серединный магазин пачечного заряжания есть оптимальное решение проблемы магазинного оружия. О своих соображениях он донес военному министру, и тот осторожно согласился провести соответствующие опыты в тех частях, которые уже экспериментировали с магазинными ружьями, и назначить комиссию в составе командиров рот, которые будут испытывать ружья, председателя стрелковой и кавалерийской школы, а также нескольких членов комиссии для выработки малокалиберного ружья.

Первую модель магазинного ружья бельгиец предложил комиссии 11 октября 1889 года. Оно имело калибр 3,15 линии и ничем особенным себя во время испытаний не зарекомендовало. Магазин был отделен от спусковой скобы. Обнаружилось также, что «магазинный механизм действует неисправно, патроны заклиниваются при досылании их затвором, а магазинная

коробка должна быть снабжена застежкой, без которой она открывается во время вталкивания патронов в магазин». Комиссию совершенно не удовлетворил затвор с одним только боевым упором и не имеющий отдельной боевой личинки. Поэтому очередная попытка Нагана протолкнуть на вооружение русской армии несовершенный образец потерпела неудачу, ему было рекомендовано устранить недостатки и впредь проектировать, если он того пожелает, винтовку только калибром в 3 линии.

Бельгиец, учитывая масштабы предстоящего в России перевооружения, очень хотел сорвать солидный барыш, а потому уже в январе 1890 года комиссия получила от него одно ружье трехлинейного калибра. Надо признать, что новая система покорила многих знатоков оружейного дела. Даже В. Г. Федоров, изучавший эти события много позже, писал:

«Стрелок успевал выпускать (без прицеливания) по 45 пуль в минуту, если обоймы с патронами ему подавали. При условии же вынимания патронов из поясной сумки скорость стрельбы была 25 выстрелов в минуту. Совершенно неопытный стрелок, вынимая патроны из сумки, смог выпустить 15 пуль в минуту. Винтовка Нагана произвела на всех наилучшее впечатление…» Отмеченное В. Г. Федоровым «наилучшее впечатление» было вызвано единственным на тот момент достоинством винтовки Нагана — она имела серединный магазин, смонтированный непосредственно под ствольной коробкой, а патроны в нем располагались один над другим. Магазин наполнялся путем выталкивания патрона из легкой обоймы. Такое устройство магазина было достаточно удобным в эксплуатации, не нарушало баланса оружия, не имело выступающих и мешающих стрельбе частей. Но идея серединного магазина не была рождена Наганом, он ее заимствовал у других конструкторов, у того же Манлихера.

В феврале 1890 года Л. Наган приехал в Россию и присутствовал на испытаниях собственной системы. Несмотря на хвалебные отзывы, проверки она не выдержала. Комиссия отметила плохую конструкцию и работу затвора и частое заклинивание патронов при их подаче из магазина, «не имевшего приспособления, устранявшего несвоевременный выход двух патронов». Нагану предложили сделать пять винтовок с учетом замечаний, устранить задержки и в случае положительных опытов ему был обещан заказ на 300 винтовок для войсковых испытаний.

С этого времени разворачиваются события, зачастую ставящие в тупик непредвзятого исследователя. Руководители военного ведомства и Главного артиллерийского управления в лице генералов П. С. Ванновского, П. А. Крыжановского и иже с

ними делают все, чтобы способствовать Нагану в его намерении протолкнуть бельгийскую винтовку, и с той же настойчивостью ставят палки в колеса С. И. Мосину. Все три комиссии: Чагина, Ванновского и Софиано уже знали о системе Мосина и видели, что она по концепции своей идентична системе Нагана, что по отработанности конструкции русская винтовка далеко опережает бельгийскую, что система Нагана практически испытаний не выдержала. И тем не менее консерваторы настояли на том, чтобы С. И. Мосин занялся доработкой системы Нагана и спроектировал к ней простой и удобный затвор.

Вместе с Сергеем Ивановичем этой работой занялся также капитан Захаров, служивший на полигоне в Ораниенбауме. Но Мосин, имевший не только громадный конструкторский опыт, но и большой практический задел, быстро справился с заданием, приспособил к нагановской винтовке свой затвор, устранив неполадки в подаче патронов. Захарова постигла неудача.

Сделанное Мосиным комиссия одобрила, но был ли смысл во всей затее с доделкой нагановского образца, тем более, что и бельгиец, и русский конструктор продолжали дорабатывать свои системы, для чего Наган вернулся к себе в Льеж, а Мосин в Тулу на оружейный завод? Был ли вообще смысл приспосабливать к уже известному и только предложенному (подчеркнуто мной. — Г. Ч.) Наганом способу устройства магазина и подачи патронов отечественную винтовку? Ведь уже имелся гораздо лучший вариант: коль скоро Мосин конструктивно отработал затвор, отсечку-отражатель, ложу, получил готовый ствол с патронником, прицелом и штыком, то не целесообразно ли было поручить Мосину доработать магазин его конструкции? Даже используя какие-то достижения Нагана в этой области, даже купив у него привилегию на использование серединного магазина? Так нет же, Мосину, ко всему прочему, еще и поручают приспособить нагановский магазин к однозарядному ружью, выработанному Комиссией!

Объяснений этой запутанной ситуации может быть два. Первое заключается в том, что многие руководители русской военной промышленности продолжали находиться под влиянием магии иностранных имен. И как генерал В. Н. Бестужев-Рюмин ни доказывал, что не стоит обольщаться кажущимся удобством винтовки Нагана, ибо она даже в самой Бельгии не была принята на вооружение, проиграв испытания Маузеру, распорядительная комиссия приказала опыты над ней продолжать, не отвергая, впрочем, и отечественные системы, ежели таковые появятся. Вторая причина крылась, видимо, в личной заинтересованности некоторых генералов в том, чтобы именно Наган победил в этом

споре и затем соответствующим образом отблагодарил своих благодетелей.

Генерал П. А. Крыжановский вел хитрую политику соблюдения видимости беспристрастности, что полностью отвечало настроениям военного министра. Ванновский же, тот самый Ванновский, который так осторожничал с магазинными винтовками, вдруг явил миру необычную живость и поспешность действий, особую предупредительность к фабриканту-гастролеру. Он распорядился, не дожидаясь результатов испытаний заказанных Нагану пяти усовершенствованных винтовок, заказать ему всю партию из 300 штук для войсковых испытаний. Правда, с оговоркой: если первые экземпляры по качеству будут годны к испытаниям.

Мосин же, не имея никаких гарантий и высокого покровительства, продолжал совершенствовать свою систему так, как на это указывала комиссия генерала Чагина, используя для дела каждую свободную минуту.

После первого показа магазинного образца Мосин сделал в Ораниенбауме еще несколько изменений, и в марте винтовка прошла очередные испытания. 22 числа того же месяца Сергей Иванович был откомандирован в Тулу, «чтобы по окончании изготовления на этом заводе трех проектируемых им малокалиберных ружей вновь явиться в Петербург для присутствия на испытаниях».

В Туле Сергея Ивановича ждала не только напряженная работа, но и горькое известие — скончался отец. Он в последний раз съездил в имение Арсеньевых, поклонился могиле и вновь вернулся в круговерть дел.

Уже 23 мая комиссия получила две отлаженных винтовки, они блестяще выдержали испытания, и 26 мая ГАУ дало телеграмму № 1143 начальнику Тульского оружейного завода:

«Приступайте немедленно к изготовлению „Lf > Tr по системе капитана Мосина».

На основании телеграфного предписания г— т я был отдан приказ № 149 о развертывании производства опытной партии мосинских винтовок, в котором предлагалось начальникам мастерских принять меры к изготовлению винтовок к 20 июля, чтобы отправить их в Петербург к 1 августа. Начальник кузнечной мастерской обязан был обеспечить штамповку ствольной коробки к 5 июня из имевшейся в запасе стали обуховского завода или любой другой подходящей. Однако дела пошли не так гладко, как того хотел Сергей Иванович. Обуховской стали для коробок оказалось недостаточно, а «любая другая» часто оказывалась непригодной. Кроме того, инструментальная и механическая

мастерские не справлялись с изготовлением приспособлений и тем сильно сдерживали работу. Но даже если завод и смог бы к 20 июля изготовить пусть не все, а только половину опытных винтовок, все равно их нельзя было отправлять на испытания, так как первые 300 боевых трехлинейных патронов, снаряженных порохом охтинского завода, завод получил только 18 июля.

29 мая на заводе побывал генерал-майор Давыдов, член исполнительной комиссии, состоявший в ГАУ для особых поручений. Он познакомился с последним вариантом мосинской магазинки и дал о ней весьма лестный отзыв в телеграмме Л. П. Софиано. Проведенное вскоре очередное испытание винтовок показало ее безусловное преимущество перед другими системами, и 22 июля председатель Исполнительной комиссии представил военному министерству доклад, в котором, ссылаясь на мнение видных специалистов-оружейников, указывал на то, что было бы «полезным данные заводом винтовки изготовлять нынче же с затворами и ложами капитана Мосина (имелось ввиду, что тульский и сестрорецкий заводы уже получили заказ на изготовление однозарядных трехлинейных винтовок. — Г. Ч.) Еще выгоднее изготовлять винтовки вполне по образцу пачечной винтовки капитана Мосина, что, по мнению Л. П. Софиано, значительно бы ускорило перевооружение. Так же, как и Софиано, были настроены Чагин,Нотбек, Бестужев-Рюмин.Но на заседании Распорядительной комиссии 27 июля 1890 года было решено дожидаться „предстоящего осенью испытания“, под которым, видимо, имелись в виду сравнительные стрельбы из систем Мосина и Нагана. В решении Комиссия записала: „Образец затвора капитана Мосина заслуживает несомненного предпочтения, поэтому как приспособление станков, так и выделка лекал и инструмента должны быть сделаны для этого затвора. Что же касается до изготовления вместо однозарядных ружей многозарядного ружья капитана Мосина, то комиссия нашла преждевременным решение этого вопроса. Главная распорядительная комиссия решила: делать приспособления к изготовлению на заводах однозарядных винтовок комиссии по перевооружению, но с ложей, запирающим механизмом и замочною коробкою капитана Мосина, а равно и с теми детальными изменениями, которые могут потребоваться. Замочная доска должна быть с пазами для вкладывания обоймы, но без продольной щели для магазинной коробки“.

Опять половинчатое решение, в котором сквозит явное неверие в возможности своего, русского конструктора. Исполнительная комиссия принимает разумное решение, а Распорядительная его отвергает, хотя и призвана ускорить сроки

перевооружения и сэкономить, насколько возможно, народные деньги.

Пока в высоких кабинетах заседали комиссии и генералы корректно спорили друг с другом, С. И. Мосин продолжал совершенствовать магазинку. В течение августа он дважды отправлял в Петербург измененные образцы, отшлифовывая детали конструкции и одновременно следя за ходом изготовления опытной партии винтовок. К тому же почти весь август, с 4-го по 27-е число, он находился в Ораниенбауме, участвуя в испытательных стрельбах.

А тут еще прибавили хлопот военный министр, он решил проинспектировать тульский завод, о чем его руководство было уведомлено телеграммой. Ванновский прибыл в Тулу 10 сентября в 13 часов, сразу же поехал на завод, осмотрел его и нашел в отличном состоянии. Министр поинтересовался ходом изготовления магазинных ружей Мосина и получил заверения, что все они будут собраны к 1 октября. Ванновский переговорил с Мосиным, заверил его в своей полной поддержке и обещал всякую помощь. Он даже сказал, что, приехав из Тулы в Москву, будет молиться святым угодникам о ниспослании успехов в столь важном и нужном деле.

Вскоре после отъезда министра, а точнее 13 сентября, Сергей Иванович на правах автора и председателя заводской приемной комиссии принял первую партию своих винтовок из 12 стволов. Первыми поздравили изобретателя с новорожденными его ближайшие помощники-мастеровые. На следующий день Мосин написал письмо генералу Н. И. Чагину:

«Ваше превосходительство, милостивый государь Николай Иванович! Завтра, 15 числа, я отправляю пять ружей в Ораниенбаум. Ружья эти давно уже были готовы, но только вчера я поставил новые замочные трубки, которые сделаны согласно вашего требования. В этих пяти ружьях сделаны все изменения, которые вы требовали. И также будет сделано, конечно, и в остальных. Одно только требование ваше я не исполнил, не заменил верхней пружины подавателя, которую вы нашли слабой. Оказывается, чтобы ее заменить, надо будет изменить и сам подаватель. Чтобы не задерживать изготовление 300 ружей к сроку, части для которых уже готовы все, я решил в этих 300 ружьях изменений не делать, так было мною доложено и военному министру, который был у нас 10 числа. Но чтобы вы были покойны, что система ружья позволяет эти изменения сделать, я приготовляю одно ружье с этими изменениями, и когда оно будет готово, то я его вышлю к вам в Ораниенбаум. Три однозарядные ружья, которые вы приказали выслать вам, и пять

пачечных завод еще не приготовил, до сих пор еще нету предписаний о них, а также нету и предписания от генерала Крыжановского о том, чтобы завод исполнил все мои требования, о которых вы просили Крыжановского в моем присутствии. Предписание такое в настоящее время лишнее, так как военный министр приказал заводу ни в чем не отказывать для моего успеха на конкурсных испытаниях в войсках.

Вчера мною приняты 12 ружей, и теперь завод предлагает сдавать каждый день по 25 ружей. Обойм для патронов у меня нету. И если Вы найдете возможным, то прикажите выслать на завод хотя бы те укороченные обоймы, которые при мне были опробованы на Ораниенбаумском стрельбище. Получив эти обоймы, я буду иметь возможность брать на стрельбы солдат из местных войск. Заказанные мною на заводе обоймы еще нескоро будут готовы — завод обещал военному министру сдать все триста ружей к 1 октября и успех этой сдачи исключительно будет зависеть только от завода…» Сергей Иванович работал с крайним напряжением сил, он сильно переживал различного рода неполадки и задержки в ходе работ по изготовлению своих винтовок, нервничал. Это заметно из его письма Крыжановскому, отправленного в один день с посланием к Чагину:

«В присутствии военного министра ружья действовали отлично, выпущено было до трехсот патронов. Военный министр был со мной очень ласков, несколько разна заводе при всех высказался, что мой успех будет его успехом…»

Все вроде бы хорошо. Но далее Сергей Иванович жалуется, едва сдерживаясь от резких высказываний: «Патронов у нас осталось мало, если патроны не будут аккуратно присылаться, то я должен буду остановить испытания и этим задержу сдачу ружей. Я вынужден был показывать стрельбу военному министру с пятью несчастными обоймами, имевшимися у нас, которые при этом иногда плохо действовали. Все затруднения, которые были при сборке первых ружей, мною выяснены, и требования мои, как председателя приемной комиссии, к заводу все определены. Теперь успех сдачи ружей зависит исключительно от завода и, следовательно, если ружья не будут сданы к сроку, то я с себя, как с изобретателя и председателя приемной комиссии, ответственность снимаю…»

Из этих писем отчетливо видно, что Мосин полностью поверил заверениям Ванновского. А напрасно…

Мосину пришлось выезжать в Петербург для решения неотложных дел и для присутствия на нескончаемых испытаниях и в сентябре, и в октябре, и в ноябре, и в декабре. И он в основном был осведомлен о том, какие меры предпринимает Л.

Наган, чтобы выиграть предстоящие состязания.

Когда Л. Наган узнал о решении Ванновского заказать ему опытную партию винтовок, не дожидаясь предварительных испытаний, то не удивился этому. Он с готовностью согласился изготовить все 300 винтовок в течении пяти месяцев, определив их стоимость в 230 франков со штыком и 225 франков без штыка. Председатель Чагин, перевидавший на своем долгом веку немало всякого рода предпринимателей, заявил, что дешевле будет и штыки, и прицелы делать на русских заводах, а Нагану надо дать лекала на патронник, дульную часть и основание мушки, и пусть он все делает в соответствии с русскими требованиями. Предложение старого оружейника было резонным, и комиссия приняла его. Чагин настоял также на том, чтобы в Бельгию был командирован представитель ГАУ для осмотра и приема пяти опытных винтовок Нагана. С последним предложением не стал спорить и Ванновский, но проныре Нагану каким-то неведомым образом все же удалось заполучить от артиллерийского ведомства «..,в качестве моделей для магазинных ружей его системы следующие детали, которые он обязался сохранить в строгой тайне и возвратить с окончательно изготовленными ружьями: боевая личинка, отделяемая от затвора, три ружейных ствола без прицелов, нарезных, с казенниками, рукоять затвора, инструмент для нарезки стволов» и, как указано в его расписке о получении деталей, прочее.

Вполне вероятно, что в числе «прочего» могла оказаться и отсечка-отражатель, изобретенная Мосиным, так как никакого постановления о сохранении в тайне изобретений Мосина не было и в помине. Только 24 января 1891 года, когда вовсю шли конкурсные стрельбы и с винтовкой в деталях познакомились сотни людей, Исполнительная комиссия издала приказ, категорически запрещающий доступ посторонних лиц к осмотру и ознакомлению с трехлинейной винтовкой до тех пор, пока она окончательно не будет принята на вооружение.

Наган же, пользуясь попустительством своих высоких покровителей, совершенно распоясался и в мае месяце через русского военного агента в Брюсселе полковника Чичагова «попросил в виде любезности выслать ему для комплекта 300 ружей некоторые детали: затыльники, шомпола, антабки[20], винты и прочее». И он получил все требуемое! В сентябре, желая во что бы то ни стало подтолкнуть военное министерство к заключению контракта на поставку опытной партии винтовок, бельгиец писал Ванновскому:

«Ныне я имею возможность заявить вашему превосходительству, что труды наши пришли к желанному концу,

и я уверен, что те четыре ружья, которые я везу с собой, при осмотре и испытаниях вполне удовлетворят вашу комиссию. Считаю необходимым упомянуть, что в случае, если бы мы имели счастье видеть нашу систему принятой на вооружение вашим превосходительством, то время, потраченное нами на обзаведение новой механической частью, не будет для нас потеряно, так как все уже будет готово для дальнейшего производства оружия».

Коммерсант слегка поплакался, но весьма прозрачно намекнул на то, что он готов не только опытную партию сделать, но и взяться за крупный заказ на винтовки собственной конструкции. Далеко целился фабрикант из Льежа! Он, видимо, прознал, что Артиллерийское управление перед тем, как подписать с Наганом контракт, отправило своего представителя, капитана Н. Юрлова, в Европу для выяснения, получал ли Наган привилегии на свою винтовку, и если да, то в каких странах. Вскоре Юрлов доложил, что такие привилегии Наган получил во Франции, а это означало, что в случае размещения нашего заказа на французских заводах, бельгиец сорвет приличный куш.

Л. Нагану удалось-таки заключить выгодный контракт с артиллерийским управлением через генерала П. А. Крыжановского. 11 октября 1890 года Крыжановский подписал, а Ванновский утвердил документ, состоящий из следующих пунктов:

1.Каждое ружье должно было стоить не дороже 225 франков. В сумме это составило 67500 франков,или около 30000 рублей.

С. И. Мосин, бывший не только изобретателем, но и инженером-практиком, подсчитал, что все его опытные ружья обошлись казне в 18000 рублей. Таким образом, уже на стадии изготовления опытной партии всякому зрячему было видно, чья система дороже.

2.Наган обязался поставить ружья на испытания в следующие сроки: 30 штук к 30 ноября 1890 года,70 штук к 30 декабря того же года и всю партию к 30 марта 1891 года.

Таким образом, Л. Нагану было отпущено ни много ни мало, а девять месяцев на все работы. Мосин же первоначально был ограничен двумя месяцами, и только задержки производственного характера позволили ему сдать винтовки к 1 октября, то есть через пять месяцев после решения Комиссии по перевооружению. Нагану по каждому сроку давалась отсрочка в 15 дней, контракт считался нарушенным в трех случаях: если к 15 декабря не будут сданы первые 30 ружей, если к 14 января не будут сданы следующие 70 ружей и если к 28 марта не будут сданы все оставшиеся. Пункт 9 контракта прямо гласил:

«Во всех поименованных случаях нарушение сроков дает русскому правительству право отказаться от дальнейшего изготовления ружей на заводе г. Нагана и затем воспользоваться по своему усмотрению системой ружей».

На деле же этот пункт ничего не значил, ибо Нагану прощались все опоздания, какими бы смехотворными не были предлоги. В начале октября Чичагов доносил, что Наган запаздывает со сдачей пяти винтовок на дополнительные испытания; 23 ноября Л. П. Софиано от имени военного министерства запрашивал Нагана, когда же он начнет сдавать ружья на войсковые испытания, на что 5 декабря бельгиец ответил, что он готов бы это сделать, да мешают холода, а из-за них он может отправить ружья некрашеными и небронзированными. И таких отсрочек было много, тянулись они до начала 1891 года.

Между тем в контракте был пункт, чрезвычайно заманчивый для Нагана. Он формулировался так:

«Русское правительство со своей стороны обязуется, если ружья Леона Нагана будут приняты на вооружение русских войск, уплатить ему, Нагану, в виде премии двести тысяч рублей кредитных, после чего права пользования системой ружей Леона Нагана переходят к русскому правительству».

Таких денег никогда еще русское правительство не платило иностранным поставщикам новых систем оружия, и Нагану надо было, казалось, скрупулезно выполнять условия контракта, но он совершенно безбоязненно шел на его нарушения, крепко веря в своих покровителей и в силу денег. Льежский фабрикант, не уверенный в конструктивных возможностях своей системы, решил использовать все, оставшееся у него время, на то, чтобы тщательно отделать несколько десятков винтовок, свести к минимуму возможные задержки из-за несовершенства механизма и за счет чистоты и точности работ выиграть схватку с русским конструктором.

Контракт, заключенный Крыжановским, привлек пристальное внимание Главной распорядительной комиссии, далеко не все ее члены его одобрили. На заседании 5 декабря 1890 года опрометчивое обещание выплатить бельгийцу 200 тысяч рублей вызвало длительные прения. Многие члены Комиссии указывали на то, что даже в случае принятия нагановской винтовки на вооружение, в нее пришлось бы внести многие детали и узлы из системы Мосина. В этом случае выплата Нагану такой громадной премии вызывала еще более серьезные возражения. Члены комиссии предлагали начать новые переговоры с Наганом относительно выплаты ему только 75 тысяч. Однако министр

Ванновский, объясняя все высшими интересами государства, остался непреклонен.

Для приема нагановских винтовок в Льеж был командирован капитан Холодовский. Он вернулся в самом начале января 1891 года и попросил у военного министра аудиенции для доклада о результатах командировки. Министр назначил доверительную беседу у себя на квартире в субботу 12 января в 5 часов пополудни. Значит, Ванновский хотел сохранить в тайне содержание беседы?..

Время летело, словно пуля, выпущенная из современного ружья, мздоимливый министр и его ближайший сообщник искали свою выгоду. Наган, пронырливый коммерсант и способный конструктор, пытался любыми путями сосватать нашей армии свое красиво одетое, ухоженное, но не совсем здоровое дитя, а капитан Мосин, которому уже в пору было носить полковничьи погоны, продолжал кропотливо доводить до совершенства винтовку, давно ожидаемую русским солдатом. Осенью 1890 года Сергей Иванович разработал новую обойму с пластинчатой пружиной. В самом начале декабря Комиссия испытала ее, признала «заслуживающей особенного внимания» и высказала мнение, что ее следует хорошенько испытать, особенно в сравнении с обоймами Нагана и Захарова. Дуговые обоймы, предложенные капитаном Захаровым к винтовке Мосина, имевшей прямые прорези в ствольной коробке, своими выступающими ушками разбивали эти прорези. В результате, обоймы держались плохо, и это являлось причиной задержек в стрельбе. Кроме того, обоймы Захарова были четырехпатронными, и их вовсе предлагалось исключить из опытов. Но ни того, ни другого сделано не было, изобретению Мосина не дали хода. Только в 1898 году аналогичная обойма была введена в Германии для винтовки Маузера.

Сергей Иванович был готов к испытаниям, которые предполагалось начать в декабре, ибо он сдал все свои 300 магазинных винтовок. Были готовы и однозарядные ружья. Конструктора удручало только то, что в непонятной спешке сильно пострадало качество изделий, не всегда удовлетворительной была подгонка деталей, не все они были в должной степени отшлифованы и отполированы, крайне неудовлетворительной была калка деталей ударно-спускового механизма, бывало, что в суматохе отдельные части изготовлялись из металла непригодных марок.

Наган доставил в Россию винтовки, отделанные со всей доступной тогда точностью.

Глава 6. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ситуация перед испытаниями магазинных винтовок сложилась довольно необычная. Если с Мосиным все ясно, он был на тот момент самым способным и продуктивно работавшим русским изобретателем в области стрелкового оружия, то Наган… Ведь в самой Бельгии военные авторитеты признали нагановское ружье неудовлетворительным, ему отдали только третье место после Маузера и Манлихера. Бельгийские генералы выявили солидные преимущества Маузера в части устройства затвора, предохранителя, обоймы и удобства обращения с ружьями и приняли маузеровскую систему на вооружение своей армии. Ружье Нагана оказалось хуже по устройству ствола и патрона, в совокупности не давших хорошей меткости стрельбы. Русское же военное ведомство любезно предоставило бельгийцу самые выгодные условия для совершенствования своего изделия, вплоть до использования русских изобретений. Но самая большая собака была зарыта, конечно, в сроках поставок винтовок на испытания и в тех поблажках, которые предоставлялись Нагану военным министром. Нарушив контракт, наплевав на все строго оговоренные сроки, бельгийский негоциант привез первую партию своих винтовок на войсковые испытания только 8 января 1891 года и всего в количестве 70 штук.

В Ораниенбаум были доставлены также 300 ружей пачечной системы капитана Мосина, 150 ружей однозарядных с затвором Мосина и с коробкой Комиссии, 150 ружей однозарядных с затвором и коробкой Комиссии, 150 ружей однозарядных с затвором и коробкой Мосина и, кроме того, несколько ружей образца 1870 года. Хотя оружейный отдел еще в сентябре 1890 года выработал и представил в ГАУ программу испытаний, они не начались ни в октябре, ни в декабре того года. Тянуть с началом испытаний дальше было срамно, и потому Ванновский заставил Мосина соревноваться с четырехлинейной винтовкой и однозарядными ружьями его же конструкции, распорядившись 21 декабря начать пристрелку всех перечисленных систем. Надо же было как-то завуалировать беспардонное нарушение Наганом сроков. Поскольку пристреливаться бесконечно долго было бы смешным, министр дал команду провести сравнительные стрельбы на меткость из пристрелянных ружей трех отечественных систем, как будто в этом была нужда. Результаты порадовали Сергея Ивановича и насторожили его противников, так как магазинное ружье стреляло в три раза точнее четырехлинейного и обладало пробивной силой в пять раз

большей.

Для оказания Сергею Ивановичу технической помощи и устранения мелких поломок, для дополнительной отладки винтовок из Тулы в Ораниенбаум были командированы его лучшие друзья и помощники Николай Михайлович Овчинников, Михаил Федорович Акимов и Федор Алексеевич Ефимов. Необходимость в таких помощниках была самая жгучая, ибо Мосин прекрасно видел неполадки винтовок, непрочность отдельных деталей затвора, несовершенство подавателя патронов. Он отлично помнил просьбу Чагина устранить недостатки подавателя, но опять-таки из-за проклятой и ничем не обоснованной спешки завод до начала испытаний не сделал 30 ружей с новым механизмом подачи патронов. Сергею Ивановичу пришлось выслушивать немало горьких, но справедливых упреков со стороны генерала Ридигера, начальника Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы, горячего сторонника русской магазинной винтовки. Ведь именно он, Ридигер, принимая винтовки Нагана и Мосина, воочию видел существенную разницу в их отделке. Но делать нечего, надо было выполнять условия конкурса, а они были весьма и весьма насыщенными. Предполагалась одиночная стрельба на меткость из трех положений: стоя, лежа и без упора по разного роста мишеням на дистанции 200, 400 и 600 шагов. При этом предлагалось, что стрельба будет выполняться при разной погоде и при разной силе ветра. Можно было только догадываться, насколько могли затянуться испытания. Для выяснения степени усталости стрелков в зависимости от системы оружия предписывалось вести параллельные стрельбы из однозарядных и пачечных ружей по разным мишеням и из разных положений: с места лежа и стоя, а также с перебежками. Отдельно предусматривались стрельбы для выяснения качества патронов, действенности силы порохов разных марок, пригодности различных магазинов, пачек, патронных сумок и прочее. Поскольку винтовки могли быть использованы в штыковом бою, надо было выяснить, не разбалтываются ли части пачечного ружья после штыкового удара. Все без исключения сведения о результатах стрельб и мало-мальских поломках и задержках должны были заноситься в специально разработанные журналы.

Главное артиллерийское управление решило, что сравнительные стрельбы проведут лейб-гвардии Измайловский и Павловский полки, первый гвардейский стрелковый батальон и 147-й пехотный Самарский полк. При этом ГАУ обусловило, что от каждого полка будет выделена любая рота, но не первая по меткости стрельбы. Все опыты проводились на стрельбище

Ораниенбаума и на стрельбище гвардейского стрелкового батальона в Царском Селе. Для наблюдения за правильностью стрельб и правильностью ведения журналов назначалась комиссия под председательством одного из штаб-офицеров полка в составе командира роты и двух младших офицеров. В комиссию лейб-гвардии Измайловского полка вошли полковник Розен, капитан Фитингоф, поручики Давыдов и Петровский; лейб-гвардии Павловского полка — полковник Рудановский, капитан Завадский, поручик Отмарштейн и подпоручик Горязин; от гвардейского стрелкового батальона в комиссию вошли полковник Артемов, капитан Рогозин, поручик Веревкин, подпоручик Тишин; и, наконец, армейцы были представлены подполковником Мищенко, капитаном Краснописцевым, поручиком Демидовым и подпоручиком Криницким. Кроме того, в каждой роте находился и наблюдал за стрельбами один из членов Комиссии по перевооружению. Личный состав выделенных для испытательных стрельб рот должен был предварительно ознакомиться с винтовками, изучить их и провести пробные стрельбы лучшими стрелками на все конкурсные дистанции.

Опыты должны были дать ответы на следующие вопросы:

1.Какое из ружей трехлинейного калибра имеет преимущество: пачечной системы или однозарядное?

2.Если бы выгода осталась на стороне пачечного ружья, то какому из двух образцов, Мосина или Нагана, должно быть отдано предпочтение?

3.Какая из пачек признается лучшей: коробчатая или пластинчатая, и притом, четырех или пятипатронная?

4.В достаточной ли степени удовлетворяют своему назначению испытываемые сумки и которая из них лучше?

5.Нужно ли ввести накладку на ствол, предохраняющую руку от ожога или достаточно тех желобков,которые уже имеются на ложах испытываемых образцов?

В случае одобрения той или иной системы предлагалось высказать свои соображения по возможным изменениям или улучшениям в образцах. Но в первую очередь предстояло определить, чье пачечное ружье лучше: Нагана или Мосина. Это был главный вопрос. Военный министр, ознакомившись с предложениями Главного артиллерийского управления, наложил резолюцию.

«Общее руководство по испытанию трехлинейных винтовок возложить на инспектора стрелковой части в войсках генерала от инфантерии фон Нотбека, ближайшие распоряжения и наблюдения на начальника офицерской стрелковой школы генерал-майора Ридигера».

Резолюция датирована 22 декабря 1890 года.

Предварительные стрельбы однозначно и окончательно установили тот факт, что винтовка образца 1870 года неконкурентна. Опыты на точность показали, что старая винтовка на дистанции 200 шагов дает радиус рассеивания лучшей половины пуль, попавших в мишень, 14,5 см, а новая только 6 см, на дистанции 400 шагов — соответственно 23,5 и 8 см, на расстоянии же в 600 шагов из 20 пуль старой винтовки только 10 попали в мишень, новая дала радиус в 18 см. Да и в соревнованиях на пробивную способность винтовка Мосина победила безоговорочно, на расстоянии 50 шагов ее пули пробивали от 16 до 35-дюймовых досок, поставленных в трех дюймах одна от другой, пули старой винтовки пробивали не более восьми досок.

Соревнования двух конкурирующих магазинных образцов начались в первых числах января. В упражнениях на скорость стрельбы достаточно хорошо обученные стрелки смогли сделать примерно по 21 выстрелу в течение минуты из той и другой винтовки, менее обученные — по 18 выстрелов. Ровно шли винтовки и по числу залпов — от 16 до 18 в минуту.

Примерное равенство результатов сохранялось на протяжении всех опытов. Так, 17 января стреляли по ростовой фигуре на дистанции 200 шагов на меткость без фиксирования времени из винтовок С. И. Мосина. Всего сделано было 2088 выстрелов, попало в мишень 63,8% пуль, задержек выявлено И. 29 января такие же испытания прошла винтовка Л. Нагана и при том же количестве выстрелов дала 65,7% попаданий, 17 задержек и 14 треснувших гильз.

24 января обе системы подверглись испытаниям на скорость стрельбы со своими обоймами. Из винтовки Нагана произвели 4607 выстрелов, в две минуты удавалось выпустить в среднем по 26,5 пуль, всякого рода задержек и неисправностей обнаружено 97. Таким образом на 47 выстрелов приходилась одна задержка. Система Мосина показала скорость 30,4 пули в течение двух минут при точности стрельбы до 55%, всего выстрелов было сделано 15448, и на них пришлось 517 задержек. Так что у Мосина в этом упражнении соотношение задержек и выстрелов составило 1:30. О том, что обе конкурирующие винтовки были примерно равны по своим тактико-техническим возможностям, свидетельствует и тот факт, что для них характерны однородные недостатки. Но в мосинской винтовке в основном ломались выбрасыватели, спусковые пружины, вилки затвора, бойки ударника, имелись случаи пореза рук о кромку обоймы, сами обоймы были сделаны некачественно, отчего патроны туго

выходили из них. Плохо обработанный патронный вход снимал с гильз стружку, отчего заклинивало затвор. Причиной всему этому была спешка при изготовлении опытной партии, инспирированная военным министром. Но имел место и серьезный конструктивный недостаток — заклинивание патронов между отсечкой и стенкой ствольной коробки. Над его устранением Сергею Ивановичу еще предстояло поработать.

Немало нареканий вызывали и винтовки Нагана. Они имели также крупные недостатки, как чрезвычайно большое количество утыканий патронов в пенек ствола, самопроизвольное открывание крышки магазина, заклинивание затвора между отсечкой и ствольной коробкой. Если суммировать недостатки испытываемых винтовок, то выходило, что из-за плохого качества патронов случались полные или неполные осечки и затяжные выстрелы, остальные же задержки: свертывание курка, срыв выбрасывателя с гильзы, поломки зуба выбрасывателя, поломки спусковой пружины, различного рода заклинивание патронов, их тугое экстрактирование, упирание пули в пенек ствола, тугое открывание затвора и прочее целиком зависело или от качества конструкции оружия, или же от качества его отделки. Выходило так, что у винтовки Мосина было меньше конструктивных издержек, зато велико было число поломок по причине производственного брака. Система Нагана имела серьезные недостатки в конструкции, была много сложней, но зато тщательность отделки помогла ей выйти вперед по меньшему числу задержек и поломок. Для мосинской винтовки положение усугублялось еще и тем, что на полигон в январе не поступили те 30 экземпляров, в которых были устранены недостатки подавателя патронов, а, кроме того, экземпляры, ранее поступившие на испытания, были приспособлены под дуговую обойму системы капитана Захарова, которая себя не оправдала и которую впоследствии заменили обоймой, спроектированной Мосиным. Однако новые обоймы в старых прорезях ствольной коробки держались плохо, отчего происходил ряд неприятностей. Во всяком случае, за два месяца испытаний накопление задержек у Мосина было большим в общей сумме, чем у Нагана.

Кроме перечисленных, проводились стрельбы для выяснения влияния осалки патронов на количество дыма, получаемого при выстреле; для выяснения удобства заряжания винтовок в темноте, когда мишени освещались ракетами; стреляли по быстроисчезающим мишеням; испытывали ружья на прочность механизма при нанесении штыкового удара. Наконец, 7 марта испытывали влияние загрязнения на точность и надежность стрельбы. Суть опыта заключалась в том, что обе винтовки

подвешивали в ящике, наполненном строительным мусором, заколачивали крышку и подавали внутрь ящика воздух кузнечным мехом. После этого винтовки вынимали, протирали только сверху и стреляли из них. Обе системы все испытания технического порядка выдержали удовлетворительно.

9 марта Ораниенбаумский полигон почтил своим присутствием министр Ванновский. В тот день стрельбы велись особенно интенсивно. Винтовка Мосина держалась молодцом и ни в чем не уступала иностранке. Фактически 9 марта испытания были закончены.

Оставалась самая нелегкая задача: объективно подвести итоги и, рассмотрев результаты, определить победителя. Это труднейшее дело было возложено на специально созданную комиссию под председательством В. В. Нотбека, в которую вошли генералы Чагин, Давыдов, Ридигер, полковники фон дер Ховен, Кабаков, капитаны Петров, Погорецкий, Савостьянов и Юрлов, а также члены полковых комиссий, испытывавших обе магазинные винтовки. Таким образом, судьбу нового стрелкового оружия русской армии должны были определить 25 человек, все они имели по одному решающему голосу, а председатель, по традиции того времени, — два.

Вскоре после завершения опытов в комиссию начали поступать отчеты из полков. Измайловцы определенно высказались за пачечное ружье и за систему Нагана, добавив, что винтовка Мосина не может быть принята в том виде, в каком она была представлена на испытания. Ружье Нагана вполне можно было, по мнению измайловцев, принимать на вооружение даже без каких-либо дополнительных усовершенствований.

Комиссия Павловского полка также безоговорочно высказалась за пачечное ружье и отдала голоса Нагану, указав при этом, что у иностранной винтовки было меньше поломок. Что касается винтовки Мосина, то она привлекает своей простотой, но затвор, спусковой механизм и отсечка-отражатель сделаны слабыми. Павловцы сочли, что винтовка Мосина из-за большого количества поломок меньше внушает доверия, а бельгийская система вполне удовлетворяет предъявляемым требованиям.

Несколько удивили офицеры лейб-гвардии 1-го стрелкового батальона. Придерживаясь явно отсталых и консервативных взглядов, они высказались в поддержку однозарядного ружья, мотивируя свое решение тем, что магазинные ружья еще недостаточно проверены (как будто вся Европа еще не была ими вооружена) и что магазинки якобы не имеют в скорострельности явных пре— имуществ перед однозарядками. Оценивая обе системы пачечных ружей, комиссия первого батальона

положительно оценила винтовку Нагана из-за меньшего количества поломок, из-за большей прочности всех деталей и частей бельгийской системы, указав при этом, что пачечная система вообще должна заряжаться пятью патронами так же удобно, как и одним — однозарядная, и отличаться прочностью частей магазинного приспособления, чтобы солдаты быстро научились винтовку собирать и разбирать, чистить и стрелять из нее.

В общем, гвардейцы верно уловили главное обстоятельство испытаний: разное качество заводского исполнения винтовок обеих систем, но, не имея опыта полевой службы, они поддались внешнему блеску нагановского образца, не заметив важных преимуществ отечественной винтовки.

Наиболее квалифицированное заключение сделали армейцы Самарского полка. Отдав предпочтение пачечному ружью перед однозарядным, они отметили хорошую скорострельность и особенно простоту конструкции Мосина. Самарцы отметили в своем заключении, что люди, совершенно незнакомые с магазинными ружьями, овладели винтовкой Мосина в два занятия. Они верно оценили то обстоятельство, что из магазинных винтовок сподручнее вести эффективный огонь по быстроисчезающим мишеням, и точнее подметили, что обойма Мосина не была приспособлена к винтовке, отчего происходили случайные задержки в стрельбе. Определяя победителя, самарцы отдали предпочтение Нагану, указав при этом, что винтовка его отделана более тщательно. Три комиссии из четырех отметили, что даже в случае принятия винтовки Нагана на вооружение, ее нужно будет тщательно дорабатывать.

Итак, испытания закончились, войсковые комиссии сделали вполне определенные выводы и единогласно отвергли винтовку русского изобретателя.

Мосин почернел от волнений, от усталости, издергался сам и задергал своих помощников, стараясь своевременно устранять многочисленные поломки и на ходу совершенствовать не совсем удачные детали. Единодушные отрицательные оценки системы сильно огорчили Сергея Ивановича, но не выбили его из седла, а только заставили крепче сцепить зубы и продолжать нескончаемо трудную работу. Он ждал, что из Тулы вот-вот прибудут 30 усовершенствованных винтовок, которые наверняка окажутся лучше нагановских.

12 марта под председательством Нотбека были заслушаны доклады войсковых комиссий, на основании которых принимается решение рассмотреть недостатки винтовки Нагана, не вдаваясь в технические и конструктивные стороны ее

устройства, а также в экономические и производственные вопросы. Тщательно изучив все журналы испытаний, комиссия генерала Нотбека обнаружила семь серьезных недостатков в винтовке Нагана, которые обязательно надо было устранить. Ружья Мосина вообще не обсуждались до результатов дополнительных опытов над 30 усовершенствованными образцами. Когда же с тульского завода прислали новые ружья Мосина, комиссия постановила сделать по 2,5 тыс. выстрелов из 30 винтовок обеих систем, а дополнительные испытания начать 13 марта. Они продолжались всего шесть дней и с очевидностью показали, что мосинская система, представленная конструктивно улучшенными, значительно тщательней отделанными образцами, не только не уступает бельгийской, но и опережает ее по многим пунктам. Таким образом, 18 марта 1891 года закончились войсковые испытания русской и иностранной систем магазинного оружия.

Обсуждение результатов дополнительных опытов можно рассматривать как пример двух подходов к решению важнейших государственных вопросов. Один подход узколобый, основанный на личном интересе, а другой — широкий, ставящий во главу угла прежде всего объективную, всестороннюю, глубокую оценку того же факта, и прежде всего с учетом интересов Отечества.

19 марта комиссия Нотбека собралась в очередной раз, чтобы окончательно решить, какой системе пачечного ружья отдать предпочтение. Состав комиссии был тот же, что и 12 марта, за исключением двух человек, отсутствовавших по разным причинам. Кроме того, на заседание были приглашены крупные авторитеты в области вооружения, в том числе и генерал-лейтенант Владимир Львович Чебышев, служивший тогда профессором Михайловской академии. В журнале комиссии было отмечено, что вновь доставленные ружья Мосина соревновались с ружьями Нагана также последней доставки, которые он к тому времени привез в счет выполнения контракта. В данном случае бельгиец сыграл с собой злую шутку — он так затянул изготовление и сдачу опытной партии винтовок, что у него совершенно не оставалось времени для внесения собственных усовершенствований в систему. Доброхоты постоянно снабжали его сведениями обо всех изменениях в винтовке Мосина, Наган пытался их использовать, но не смог добиться кардинального улучшения всей системы в целом. Когда же на стрельбище в Ораниенбауме солдаты произвели по полторы тысячи выстрелов из обеих винтовок, то оказалось, что у Нагана, кроме неисправностей, замеченных на предыдущих испытаниях, а именно: упирание пули в пенек ствола и коробку магазина,

неправильная подача патронов из магазина, вывинчивание при стрельбе многочисленных винтов, обнаружилась и новая — различного рода и довольно многочисленные заклинивания патронов, которые сводили на нет все преимущества магазинной системы.

В винтовке Мосина нового поступления были изменены пазы, по которым обойма входила в ствольную коробку, зуб отсечки конструктор вынес несколько вперед против прежнего образца. Эти усовершенствования способствовали устранению почти всех задержек, связанных с подачей патронов. Мосин внес также верные поправки в конструкцию платформы подавателя, в ствольную коробку и затвор. После этих изменений русская винтовка преобразилась. Но из желания быстрей довести свое детище до совершенства Мосин ошибочно изменил очертания экстрактора и изменил ударник. Это привело к появлению новых, хотя и незначительных задержек в стрельбе.

Но, несмотря на то что ситуация коренным образом изменилась, многие члены комиссии Нотбека остались на прежних позициях, они все еще находились под магией имени Л. Нагана. Иные просто не могли себе представить, что какой-то провинциальный капитан, да еще выходец из крестьян, смог создать винтовку, превосходящую иностранную систему. Для них все иноземное было символом непревзойденного. Кое-кто из противников Мосина, наверное, состоял в интересе с Наганом и потому так рьяно отстаивал его пусть и неплохую, но все-таки не лучшую винтовку.

Заседание 19 марта было бурным, споры возникали по мельчайшим замечаниям, имевшим место во время стрельб, со всех сторон весьма пристрастно рассматривались достоинства и недостатки обеих систем. У сторонников Нагана все-таки больше было шансов, так как бельгийская винтовка, пусть всего на полшага, но опережала русскую по результатам, показанным на основных испытаниях. После того, как высказались все, председатель Нотбек пригласил господ генералов и офицеров голосовать.

В. Л. Чебышев, не состоявший членом Комиссии и не имевший голоса, напряженно ждал результатов, внимательно прислушиваясь к каждому мнению.

За систему капитана Мосина высказались генералы Нотбек и Давыдов, полковники Кабаков и Петров, капитан Погорецкий, поручик Измайловского полка Давыдов и все четыре члена войсковой комиссии Самарского полка. Итого — десять голосов плюс дополнительный голос председателя. Этого было недостаточно, ибо за систему Нагана проголосовали 14 членов

комиссии.

За Л. Нагана высказались Чагин и Ридигер, ранее поддерживавшие Мосина. Люди исключительно честные и объективные, они голосовали, исходя из результатов войсковых испытаний, опираясь на объективные данные журналов стрельб. Но оба генерала перед голосованием четко высказались в том смысле, что речь идет не о принятии винтовки Нагана на вооружение, ибо еще не выяснена экономическая и техническая сторона дела, которую необходимо тщательно обсудить с представителями оружейных заводов. Если винтовка Мосина окажется дешевле и проще в производстве, то тогда в нее надо будет внести изменения, ликвидирующие последние причины задержек, и принимать ее на вооружение.

Свое веское слово в защиту русской винтовки высказал и патриарх оружейного дела В. Л. Чебышев. Он выразил категорическое несогласие с итогами голосования, заявив, во-первых, что принятое решение приведет к тому, что русская армия получит несовершенную, далеко не лучшую в Европе винтовку, во-вторых, все дело перевооружения армии обойдется значительно дороже того, если бы комиссия приняла винтовку Мосина. В. Л. Чебышев изложил свое особое мнение в письменной форме и заявил, что если оно не будет принято во внимание, то он доложит его самому императору. Старый профессор, тонко понимавший суть и историю спора между Мосиным и Наганом, ухватился за основную нить — правильность выбора конструкции магазина, точнее говоря, надежность конструкции магазина. Вот что он писал: «Если подсчитать, сколько получилось всех задержек в действиях магазинов, то окажется, что их было: при стрельбе из системы капитана Мосина (217) втрое меньше, чем из системы Нагана (557). Принимая во внимание, что это преимущество оказалось, несмотря на то, что представленные капитаном Мосиным на опыты ружья и обоймы изготовлены были при условиях крайне неблагоприятных и, вследствие того, очень неточно, ружья же и пачки Нагана, напротив того, оказались изготовлены изумительно точно, я не могу согласиться с заключением, что обе испытанные системы одинаково хороши. По моему мнению, ввиду изложенных обстоятельств система капитана Мосина имеет громадное преимущество перед системой Нагана».

Доводы Владимира Львовича возымели действие не только на колеблющихся, но и на самого министра Ванновского. Стараясь застраховать себя от неожиданностей, министр распорядился собрать экстренное заседание оружейного отдела Артиллерийского комитета. Генерал Нотбек на этом заседании

заявил, что войсковые комиссии не имели полномочий решать окончательно вопрос о выборе той или иной системы, а могли только определить наилучшие боевые качества однозарядных или пачечных ружей. Теперь же оружейному отделу предстояло высказать свое мнение по техническим вопросам. Вновь началось детальнейшее обсуждение не только конструктивных и тактико-технических достоинств систем, но и их выгодность в производстве. В конце концов было решено, что пачечные ружья обеих систем действовали на опытах вполне удовлетворительно, и в этом отношении трудно отдать предпочтение какой-либо системе. Но ружье иностранца Нагана сравнительно с такими же ружьями капитана Мосина представляет собой «механизм более сложный для выделки и самая стоимость каждого экземпляра ружья несомненно увеличится».

Тут последнее и веское слово в пользу мосинской магазинки сказали Чагин и Ридигер. С учетом мнения оружейного отдела они проголосовали за русскую винтовку, в результате 20 марта голоса распределились 13 на 12 в пользу Мосина. Против русской винтовки голосовали ван дер Ховен, фон Розен, фон Фитингоф, Отмарштейн, Юрлов, Рудановский, Криницкий и другие. С мнением оружейного отдела Артиллерийского комитета полностью согласился генерал Л. П. Софиано, а военный министр наложил на решение Комиссии В. В. Нотбека следующую резолюцию:

«Согласен и я, но решение сего важного вопроса зависит от благоусмотрения государя императора».

Глава 7. МИЛОСТЬ ИМПЕРАТОРА

В Петербурге С. И. Мосин постепенно становится помехой высокопоставленным мошенникам в их стремлении во что бы то ни стало угодить Нагану. Желая избавиться от Сергея Ивановича, генерал Крыжановский 30 марта предписал ему «по исполнению возложенных на него поручений отбыть обратно к месту своего служения». После экстренного заседания Комиссии Нотбека новую русскую винтовку одобрили все столпы оружейного дела, о ней прознали за границей, и кое-где уже готовили гонцов на переговоры с изобретателем. Но русское министерство почему-то медлило и только 29 марта разрешилось следующим выводом: представленное ружье может служить руководством для изготовления на Императорском Тульском оружейном заводе справочных ружей. Но не преминуло застенчиво добавить — при условии, что пачечное ружье капитана Мосина удостоится высочайшего одобрения!

В тот день выстраданная восьмилетними неустанными трудами винтовка в последний раз названа именем автора, так как 30 марта военный министр Банковский, несомненно имевший какие-то обязательства перед Наганом, наложил в журнале оружейного дела Артиллерийского комитета нелепую, до крайности несправедливую резолюцию:

«В изготовленнном новом образце имеются части, предложенные полковником Роговцевым, Комиссией генерала Чагина, капитаном Мосиным и оружейником Наганом, так что целесообразно дать выработанному образцу наименование: русская трехлинейная винтовка образца 1891 года».

И Мосина, истинного изобретателя новейшего ружья, записал министр третьим по счету в этом перечне имен. Хорошо еще, что не после Нагана!

Сергей Иванович, накопивший громадный изобретательский опыт, отчетливо понимал, что его винтовка, как и всякий вновь созданный и принятый на вооружение образец, нуждается в дошлифовке мельчайших конструктивных царапинок в период подготовки к производству. Он вполне бы справился самостоятельно с этим нехитрым делом. Но зачем Ванновский подключил к его, Мосина, работе столько человек?

А случилось так, что 30 марта господин военный министр торжественно сообщил Главному артиллерийскому управлению, что сам государь-император, до крайности заинтересованный в скорейшем принятии магазинной винтовки, изволит самолично присутствовать на сравнительных стрельбах трех испытываемых

ружей: двух магазинных и однозарядного.

Смотр имел место 6 апреля в 3 часа дня на Гатчинском военном поле. По сути дела это был третий акт изнурительной пьесы, действующими лицами которой были не только люди, но и вещи. Получалось так, что высшие должностные лица искали малейшую возможность, чтобы предоставить новые шансы на победу бельгийскому конструктору. Иначе нельзя расценивать действия Ванновского, подсказавшего Александру III весьма ценную мысль относительно стрельб в Гатчине.

Стрелковое действо в высочайшем присутствии шло по заранее составленной программе, и в нем участвовали те же роты Измайловского, Павловского и Самарского полков, а также гвардейцы-консерваторы первого стрелкового его величества батальона.

Опыты не отличались особым разнообразием: стрельба залпами в течение одной и полутора минут, учащенный огонь в тех же интервалах, сравнительная стрельба для определения проникновения пуль в пакет из 40-дюймовых досок, стрельба на меткость со станка на 400 шагов. В общем-то, испытания в определенной степени были театрализованы.

6 апреля все роты переехали в Гатчину, где заранее близ вокзала выбрали место и где император вместе с супругой и сыном Михаилом наблюдал за стрельбами. Комментарии давал министр Ванновский. А результат был таков, что вопрос об окончательном выборе винтовки все-таки не разрешился! Оружейный отдел признал необходимым устранить те недостатки, что были обнаружены в ходе войсковых испытаний, и генералу Нотбеку ничего не оставалось делать, как выполнить указание и привлечь к спешной работе полковника Кабакова, генерала Давыдова, а также срочно вызвать из Тулы начальника мастерской оружейного завода штабс-капитана А. К. Залюбовского. Сергей Иванович искренне обрадовался приезду старого товарища по службе.

Мосин, несмотря на все огорчения, трудился самозабвенно, предлагая одно оригинальное техническое решение за другим. Несколько дней шла напряженная творческая работа, и общими усилиями было существенно изменено устройство спускового механизма, для хвоста отсечки-отражателя был сделан паз с левой стороны ствольной коробки, кроме того, конструкторы переделали пазы под обоймы, причем на двух винтовках они были приспособлены под коробчатую обойму Нагана, а на одной под пластинчатую обойму Мосина. Из окончательно отработанных винтовок сделали по сотне выстрелов в тире поверочной комиссии Петербургского патронного завода, а затем

еще по 500 выстрелов в Ораниенбауме. Последняя стрельба производилась на скорость. Винтовки Мосина и Нагана показали одинаковую скорострельность.

Магазинный механизм русской винтовки исправно действовал даже в том случае, когда специально вынимали винт отсечки-отражателя.

9 апреля полковник Кабаков (опять странная прихоть! — не Мосин, а Кабаков) доложил обо всех изменениях и результатах. В последующие несколько дней на Ораниенбаумском стрельбище состоялись четвертые испытательные стрельбы, на этот раз только из винтовок Мосина в присутствии автора системы. Было сделано от одной до трех с половиной тысяч выстрелов практически без задержек!

Так закончились мучения для винтовки, но не для ее создателя. Решающее слово осталось за Александром III. Император не стал вникать во все обстоятельства соперничества русского и бельгийского изобретателей, во всем положившись на своего военного министра.

13 апреля Ванновский предоставил Александру III доклад «Об утверждении образца пачечного трехлинейного ружья, предложенного капитаном Мосиным». Министр не мог полностью игнорировать объективные данные последних испытаний, а потому написал, что «система, предложенная капитаном Мосиным, заслуживает во многих отношениях предпочтения перед системой иностранца Нагана, как по более простому устройству и дешевизне валового изготовления, так и по тому, что с принятием ее на вооружение наши заводы скорее могут приступить к валовому изготовлению ружей». Но, отметив высокие качества русской системы, Ванновский не пожелал по достоинству оценить труд изобретателя, оставив не просто лазейку, но огромную дыру для пронырливого Нагана. В заключительном разделе своего доклада он «нижайше» предложил императору:

«Благоугодно ли будет образец пачечного ружья, представленного капитаном Мосиным и усовершенствованного по указанию оружейного отдела, всемилостивейше утвердить, наименовав „Русская винтовка образца 1891 года“, так как в окончательной разработке этой винтовки участвовал не один капитан Мосин».

Император, хорошо запомнив имя бельгийского оружейника, пошел дальше своего министра, он вычеркнул из предложенного наименования слово «русская». В приказе по военному ведомству от 22 мая 1891 года было объявлено:

«Государь император в 16 день прошлого апреля месяца

высочайше соизволили утвердить испытанный образец новой пачечной винтовки уменьшенного калибра и патрон к ней, а также и пачечной обоймы к патронам и высочайше повелеть соизволил именовать винтовку эту „3-линейною винтовкой образца 1891 года“. Вместе с тем его императорскому величеству благоугодно было предоставить делать в означенном образце те детальные изменения, какие, по ходу валовой разработки на оружейных заводах, окажутся необходимыми, но не иначе, как с моего (военного министра) разрешения. Об изложенном объявляю по военному ведомству для сведения и должного, до кого касается, исполнения».

Таким образом, утратив имя своего создателя волею русского императора, новая винтовка стала не только безымянною, но и перестала быть русской.

Однако Сергей Иванович продолжал бороться за свое авторство. В нем говорило не только личное честолюбие, оскорбленное достоинство изобретателя, но и горечь за незаслуженное умаление роли отечественной техники, силы и талантливости русских конструкторов. Мосин продолжал борьбу против тех, кто хотел отбросить нашу науку и технику на задворки европейской промышленности. Ведь объективное сравнение того, как и когда Мосин и Наган проектировали усовершенствования к своим винтовкам, говорит о том, что не Мосин у Нагана, а Наган у Мосина заимствовал все основные устройства. Так, бельгиец ввел свою отсечку и отражатель после Мосина. Ему удалось использовать только идею, конструктивно же это приспособление у Нагана крайне несовершенно. Он сделал его в виде пластины, заменяющей часть магазинной коробки. Пластина эта отклоняется зубом, устроенным непосредственно на затворе, а в исходное положение возвращается отдельной пружиной. Вся конструкция имела увеличенные габариты, Нагану не удалось использовать отсечку как отражатель, из-за чего ему пришлось вводить отдельный отражатель. В результате, число деталей выросло до пяти против двух в мосинской отсечке-отражателе. Живучесть затвора нагановской винтовки была значительно ниже мосинского, так как быстро изнашивался зуб, отклонявший отсечку.

Затвор винтовки Нагана по устройству ряда деталей напоминает затвор винтовки Мосина образца 1886 года. Особенно поражает сходство курка. Наган на основе мосинского затвора ввел отдельную боевую личинку с двумя упорами. Но если в затворе Мосина личинка соединяется со стеблем с помощью соска, то Наган сделал ее в виде детали с винтовой нарезкой, которая также закрепляется с помощью винта. Это

значительно ухудшило конструкцию. Предохранитель флажкового типа Наган также ввел только после того, как познакомился с аналогичной конструкцией Мосина. Даже в устройстве рукояти стебля затвора Наган стремился подражать Мосину.

В магазинном механизме нагановской винтовки много неудачных конструкторских решений. Так, защелка крышки магазина помещалась на спусковой скобе, что могло привести к случайному открыванию магазина и выпаданию патронов. Подающий механизм при разборке также распадался на отдельные части, которые легко можно было утерять. Более сложный магазинный и спусковой механизм, несовершенный затвор и сложная по конфигурации ствольная коробка делали винтовку Нагана менее технологичной и, следовательно, более дорогой в производстве, нежели винтовка Мосина.

Но, несмотря на очевидное, военный министр с присными больше считались с мнением иностранца, нежели своего изобретателя. Сергею Ивановичу не раз приходила в голову мысль, что он далеко не первый в ряду тех, чьи изобретения не нашли признания в Отечестве. Взять хотя бы его однокашника Александра Лодыгина, о мытарствах которого он был наслышан, или того же Павла Яблочкова, изобретателя электрической лампочки. А братья Черепановы, а Ползунов, а Кулибин? Сколько их было на Руси, подвижников и страдальцев за дело процветания Отчизны? И почему в высших правящих сферах так настойчиво поддерживается недостойная теорийка относительно того, что русские ученые и изобретатели только повторяют, заимствуют европейские открытия? Ретрограды и русофобы неправы, и тому подтверждение — его, Мосина, пример. В свое время именно русское изобретение стремилась купить фирма «Рихтер», нынче же, еще до того, как закончились испытания, удочку стали забрасывать американцы, пронюхавшие о новой русской винтовке. 6 апреля Генри Аллен прислал Сергею Ивановичу письмо, в котором сообщал:

«Вам, без сомнения, известно, что наше правительство занято в настоящее время выбором оружия. Если бы вы могли, сообразуясь с отношениями к вашему правительству и с его согласия, послать в Америку образец вашего ружья, то это могло бы оказаться очень выгодно обоим: вам и вашему правительству. Если на ваше ружье до сих пор не взято еще привилегии в Соединенных Штатах, то, естественно, прежде всего это нужно сделать, чтобы оградить ваши интересы. Я, конечно, делаю вышеупомянутое предложение, не зная, насколько вы свободны, чтобы предоставить ваше изобретение дружественному

государству. Я беру на себя ответственность за все могущие быть расходы. Я не буду ничего предпринимать без полного согласия вашего правительства…»

Тароватый коммивояжер давал солидные гарантии, но американцы не знали С. И. Мосина. Он был истинно русским патриотом, и этим сказано все.

Но кто же все-таки первым поставил вопрос о заимствованиях Мосина у Нагана? Оказывается, бельгиец еще 8 марта 1891 года имел конфиденциальный разговор с Крыжановским и при этом проявил весьма подозрительную осведомленность, заранее подготовив целый список деталей и целых механизмов, на которые требовал привилегий на тот случай, «если в нашем (подчеркнуто мной. — Г. Ч.) будущем трехлинейном ружье будут выполнены эти части или их сочетания». А от Крыжановского ниточка тянется к Ванновскому, и становится понятным, почему они так старательно топили Мосина. Видно, Наган не был уже уверен, что его винтовка победит в конкурсе, и готовил, рыхлил почву для получения вознаграждения, предусмотренного контрактом. Вольно или невольно, но бельгийцу большую помощь оказала комиссия для выработки малокалиберного ружья. Вместо того, чтобы принять сторону своего изобретателя, комиссия стала обсуждать навязанный ей министром вопрос о том, «в какой мере основательны или неверны претензии, заявленные Наганом?» Отвергнув ряд претензий, комиссия все же решила, что Мосин заимствовал у бельгийца подаватель патронов, помещение подавателя патронов на дверце магазина и открытие дверцы магазина вниз, а также способ наполнения магазина опусканием патронов из пачки пальцем и, следовательно, пазы в ствольной коробке. Сам генерал Чагин и члены его комиссии не брали под сомнение оригинальность мосинской винтовки, но их мнение по поводу заимствований сыграло на руку Ванновскому и подготовило появление печально знаменитой резолюции от 30 марта. Надуманная щепетильность комиссии оказала скверную услугу и русской технике, и самому Мосину.

Ровно через месяц после утверждения образца Сергей Иванович подал обширную докладную записку инспектору оружейных заводов. В ней он перечислил «все, сделанное в устройстве ружья образца девяносто первого года»,и просил заключения артиллерийского комитета, которое «могло бы послужить основанием для ограждения прав конструктора путем привилегий». Мосин со свойственной ему четкостью и краткостью писал:

«Бесспорно принадлежит мне право привилегии на следующие части: скомбинирование всего запирающего

механизма, то есть устройство его в том виде, в котором он мною предложен и через это имеет характерное свое отличие — отсутствие винтов и возможность сборки и разборки без отвертки, что случилось вследствие особого устройства боевой личинки, затвора, экстрактора, ударника и замочной трубки; отсечка, ее устройство и назначение, предложенная мною на пять с половиной месяцев раньше иностранца Нагана; запорка магазинной крышки».

Однако Сергей Иванович, незнакомый с подробностями письма Нагана к Крыжановскому, не знал, что вконец обнаглевший фабрикант, предъявил свои права даже на отсечку-отражатель. Нахальство бельгийца действительно не имело границ, ведь ему еще в марте 1890 года давали под расписку важные винтовочные детали, и он обязался все детали сохранить втайне и вернуть их в Россию. Но Нагану тогда всего казалось мало, ибо в мае того же года он просил через полковника Чичагова выслать ему «в виде любезности» части прибора на его винтовку.

А в сентябре 1890 года бельгиец, пытаясь ввести в заблуждение русское военное ведомство относительно действительного срока поставки опытных винтовок и выдавая желаемое за действительное, писал министру Ванновскому, что выделка их подходит к концу. Открытые притязания Нагана на дальнейшее изготовление уже штатных винтовок, весьма доверительные отношения с русским военным министром оказали существенное влияние на окончательное решение Ванновского исключить имя Мосина из названия нового оружия. Готовя приказ по военному ведомству о состоявшемся утверждении образца «новой пачечной винтовки и патрона к ней», он увидел в первоначальном тексте фразу: «образец, предложенный гвардейской артиллерии капитаном Мосиным». Рассерженный такой вольностью подчиненных, министр вычеркнул эту фразу, написав на полях приказ для писаря: «Исправить!» Как эти действия Ванновского расходятся с теми обещаниями всячески помогать Мосину и даже молиться за него «московским угодникам», которые он давал во время посещения оружейного завода!

Сергей Иванович, твердо решивший отстаивать свои права, в докладной записке пункт за пунктом разбивал домыслы и малообоснованные претензии Нагана. К примеру, комиссия по перевооружению поддержала утверждения Нагана, будто ему принадлежит устройство подавателя на дверце магазина и открывание дверцы вниз. Сергей Иванович убедительно доказывает, что подаватель его собственной конструкции

оригинален, ибо отличается от бельгийского тем, что устройство верхней платформы путем комбинирования подавателя с дверцей, дает возможность отнимать весь подающий механизм от магазинной коробки. Однако комиссия, принимая во внимание только то обстоятельство, что идею первым применил Наган, и не обращая внимание на ее дальнейшую интерпретацию Мосиным, поддержала притязания Нагана.

Один пункт нагановского письма был просто смешон. Бельгиец обвинял русского изобретателя в том, что он заимствовал у него способ наполнения магазина путем выталкивания патронов из пачки при помощи пальца. Мосину в пору было брать привилегию на использование большого пальца, оставив Нагану указательный. Но Сергею Ивановичу было не до шуток, так как Наган утверждал, что коль он родил идею относительно использования пальца для наполнения магазина, то ему же принадлежит и устройство пазов в ствольной коробке. Это было форменным бесстыдством, потому что идея патронной пачки и пазов для нее родилась задолго до господина Нагана и хорошо была известна оружейникам всех стран.

Поскольку Наган претендовал едва ли не на всю винтовку, созданную Мосиным, то Сергей Иванович, подходя к вопросу объективно, писал:

«Я имею права не на идею, а на самое устройство и на скомбинирование следующих частей: магазинная коробка в том виде, в котором она устроена в утвержденном ружье, и способ ее скрепления с ложей и ствольной коробкой; помещение антабки; устройство планки на шейке ложи, сделанное мною намного раньше Нагана; скомбинирование ствольной коробки со стволом, ложей и магазином и скомбинирование всей ложи со всеми частями ружья».

Перед тем, как подать записку по принадлежности, Мосин многократно проверял ее, показывал близким друзьям, но не нашел в ней ни одного изъяна. Тульский конструктор действительно изобрел оригинальную, конструктивно законченную винтовку. Но Артиллерийский комитет, крепко взнузданный военным министром через своего ставленника Крыжановского, не поддержал русского оружейника и в его лице честь отечественной науки и техники, он продолжал настаивать на том, что Мосин заимствовал идеи и части винтовки у Нагана, напрочь отметал всякую мысль о возможности использования опыта предшественников русским изобретателем, но позволял делать это иностранцу.

Хуже того, 28 мая 1891 года Артиллерийский комитет уже по собственной инициативе приписал к так называемым

«заимствованиям» у Нагана еще одно — обойму! А ведь у Мосина была обойма собственной конструкции, которая прошла испытания, показала себя не хуже нагановской, ее оставалось только довести «до ума» в условиях валового производства. Однако министр Ванновский самолично распорядился использовать обойму Нагана, значит, он, министр, ее и заимствовал.

Но мог ли скромный капитан на равных бороться с генерал-адъютантом? Хорошо еще, что комиссия по перевооружению с полной определенностью признала, что «устранение одновременной подачи двух патронов посредством изолирования второго патрона отсечкой предложено Мосиным на пять с половиной месяцев раньше, чем это сделано впоследствии Наганом»!

Зато Артиллерийский комитет подтвердил, что Мосин заимствовал идею помещения подавателя на дверце магазина, способ наполнения патронов и обойму — не мог комитет не потрафить военному министру.

К частям, выработанным самим Мосиным, были отнесены: планка запирающего механизма, устройство предохранительного взвода, затвор целиком и комбинирование его частей между собой, идея отсечки-отражателя и ее исполнение, защелка магазинной крышки, способ соединения подавателя с крышкой и помещение антабки на шарнирном болту. Кроме того, оружейный отдел отметил, что Мосин изменил магазинную коробку, сделав ее легче и дешевле. Далее чиновники от артиллерии добавили, что все остальные части, не поименованные в приведенном перечне, не принадлежат Мосину, так как выработаны полковником Кабаковым и другими членами комиссии по перевооружению при участии капитана Мосина. Таким образом, главного изобретателя тихой сапой перевели в соавторы!

С решением Артиллерийского комитета Сергей Иванович не смирился, он подготовил новую записку, в которой еще более настойчиво протестовал против несправедливости. Изобретатель с горечью писал:

«Я, правда, привилегий не имею, но никак нельзя придавать значение, умаляющее мою работу по устройству и скомбинированию всего ружья. Раз если уж оружейный отдел признал, что запирающий механизм построен мною, то само собой следует, что и ствольная коробка, которая есть как бы футляр для запирающего механизма, может быть построена только мною. То же самое я должен сказать и о наружных очертаниях и о всех прорезях этой коробки. Так как отсечка-отражатель и магазин по отдельности признаны построенными

мною, то, следовательно, и соединение их с коробкой произведено мною. Проектируя ствольную коробку и магазин, я должен был иметь в виду и устройство ложи, то есть должен был придать такое очертание коробке и магазину, чтобы, врезая их в ложу, не ослабить ее излишними вырезами. А потому постройка ложи и скомбинирование ее с частями ружья принадлежит мне, а также в ней длина и изгиб приклада даны мной. Комиссия по выработке образца признала мою ложу за самую удобную для вскидки ружья при скорой стрельбе. Я считаю, что достаточно всего изложенного, чтобы составить убеждение, что раз главные части построены мною, то и скомбинирование всего ружья принадлежит мне!»

Аргументов у Сергея Ивановича было так много, и они были столь убедительными и неотразимыми, что его пребывание в Петербурге становилось весьма неприятным для Ванновского и Крыжановского. Вот тогда-то помощник начальника Главного артиллерийского управления и отдал капитану Мосину категорический приказ вернуться к месту своего постоянного служения…

Изобретателя грубо вытолкали из столицы, не дав ему дождаться решения вопроса о привилегиях. Сергей Иванович, до крайности взвинченный бесцеремонностью генерала Крыжановского, подал рапорт о выдаче ему одного экземпляра ружья для представления на соискание Большой Михайловской премии и выписок о признании за ним прав на его части винтовки и выехал в Тулу. Кончался май 1891 года.

И все же настойчивая борьба Сергея Ивановича привела хоть и к частичному, но успеху: 2 июля 1891 года исполнительная комиссия признала, что главные существенные части винтовки образца 1891 года выработаны исключительно капитаном Мосиным, и предоставила ему привилегии «для устранения возможности воспользоваться какому-либо лицу изобретением этого офицера». Военный министр вынужден был утвердить решение комиссии, но добавил в своей резолюции, что для русского правительства запрещения не будет существовать ни в России, ни за границей. Ванновский знал Мосина еще хуже, чем американский атташе Г. Аллен — Сергей Иванович никогда не действовал и не собирался действовать во вред России; он отказался от привилегий, ибо не намеревался продавать свое изобретение за рубеж, не стремился к обогащению в ущерб Отечеству!

Тем временем военный министр долго и тщательно готовил всеподданнейший доклад императору и при этом заметно волновался, так как необходимо было безукоризненно обосновать

правомочность выплаты фабриканту Нагану 200 тысяч рублей вознаграждения. Ванновский почти наверняка знал, что император не испытывает неприязни к иностранцу, но очень уж была велика сумма гонорара за конструкцию, не принятую на вооружение. Петру Семеновичу еще памятно было то заседание Распорядительной комиссии 5 декабря 1890 года, когда он сообщил ее членам, что бельгиец получит по контракту столь солидную премию. Большинство сочло, что Наган должен удовлетвориться 75 тысячами. А иные из членов комиссии тогда откровенно недоумевали, почему это заранее, еще до испытания министр отдает явное предпочтение винтовке Нагана?

Пришлось Петру Семеновичу давать особо доверительное задание капитану Холодовскому. Этот сообразительный капитан многое поведал министру. Наган, к примеру, трижды встречался с русским военным агентом Чичаговым в Брюсселе и всякий раз поднимал вопрос о вознаграждении. Чичагов, хорошо знавший истинную цену обеих винтовок, настаивал на том, что бельгийцу не может быть выплачено больше 50 тысяч. Настырный фабрикант упорно твердил о 200 тысячах и при этом заявлял, что даже при использовании второстепенных деталей, ему принадлежащих, он согласится на премию, не меньшую, чем 75 тысяч. И при этом он скромнейше лгал, будто прибыль получит самую минимальную.

Полковник же Чичагов, бывший по мнению министра прямолинейным солдафоном, не понимавшим всех тонкостей дела, доносил потом из Брюсселя, что «для Нагана главное получить, если его система будет принята, запрошенную сумму. При этом он готов поступиться авторским самолюбием и не настаивать на том, чтобы ружье носило его имя. Он сам предложил дать новой системе наименование „комиссионного ружья образца 1890 года“. А денежный вопрос фабрикант ставит на первый план».

Отсюда выходит, что именно бельгиец подбросил военному министру дурно пахнувшую, но полезную в задуманном ими деле идейку относительно названия ружья. Замысел был коварный, ибо в случае его осуществления фабрикант имел бы право утверждать, что в основу образца положена именно его конструкция. Наган был хитер, как Уллис! Но не в меру болтлив — он напрасно говорил Чичагову о своей полной уверенности, будто министр оценит по достоинству его предложение и убедится, что нельзя ограничиваться вознаграждением в 50 тысяч. От этого Ванновский еще ниже пал в глазах потомков.

Император принял Ванновского 7 июля 1891 года, и тот посвятил его в подробности контракта с Наганом.

Министр счел необходимым также уточнить, что в случае принятия системы Нагана, пришлось бы менять некоторые части по системе Мосина. Не принимая же системы Нагана в целом, было признано целесообразным взять у него самое существенное, а именно — обойму, ничтоже сумняшеся заявил Ванновский. Александр III выразил сомнение в целесообразности выплаты 200 тысяч за такую малость, как обойма. Тогда Ванновский заявил, что если Нагану будет выплачено вознаграждение по контракту, то он откажется от своих претензий на винтовку вообще, и у России будет возможность заказать полмиллиона штук во Франции, ибо потеряют силу привилегии, полученные Наганом в этой стране.

Император оставил доклад у себя для более детального ознакомления и размышления, а на следующий день подписал рескрипт: «Выдать оружейному мастеру Леону Нагану 200 тысяч рублей за предложенное им для нашей армии ружье». Вот так, ни много ни мало, а за предложенное русской армии, но не принятое на вооружение ружье!

Наган, боявшийся, как бы государь не одумался, буквально забросал Артиллерийское управление телеграммами с требованием срочно перевести деньги на его имя. А когда сумма была депонирована в Петербургском учетном банке, бельгиец, только что уступивший России все права на винтовку, обратился к русскому правительству с просьбой разрешить поставку ее Греции, Сербии, Болгарии и далекой Бразилии. Тут уж даже видавший виды Ванновский поразился такой бесцеремонности и дал давнему другу отказ.

Негоциант из Льежа, довольный удачно провернутой операцией в России, поспешил послать благодарственное письмо своим благодетелям. Он писал 8 июля Банковскому:

«Я не могу более медлить в выражении вам моей глубочайшей признательности за оказание мне чести принятия магазинного ружья моей системы для перевооружения в России, а также за великодушное присуждение мне премии».

А через три дня бельгиец довольно откровенно извещал Крыжановского:

«Лишь только узнал, что система моего ружья официально принята для нового перевооружения в России. Я не могу далее медлить в выражении моей признательности за приятные известия и все то, что вы пожелали для меня сделать во все продолжение опытов, так и в отношении премии. Я никогда не забуду той приветливости, с которой вы меня приняли, а также снисходительности, которую вы мне оказывали по отношению опозданий, независимых от меня, задержавших поставку оружия

и доставлявших вам неприятности…»

…Сергей Иванович не знал и не ведал о тонкостях сделки Нагана с генералами, он продолжал служить на тульском заводе в должности председателя приемной комиссии. Правительство, озабоченное расчетами с бельгийцем, забыло о нем. Но пришла пора произвести Мосина в очередной чин — все-таки неловко было ему, известному на весь мир изобретателю, 11 лет ходить в капитанах. В начале августа 1891 года мундир Сергея Ивановича украсили эполеты полковника гвардейской артиллерии. А вскоре неугомонный В. Л. Чебышев потребовал от исполнительной комиссии испросить у императора награду для изобретателя: премию в 50 тысяч рублей и орден святого Владимира III степени. Генерал Крыжановский на правах помощника начальника Главного артиллерийского управления потребовал для ознакомления черновик доклада. Просмотрев его, он распорядился переделать написанное и пометил: «Дать еще раз на прочтение».

Являя себя вышестоящему начальству верным сохранителем казны, Крыжановский, прочитав новый вариант доклада, распорядился выяснить, «что стали ружья Мосина и Нагана?» Считали долго и тщательно, высчитывали каждую полушку со всей скрупулезностью, члены исполнительной комиссии старались обосновать необходимость денежного поощрения полковника Мосина. Только 21 августа доклад попал на стол военного министра. Комиссия в который уже раз аргументированно доказала, что ружье Мосина дешевле нагановского в силу простоты устройства, из-за чего наши заводы на производстве одной винтовки Мосина сэкономят от двух до трех рублей против винтовки Нагана, а всего до шести миллионов рублей только на первых двух миллионах ружей. Наконец, было указано, что полковник Мосин спроектировал еще и однозарядное ружье, оказавшееся лучшим, чем все другие аналогичные системы. Комиссия признавала справедливым наградить тульского изобретателя орденом и выдать ему премию в 50 тысяч рублей. Но генерал-адъютанта Ванновского не просто было взять голыми руками, он был так явно настроен против поощрения трудов Сергея Ивановича, что отказался одобрить мнение Комиссии, отложил свое решение до заседания Военного совета, наложив резолюцию на доклад: «Представить на усмотрение Военного совета без моего одобрения, ибо в совете я выскажусь». Министр извивался, словно налим, используя все свое влияние на то, чтобы лишить Мосина награды. Но твердо стояли на своем Чагин, Бестужев-Рюмин, Нотбек, Давыдов, Чебышев. Единственное, чего добился Ванновский, так это

уменьшения размера премии до 30 тысяч рублей, то есть ровно на ту сумму, что была затрачена на производство 330 штук опытных винтовок Мосина для войсковых испытаний. Получив деньги, заработанные праведным трудом Сергей Иванович пригласил на квартиру мастеровых, своих ближайших помощников и щедро вознаградил их. Решив отдать часть премии рабочим, Мосин тем самым еще дальше отодвинул так долго ожидавшееся решение дела о разводе Варвары Николаевны с помещиком Арсеньевым. Но вскоре он получил новую награду.

21 августа 1891 года Сергей Иванович подал свою винтовку на соискание Большой Михайловской премии, приложив к ней чертежи, краткое описание оружия и правила обращения с ним. Михайловская премия была самой престижной наградой за изобретения в области артиллерии и оружейного дела. Она присуждалась один раз в пять лет, ибо ее учредители справедливо считали, что выдающиеся изобретения чаще не появляются. Денежная часть Большой Михайловской премии составляла 30 тысяч рублей за вычетом стоимости Золотой медали, являвшейся Малой Михайловской премией. 25 ноября Мосин получил извещение о том, что Главное артиллерийское управление присудило ему высшую военно-техническую премию русской армии. Это было окончательное признание не только его заслуг, но и фактическое признание его авторства на русскую магазинную винтовку. Однако формального права носить имя создателя трехлинейная винтовка была лишена, и тяжкая обида всю жизнь жгла сердце Мосина. В. Г. Федоров вспоминал впоследствии о своих встречах с Сергеем Ивановичем:

«Мосин редко принимал участие в прениях Артиллерийского комитета. Он выглядел замкнутым, малоразговорчивым человеком… Бросалось в глаза, что в отношениях между членами оружейного отдела и главным конструктором русской винтовки чувствовалась какая-то странная, на первый взгляд необъяснимая холодность».

Безусловно, Сергей Иванович, при всей своей интеллигентности, не мог забыть, что многие из тех, кто сидел теперь рядом с ним на заседаниях Арткомитета или оружейного отдела, способствовали обезличиванию его винтовки.

…Сергей Иванович безошибочно предполагал и его предположение оправдалось, что ему придется заниматься подготовкой валового производства магазинной винтовки. Сначала дело поручили полковнику Сокерину, но сей знаток начал с того, что на всех копиях чертежей зачеркнул надпись «Винтовка системы капитана Мосина». На большее способностей Сокерина недостало, но комиссия, которой он руководил,

настолько ужесточила, несмотря на протесты Мосина, допуски на детали трехлинейки, что освоение производства крайне осложнилось. По настоянию Сергея Ивановича начальник завода отправил в ГАУ несколько собранных образцов, чтобы доказать, что увеличение допусков не только не снизит качество оружия, но улучшит его эксплуатационные свойства, упростит и ускорит сборку. Мосин добился своего. Это и ряд других происшествий сделали очевидным то обстоятельство, что без участия самого конструктора, до тонкостей знавшего и свое изделие, и все тонкости оружейного дела, наладить валовой выпуск будет нелегко. Тем более, что необходимо было в кратчайший срок решить вопрос о выпуске лекал, шаблонов, поверочного инструмента и прочего. Поэтому в октябре 1891 года ГАУ создало специальную комиссию по устройству лекал к трехлинейной винтовке образца 1891 года, возложив общее руководство ее работой на С. И. Мосина, но оставив его в должности председателя приемной комиссии.

Основные работы развернулись в инструментальном отделе Петербургского патронного завода, поскольку на тульском оружейном, согласно решению военного министерства, шло свертывание производства винтовок образца 1870 года. Мосин, всегда высоко ценивший мастерство туляков, настоял на командировании в Петербург лучших оружейников, проверенных им на деле токарей Александра Милованова и Андрея Новикова, слесарей Василия Кривцова, Василия Земцова, Андрея Шпанова, Федора Кудрявцева и Михаила Маслова, ложевщика Петра Моисеева. Мосину пришлось столкнуться с немалыми трудностями, хотя, по справедливому отзыву современников, «инструментальный отдел патронного завода по точности исполненных им работ определил все подобные ему мастерские в Европе и Америке». Дело было в том, что первоначально лекальное хозяйство готовилось для выпуска однозарядных ружей, комбинированных из систем Мосина и комиссии. Теперь же 80% лекал были непригодны вообще, а остальные нуждались в переделке.

Мосин действовал с исключительной энергией, настойчивостью и оперативностью. Он тщательно следил за точностью проектных работ и, находя недостатки или неверные решения, требовал их скорейшего исправления. К примеру, 20 ноября 1891 года он писал делопроизводителю Исполнительной комиссии:

«Задержите отправку чертежей измененного затвора и замочной трубки. По рассмотрению этих чертежей в них оказалось много неверности. Через неделю-две мною будут

представлены окончательные чертежи затвора и замочной трубки».

Благодаря деятельности Сергея Ивановича уже в декабре 1891 года была спроектирована большая часть лекал и подготовлены рабочие чертежи винтовки. Насколько значительна проделанная им работа, говорит следующее обстоятельство. Для винтовок образца 1868 года лекала изготавливали на заводе Кольта, а для винтовки образца 1870 года — в Англии, платили за это бешеные деньги. Работа Комиссии полковника Мосина обошлась всего в 30 тысяч рублей. Да, кроме того, была обретена полная независимость от иностранных фирм в лекальном хозяйстве. Главное же заключалось в том, что Сергей Иванович создавал лекала таким образом, чтобы на всех оружейных заводах России можно было бы делать абсолютно взаимозаменяемые винтовки. Это сберегало уйму государственных средств и упрощало работу войсковых ремонтных мастерских.

Что же касается экономии, то по подсчетам полковника Буняковского, возглавлявшего лекальное дело в Главном артиллерийском управлении, организованное С. И. Моси-ным лекальное хозяйство при наряде от двух до четырех миллионов винтовок должно было дать ежегодной экономии 7 — 8 миллионов рублей. Ну как тут не вспомнить, что Ванновский пожалел для Мосина 50-тысячной премии! К 31 октября 1892 года под руководством Сергея Ивановича были составлены полные атласы чертежей деталей винтовки, лекал и приспособлений. Они обеспечили начало валового производства, а значит, и перевооружения русской армии новым оружием, и полную взаимозаменяемость деталей, изготовленных на разных заводах.

21 апреля 1894 года полковник С. И. Мосин, председатель приемной комиссии Императорского Тульского оружейного завода, был назначен исполняющим дела начальника Сестрорецкого оружейного завода. Знаменитому конструктору были устроены торжественные проводы. Не было недостатка в хвалебных речах, а в завершение церемонии все офицеры и руководители завода сфотографировались на память о совместной работе.

Но самое трогательное прощание состоялось на перроне Курского вокзала в Туле. Незадолго до отхода поезда через толпу «благородной» публики протиснулись к вагону одетые в косоворотки и картузы мастеровые люди, истинные друзья и соратники Сергея Ивановича. Они плотным кольцом окружили Мосина. Николай Михайлович Овчинников, бережно развернув чистенькую холстинку, достал из нее продолговатый футляр черной хромовой кожи и вручил изобретателю. В этом футляре

покоилась на голубом бархате миниатюрная винтовочка образца 1891 года. Для Сергея Ивановича не было награды дороже, чем это замечательное творение рабочих рук.

Вместе с женой Варварой Николаевной и тремя пасынками С. И. Мосин навсегда покинул Тулу, но память о нем до сих пор живет и жить будет среди оружейников.

Глава 8. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Приняв в июне 1894 года завод, Мосин полагал, что предприятие имеет потенциальную возможность выпускать по 50 тысяч 3-линейных винтовок в год при односменной работе. Но, детально познакомившись с состоянием производственных помещений и станочного парка, Сергей Иванович пришел к неутешительному выводу, что завод не может выполнить такой программы без коренного переустройства. И хотя сестрорецкие мастера справились с заданием 1895 года, Мосин верно отметил, что «получился успех такой только благодаря полной энергии и постоянной напряженной деятельности всех членов технической части завода, причем завод работает день и ночь и все праздники». Фактически Сергей Иванович констатировал жесткую эксплуатацию рабочих ради выполнения программы любой ценой, исключая улучшение производства и условий труда.

За год с небольшим Сергей Иванович упорядочил некоторые звенья технологической цепочки, перегруппировал с помощью верного помощника Залюбовского часть оборудования, организовал ремонт изношенных, признанных негодными станков и запустил их в работу. По его распоряжению начали работать почти все резервные двигатели, имевшиеся на заводе на случай маловодья, поскольку основным энергоносителем оставалась вода. Так что, были мобилизованы все средства, но и их оказалось недостаточно для нормальной работы. Сергей Иванович решил подготовить рапорт на имя начальника Главного артиллерийского управления, в котором указывал:

«При имеющихся на заводе 850 станках, считая в том числе и все старые, приспособленные и переделанные станки, на 110 разработках в 10 рабочих часов нельзя выполнить уроки в 200 изделий в день, следовательно, для выполнения наряда в 50 тысяч винтовок в год необходима вторая ночная смена рабочих, необходимо пустить в работу все двигатели, а для этого надо принять второй штат машинистов и турбинщиков».

Завод работал в убыток, имел, по словам Мосина, «громадный накладной расход». Поэтому Сергей Иванович и предложил увеличить выпуск винтовок до 75 тысяч в год, предварительно проведя реконструкцию и переоснащение предприятия. В конце своего рапорта Сергей Иванович писал так:

«С получением нового устройства Сестрорецкий завод вполне оправдает свое историческое значение, которое дано ему основателем завода императором Петром Великим».

Собственно, просил Мосин не так уж много: 200 тысяч

рублей, чтобы устроить центральную электрическую станцию, действующую водой, так как 180 л. с. имевшихся на заводе паровых машин и газовых турбин было явно недостаточно. Одновременно Сергей Иванович испрашивал 184 с половиной тысячи рублей на приобретение новых станков — другого решения быть не могло, ибо приходилось только удивляться, как на столь древних, вибрирующих и громыхающих, стонущих от старости развалюхах умудрялись мастера выделывать детали винтовки? Но и при всех стараниях этих искусников браку выходило больше половины от сделанного. Терпеть такое положение Мосин не мог. Потому-то он так настойчиво просил деньги, предлагая даже изъять их из резервного или иного фонда.

Свои предложения Мосин базировал на трезвых расчетах. Ежели бы его план осуществился, то удалось бы сократить стоимость каждой винтовки на 81 копейку. И, даже несмотря на то, что еще предстояли траты на строительство нового производственного здания, общая сумма экономии составила бы ежегодно около 120 тысяч, а значит, всю испрашиваемую нынче сумму завод мог бы вернуть через четыре года.

Это была только одна сторона дела. Сергей Иванович полагал заново поставить все лекальное и инструментальное хозяйство, для чего просил перевести целиком из Петербурга в Сестрорецк инструментальный отдел трубочного завода. Недруги утверждали, что, мол, инструментальное производство — это навязчивая идея полковника Мосина. Но они не понимали или не хотели понять, что без отличного поверочного инструмента, без совершенно единообразных лекал и шаблонов невозможна выделка добротного оружия. В этом Сергей Иванович был абсолютно убежден, его четвертьвековой опыт конструктора и инженера убедительно свидетельствовал: только закосневший в рутине, технически неграмотный человек верит, что современное оружие можно делать дедовскими способами!

В своем нервами написанном рапорте он утверждал:

«С новым устройством вверенный мне завод, кроме своего прямого назначения, всегда сможет выполнять любое поручение оружейного отдела Артиллерийского комитета как по постройке разных приборов, так и по проектированию новых образцов лекал, частей ружья и даже самих ружей».

Как далеко смотрел Сергей Иванович! Он мыслил широко, закладывая основы опытной проектно-конструкторской базы, которая была развернута уже без Мосина после Октябрьской революции. Сергей Иванович хотел устроить завод так, чтобы самые даровитые слушатели Артиллерийской академии, проходя практическое знакомство с живым делом, приобщались и к

проектированию оружия. Изобретатели известные, имеющие свои образцы, могли бы воплощать их здесь в металл, дорабатывать, доводить до необходимых кондиций.

Мосину пришлось преодолеть немало препон на пути воплощения своих замыслов в жизнь. Сам генерал-фельдцехмейстер оказался сущим двуликим Янусом. Он одобрил все без исключения предложения начальника завода, но денег не дал! Он повелел изыскать средства на заводе, из его «экономических сумм» [21]. Столь архимудрое, по-своему «соломоново» решение, поставило предприятие и его начальника в крайне затруднительное положение. Пришлось все силенки поднапрячь, просить рабочих — благо, они понимают, что идет на пользу России, а что ей во вред — не пожалеть трудов своих. Не за одно лето, конечно, как полагал сделать Мосин с помощью ГАУ, и не по всем параграфам, но многое удалось свершить. Во всяком случае, если за год до его прихода на завод в арсеналы было отправлено всего 16 тысяч винтовок, то в 1895 году — 71 тысяча. Рост стремительный. Удалось устроить и инструментальную мастерскую, которая, без сомнения, стала одной из лучших в России и во всей Европе. После всех преобразований завод помолодел, налился новой силой, словно его живой водой окропили.

Большой успех принес С. И. Мосину и всем оружейникам 1900 год — на Всемирной выставке в Париже 3-линейная винтовка была удостоена высшей награды — Гран При. Это было международное признание заслуг изобретателя и всей русской промышленности, в подъеме которой Мосин сыграл заметную роль. Вообще после 1894 года на Сергея Ивановича посыпались награды и почести. Прибыв в Сестрорецк, он стал не только начальником завода, но и начальником сестрорецкого гарнизона. В декабре же 1894 года его избирают совещательным членом Артиллерийского комитета ГАУ, в следующем году награждают орденом святого равноапостольного Владимира III степени, потом Серебряной медалью в память Александра II, в 1898 году грудь его украсил бухарский орден Золотой Звезды III степени, и, наконец, 9 апреля 1900 года Сергей Иванович был произведен в генералы. Так, сын николаевского солдата и Воронежской крестьянки достиг высокого воинского звания, заслужив его честно и беспорочно.

В ноябре 1895 года произошло еще одно событие, крайне приятное для Сергея Ивановича — его пригласили на празднования по поводу 50-летия Михайловского Воронежского кадетского корпуса. Юбилей был обставлен весьма торжественно, съехалась масса гостей и депутаций, произносились теплые речи,

поздравления, подносились памятные подарки, поздравительные адреса, иконы и евангелия. Дальнейшие события так описаны в «Памятной книжке Воронежской губернии» за 1896 год:

«Но вот на середину залы ставят длинный стол, накотором бывший „михайловец“ (вып. XV, 1867 г.), а теперь начальник Сестрорецкого оружейного завода и совещательный член Артиллерийского комитета ГАУ полковник Мосин, кладет в футляре изобретенную им трехлинейную винтовку образца 1891 года. Нарастает гробовая тишина, кругом — ни шороха, ни кашля. В публике чувствуется напряженное внимание. Принося свой дар корпусу, полковник Мосин сказал: „Передавая ружье,приготовленное во вверенном мне Сестрорецком заводе,я прошу принять его от меня в знак глубокой признательности к заведению, в котором я получил первоначальное свое образование. Я несказанно счастлив, что лично могу приподнести в дар изобретенное мною ружье“.

Генерал Махотин, начальник корпуса, на это ответил: «Принесенное ружье вполне свидетельствует, что образование и направление, данное корпусом, при желании и дальнейшем труде бывших кадет, может принести огромную пользу Отечеству. Пусть этим изобретением гордятся кадеты! Наша армия при столкновении с неприятелем нанесет полное поражение врагу, благодаря этому ружью. И мы, бывшие и настоящие кадеты, приветствуем изобретателя!»

Торжества в Воронеже дали Мосину возможность впервые почувствовать гордость общественного признания.

145

Сестрорецкие оружейники помнили разных начальников своего завода, были среди них и солдафоны, и бездушные карьеристы. После отмены обязательного труда заводом командовали русские и немецкие арендаторы, заботившиеся только о том, чтобы поскорее да пополнее набить мошну. А Сергей Иванович Мосин был не таков. Став начальником завода, он думал не только о том, как перестроить завод, оснастить его новейшими станками и механизмами. Все это важно и нужно, но в любом деле главное — человек со всеми его достоинствами и недостатками, умением и умом, силой и слабостью. Для Мосина вопрос стоял однозначно — вдруг ниоткуда, вдруг из ничего подлинные мастера не возьмутся. Их надо готовить с малолетства, чтобы едва ли не с пеленок понимали, где они живут и где им придется трудиться. Не все, безусловно, пойдут на оружейный завод, но лучших надо увлечь оружейным делом. Осмотревшись на новом месте, справившись с первейшими заботами, Сергей Иванович со всем тщанием, с присущей ему

прилежностью и логикой подготовил ходатайство инспектору народных училищ Петербургской губернии об учреждении на вверенном ему заводе ремесленной школы для детей рабочих. Однако ответа положительного он не дождался. Тогда он вошел с аналогичным предложением в военный совет Главного артиллерийского управления. Ровно четыре года прошло со времени подачи первого ходатайства, и только 8 апреля 1899 года военный совет постановил:

«Учредить во вверенном вашему высокоблагородию заводу ремесленную оружейную школу. Разрешить Сестрорецкому оружейному заводу воспользоваться для устройства означенной школы имеющимися свободными помещениями. Постоянный ежегодный расход, требующийся на содержание школы, а именно 3190 рублей, вносить в планы заготовления потребностей для вверенного вам завода».

Сергей Иванович, не откладывая в долгий ящик с такими трудами выстраданное разрешение, написал приказ по заводу:

«Ремесленную оружейную школу открыть из шестидесяти приходящих учеников из детей рабочих, с трехгодичным обучением для подготовки необходимых заводу слесарей, токарей, а также мастеров со сведениями, имеющими исключительное применение в оружейном деле».

В своих стремлениях организовать подготовку для завода квалифицированных кадров Сергей Иванович был не одинок. На тульском заводе в то же время хлопотал об устройстве ремесленной школы бывший коллега Мосина по Артиллерийской академии капитан С. А. Зыбин, который пришел на завод как раз в год принятия на вооружение 3-линейки, осваивал под руководством Мосина ее производство, а, главное, был близок Сергею Ивановичу по образу мышления, по духу, по отношению к рабочим людям. Благодаря усилиям С. И. Мосина и С. А. Зыбина ремесленные школы были открыты не только в Сестрорецке, но и в Туле.

Выдающийся конструктор и руководитель сделал исключительно много доброго как для сестрорецкого завода, так и для сестрорецких оружейников. Но не все было безоблачно, не всегда Мосину удавалось провести в жизнь намеченное, бывали и конфликты администрации с оружейниками, ибо их взаимоотношения в условиях казенного завода были далеко не идиллическими.

Однажды начались заметные волнения среди рабочих коробочной мастерской. Оказалось, что из-за сокращения штата контролеров не был своевременно замечен брак и некоторое количество ствольных коробок разбраковали с большим

опозданием. Более того, они оказались негодными к использованию на сборке. Администрация мастерской решила в соответствии с общепринятым порядком взыскать убытки с виновных. Но рабочие не согласились с этим, избрали уполномоченных, которые заявили, что брак сделан не по их вине, поскольку приемку нужно было совершить сразу же после сдачи работ. Однако администрация завода сочла аргумент несостоятельным и распорядилась удержать со всех рабочих коробочной мастерской деньги за брак из жалованья.

И все же это был случай не типичный для отношений Мосина с рабочими, они запомнили его как заботливого начальника, близко к сердцу принимавшего их нужды.

Обстоятельства сложились таким образом, что к 1902 году заканчивалось перевооружение русской армии новой винтовкой. По подсчетам генералов артиллерийского управления выходило, будто тех пяти миллионов винтовок, что сделали на русских и иностранных заводах, вполне хватит и для службы в мирное время, и на случай войны. Однако высокое петербургское начальство совсем не подумало о том, как рабочие-оружейники, попавшие под сокращение в связи со свертыванием производства, будут кормить свои семьи. На Сестрорецком оружейном заводе, благодаря стараниям Мосина, число рабочих выросло до двух тысяч человек. Сергей Иванович был твердо убежден, что людей выбрасывать на улицу нельзя по соображениям гуманным, а разбазаривание кадров он справедливо считал преступлением. В конце 1901 года Мосин подготовил обширный доклад о положении сестрорецкого завода, в котором изложил свои взгляды на создавшееся положение:

«Вследствие малого наряда винтовок на 1902 год число рабочих придется сократить еще человек на 250 — 300. Главному артиллерийскому управлению известно, что сестрорецкие оружейники исключительно существуют заработком на оружейном заводе. При отсутствии в селе кустарного промысла и сельского хозяйства всякое уменьшение работ в заводе сейчас же отражается на их заработке и начинает вызывать нужды. Как следствие, сестрорецкому оружейнику трудно пережить то время, когда он в заводе не имеет никакого заработка. Чтобы облегчить положение тружеников, остающихся без дела за сокращением работ в заводе, прошу Главное артиллерийское управление рекомендовать орудийному и трубочному заводам брать их к себе на работу. Названные заводы по случаю предстоящих усиленных работ будут увеличивать и число рабочих. В этом случае оставшиеся без работы были бы очень полезны тем заводам, так как в лице их заводы имели бы уже вполне опытных рабочих».

Несмотря на явную очевидность доводов Мосина, бюрократы от артиллерии еще долго обсасывали рапорт Сергея Ивановича, прежде чем вынесли по нему положительное решение.

Рабочие были осведомлены об этих хлопотах своего генерала и проявляли к нему глубокое уважение. В. Г. Федоров, бывший тогда на производственной практике на сестрорецком заводе, вспоминал, что ему «бросилось в глаза, что на этом заводе существуют необычные для того времени отношения между рядовыми оружейниками и их начальником».

Многогранная административная работа не мешала Сергею Ивановичу заниматься в меру возможностей конструированием. Понимая необходимость вооружения офицеров и солдат нашей армии личным оружием, он настойчиво работал над созданием револьвера, который мог бы заменить имевшийся тогда в войсках «Смит и Вессон». Ему удалось сделать достаточно много, спроектированный им образец участвовал в испытаниях наравне с системами Пипера, Нагана, других изобретателей, но завершить эту работу Сергею Ивановичу не пришлось…

Глава 9. ПАМЯТЬ НАРОДА

Исключительно полезная деятельность генерала Мосина прервалась до обидного рано. В середине января 1902 года Сергей Иванович простудился. Он полагал, что заболевание несерьезное, думал перенести его на ногах. Но через несколько дней ему стало хуже, болезнь обострилась, и Сергей Иванович вынужден был перейти на постельный режим. Срочно вызванный врач определил крупозное воспаление легких, назначил лечение, но было поздно, недуг приобрел необратимый характер. 26 января 1902 года около четырех часов пополудни выдающийся русский конструктор-оружейник скончался.

В прощальной церемонии приняли участие родные усопшего, офицеры завода, гарнизона, сотни рабочих, искренне сожалевших о безвременной кончине генерала, единственного из всех начальников завода, по-настоящему заботившегося об их благополучии. Сергею Ивановичу была оказана высшая почесть — его погребли, положив на крышку гроба парадную генеральскую саблю и изобретенную им винтовку.

Официальные военные и руководящие круги России встретили кончину Сергея Ивановича почти полным равнодушием. Только в двух журналах — «Ниве» и «Оружейном сборнике» — были опубликованы некрологи, из коих широкая публика впервые узнала о некоторых подробностях жизни и деятельности великого сына России. Демократичная «Нива» первой точно и сильно подчеркнула значение изобретателя Мосина, отметив, что благодаря его неустанному труду «явилась возможность иметь свое собственное ружье, сделанное на русских заводах, под руководством русских техников, русскими рабочими». Высокопатриотичное заявление «Нивы» было направлено против умаления заслуг Сергея Ивановича и против продолжавшегося низкопоклонства перед иноземными изобретателями. .

Одним из адептов бельгийца Л. Нагана был Н. Юрлов, входивший когда-то в комиссию генерала В. В. Нотбека. Ярый противник винтовки Мосина, он голосовал против принятия ее на вооружение и даже тогда, когда каждому здраво и непредвзято мыслящему военному стали ясны преимущества русской системы и авторство Мосина, сей «патриот» не успокоился, пытаясь опровергнуть давно доказанное. Уже после кончины Сергея Ивановича Н. Юрлов опубликовал в журнале «Вестник офицерской стрелковой школы» статью «О работах генерал-майора Мосина по оружейному делу», в которой пытался

очернить его деятельность. Не осмелившись высказать свои взгляды при жизни конструктора, он в посмертной статье оскорбительно называл его изобретателем в кавычках и снизошел только до того, что признал за ним лишь «удачное скомбинирование, частью из заимствованных им частей, частью изобретенных, его винтовки», Н. Юрлов настойчиво пытался внушить читателям подленькую мысль о «тесной связи имен иностранца Нагана и капитана Мосина». Такая гнусная интерпретация фактов была прямым оскорблением памяти Сергея Ивановича.

Благо, в русской военной промышленности служило больше честных людей, нежели подлецов. Зарвавшегося в низкопоклонстве перед иностранцами Юрлова оборвал капитан Хартулари, один из сослуживцев Мосина. Защищая национальное достоинство России и авторское право русского изобретателя, капитан Хартулари писал, что Юрлов не дает объективной оценки, отвечающей действительности, все ставит с ног на голову, вообще слабо владеет фактическим материалом, освещающим историю создания русской магазинной винтовки. Он еще раз напомнил русофобам, вроде Юрлова, что даже военное министерство вынуждено было признать, что Сергей Иванович «безусловно изобретатель русской винтовки».

Юрлов, однако, не успокоился. В течение нескольких лет он публиковал в «Оружейном сборнике» огромную статью «Опыты, предшествующие принятию на вооружение 3-линейной винтовки». В ней Юрлов не выступал с резкими заявлениями против Мосина, но пространно описывая иностранные, даже самые неудачные системы в микроскопических подробностях, системам русского конструктора он уделял всего по нескольку строк.

Напротив, с очень теплыми воспоминаниями о Сергее Ивановиче выступил в 1903 году в журнале «Разведчик» давний соратник Мосина и его помощник на постах председателя приемной комиссии и начальника сестрорецкого завода А. К. Залюбовский. Он писал:

«Я живо помню это время горячечной работы, когда все помыслы были направлены только к тому, как получше и побыстрей перещеголять нам иностранцев и дать что-либо свое, русское. И на заводе, и дома, и за едой только и было разговоров, что о новом образце, о преимуществах того или иного способа устройства».

Светлую память о Сергее Ивановиче сохранили и те, кто работал под его началом. 11 февраля 1902 года группа работников Сестрорецкого оружейного завода, специально

собравшись, постановила возбудить перед властями ходатайство «об испрошении высочайшего соизволения на открытие добровольной подписи в войсках для собрания капитала, имеющего целью увековечить имя генерал-майора Мосина». Но военный министр Ванновский, все тот же солдафон и ретроград Банковский, решительно воспротивился этому ходатайству. Было разрешено лишь поставить портрет С. И. Мосина в актовом зале завода и составить капитал в 500 рублей для выдачи премии его имени. Но даже это урезанное решение в основном осталось на бумаге.

А ведь заслуги С. И. Мосина не ограничиваются только тем, что он спроектировал магазинную винтовку, хотя и этого вполне достаточно, чтобы прославиться, ибо «трехлинейка» состояла на вооружении нашей армии, сохраняя свои боевые качества, более полувека, воевала в пяти войнах.

Работая над винтовкой, Сергей Иванович заложил основы нового подхода к проектированию стрелкового оружия. Он первым среди оружейников стал широко использовать богатейший опыт мастеров-практиков, тех, кто непосредственно занимался производством и знал практическую технологию, наиболее рациональные приемы производства. С. И. Мосин самым тщательным образом изучал практику эксплуатации стрелкового оружия в войсках. Он не гнушался обращаться к опыту рядового солдата. Именно использование опыта рабочего и солдата помогли Сергею Ивановичу создать оружие простое, надежное в службе и дешевое в производстве.

С. И. Мосин применил новый прием в организации непосредственного конструирования деталей и узлов изделия. По воспоминаниям одного из чертежников, работавших тогда у Мосина, метод конструирования, предложенный Сергеем Ивановичем, отличался большой инициативностью. Обычно он давал лишь основные размеры детали и данные, характеризующие ее положение в механизме, назначение, взаимодействие с другими деталями. Остальные же размеры, возможные изменения конфигурации определялись самими чертежниками. Так их работа перестала быть рутинной, в ней появлялись элементы конструкторского творчества, а значит, заинтересованности в успешном завершении начатого Мосиным дела. На следующем этапе первоначальный вариант чертежа поступал к Сергею Ивановичу, он делал окончательную правку и, по мере необходимости, менял размеры или форму детали, поясняя при этом причины поправок своим помощникам. Нередко приходилось делать несколько эскизов одной и той же детали, пока Мосин не останавливался на каком-либо варианте.

Одновременно определялись допуски, поначалу довольно жесткие. Но, правильно оценив результаты испытаний, Сергей Иванович в дальнейшем расширил их. В этом проявились качества Мосина-технолога, думавшего не только о проектировании винтовки, но и о ее производственной технологичности.

Сергей Иванович одним из первых использовал принцип создания макетного образца, как промежуточного этапа между чертежом и опытным изделием. Это дало ему большой выигрыш во времени, когда он начал проектировать винтовку с серединным магазином.

Злопыхатели, пытавшиеся принизить значение деятельности С. И. Мосина для отечественной оборонной техники, не увидели еще одного, исключительно важного обстоятельства, поднимающего на новую высоту авторитет выдающегося творца. Сергей Иванович заложил основу отечественной школы конструкторов стрелкового оружия. Его учеником был И. А. Пастухов, работавший на Тульском оружейном заводе чертежником с 1889 года, а затем ставший ближайшим помощником и соавтором П. П. Третьякова, создавшего русский вариант станкового пулемета системы Х. С. Максима. Еще одним учеником и последователем Мосина был В. Г. Федоров, основоположник советского автоматического оружия. Генерал-лейтенант артиллерийской службы, академик В. Г. Федоров, вспоминая о начале своей деятельности на оружейном поприще, писал:

«Единственно, чем я мог гордиться, это практической работой на Сестрорецком оружейном заводе под руководством Мосина».

Владимир Григорьевич, продолжая начатое Мосиным дело, воспитал несколько выдающихся советских конструкторов-оружейников. Среди них В. А. Дегтярев, С. Г. Симонов, Г. С. Шпагин, авторы оружия, ставшего символом нашей Победы в Великой Отечественной войне.

В свою очередь, на опыте этих корифеев учился выдающийся современный изобретатель М. Т. Калашников, создатель всемирно известного автомата. Обе системы уникальны и сходны своими главными качествами — простотой и надежностью — 3-линейная винтовка Мосина и автомат Калашникова.

Деятельность Сергея Ивановича Мосина получила государственную оценку только в советское время. Были полностью восстановлены его авторские права, оружию вернули имя создателя, достойно увековечена память о Сергее Ивановиче. То, чего не захотели сделать власти императорской России, сделала Советская власть. Именем С. И. Мосина названы улица и

техникум в Туле, которой он отдал 20 лет жизни, в его честь установлены памятники в Сестрорецке и Туле, учреждены специальные стипендии для студентов техникума и института, готовящих кадры машиностроителей. Лучшим конструкторам, внесшим серьезный вклад в развитие машиностроения, присуждается Мосинская премия.

Живет в нашем народе память о выдающемся изобретателе, патриоте и гражданине Сергее Ивановиче Мосине. И жизнь его, деятельность есть прекрасный для многих поколений образец бескорыстного служения своему Отечеству.

Глава 10. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

За долгую службу в войсках винтовка системы С. И. Мосина неоднократно подвергалась модернизациям, делались попытки усовершенствовать ее, она становилась базой для создания новых образцов стрелкового оружия, но всегда неизменными оставались конструктивные, технологические и экономические принципы, заложенные автором в первоначальном образце.

Сергей Иванович разработал винтовку для вооружения пехоты. Но в русской армии были и другие рода войск, нуждавшиеся в оружии, соответствующем их боевому назначению. Поэтому, вскоре после принятия мосинской винтовки пехотного образца, армия получила драгунскую и казачью модификации, а в 1907 году — карабин. Драгунская винтовка была короче пехотной и отличалась от нее устройством ложевых колец — на пехотной винтовке они стягивались винтами, а на драгунской были глухие, на месте удерживались пружинными защелками. Такое устройство ложевых колец диктовалось особенностями кавалерийской службы, исключающими наличие у оружия выступающих частей. Казачья винтовка по всем параметрам и внешнему виду не отличалась от «драгунки», но она пристреливалась без штыка, поскольку казаки были «чистыми» кавалеристами, в отличие от драгун, сочетавших конный строй с пешим. Карабин был еще короче, чем кавалерийские образцы, имел такие же ложевые кольца и сплошную ствольную накладку от казенной части до кончика цевья[22]. Такими были первые модифицированные образцы мосинской винтовки.

Первая же ее модернизация проводилась в 1910 году и была связана с тем, что двумя годами раньше на вооружение был принят патрон с остроконечной пулей. Из-за этого понадобилось снабдить винтовку новым прицелом. Его разработал конструктор В. П. Коновалов. Кроме того, некоторые изменения внесли производственники, постоянно работавшие над улучшением технологии. Таким образом, русским оружейным заводам пришлось очень спешно готовить прицелы, отсечки-отражатели, пружины ложевых колец для четырех миллионов винтовок, нуждавшихся в модернизации.

Были попытки усовершенствовать конструкцию, созданную С. И. Мосиным. В 1912 году этим занялся уже упоминавшийся Н. И. Холодовский, ставший к тому времени генералом. Однако ему больше удались технологические изменения. В общем же предложенная Холодовским переделка была настолько дорога,

что ее не приняли в производство. Теперь только в музеях остались несколько образцов, воочию доказывающих несостоятельность попыток «улучшить» систему С. И. Мосина.

Основоположник автоматического оружия В. Г. Федоров в одной из статей высказался так: генералы Ридигер и Чагин представляли школу первых казнозарядных винтовок, Мосин — новых, магазинных, а конструкторы «послемосинского» времени олицетворяют новейшую историю оружия, связанную с появлением автоматики. В общем, это верно. Как верно и то, что фундаментом исследований в области автоматического стрелкового оружия для русских изобретателей стала мосинская трехлинейка. Один из творцов отечественного автоматического оружия Я. У. Рощепей, черниговский крестьянин, кузнец Зегржского крепостного полка первую свою автоматическую винтовку проектировал на базе «магазинки» С. И. Мосина. По ходатайству начальника ружейного полигона Н. М. Филатова уволенный в запас Я. У. Рощепей стал работать в Ораниенбауме и там сделал первый образец винтовки, «из которого можно стрелять автоматически». В. Г. Федоров, человек высокообразованный, инженер с солидной теоретической подготовкой, отменно владевший математическим аппаратом, проектировать первую автоматическую винтовку собственной конструкции также начал на базе трехлинейки. И было это в 1905 году.

К числу тех, кто взял за основу винтовку системы С. И. Мосина при проектировании автоматической конструкции, был и Ф. В. Токарев. Все они добились определенных успехов на стадии «ученичества» и затем уже перешли к проектированию систем автоматики, отказавшись от переделок. Но мосинская винтовка даже после смерти ее создателя сослужила добрую службу последователям замечательного конструктора.

Совершенствование трехлинейки продолжалось и в советское время. Несмотря на высокие баллистические качества и безотказность винтовки, в процессе многолетнего опыта выявилась необходимость в некоторых изменениях, связанных с улучшением конструкции, технологии производства отдельных деталей и повышением боевых и эксплуатационных качеств оружия. Первым шагом в этом направлении явился осуществленный в 1922 году переход от трех типов винтовки (пехотной, драгунской и казачьей) к единому образцу — драгунской винтовке. Кроме нее, в войсках продолжал оставаться карабин образца 1907 года.

В начале 1924 года Артиллерийский комитет ГАУ поставил перед конструкторами задачу осуществить в винтовке С. И.

Мосина те изменения, которые диктовались безусловной необходимостью и не ломали установленного технологического процесса. К работе привлекались Е. К. Кабаков, И. А. Комарицкий, А. И. Осинцев, И. А. Федорцов, П. К. Паншин.

Кабаков и Комарицкий предложили новый способ крепления штыка, поскольку старый, при помощи хомутика, был и слабым, и требовал особо тщательной подгонки и отладки. Паншин спроектировал специальный намушник для предохранения мушки от повреждений и смещений. Сначала намушник устанавливался на штыковой трубке, а затем был перенесен непосредственно на корпус мушки. Старая прямоугольная мушка была заменена цилиндрическим стерженьком, закреплявшимся в отверстии основания, а потому легко заменявшимся в случае необходимости в оружейных мастерских. И. А. Федорцов разработал новые пружинные ложевые кольца, которые устранили недостатки раздвижных и глухих колец прежних конструкций. Кроме того, существенным изменениям подвергся прицел: дуговая рамка, часто дававшая прогибы, была заменена более надежной прямой. Введена была, наконец, пластинчатая обойма, спроектированная когда-то С. И. Мосиным, и в шомпольный упор поставлен особый стержень, предохранявший шомпол от перекашивания.

Модернизированная винтовка С. И. Мосина была принята на вооружение в 1930 году, и на ее основе конструкторы разработали снайперский вариант, который отличался от штатного улучшенной отделкой канала ствола и некоторых других деталей, меньшими допусками при изготовлении, установкой оптического прицела и рукояткой затвора изогнутой формы. Обе винтовки заняли заметное место в системе вооружения Красной Армии.

Специальные рода войск — кавалерия, войска связи, артиллерия и некоторые другие — получили на вооружение в 1938 году карабин, имевший те же конструктивные и технологические усовершенствования, что и винтовка образца 1891/1930 годов, но отличавшийся от нее меньшей массой и более коротким стволом. Как и карабин образца 1907 года, он не имел штыка.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что для войск, участвующих в рукопашных схватках, требуется вместо винтовки карабин с неотъемно-откидным штыком. Несколько конструкторов занялись разработкой штыка новой конструкции, но больших успехов добился Н. С. Семин. Карабин со штыком Семина был принят на вооружение постановлением ГКО от 17 января 1944 года. Этим же постановлением прекращалось производство винтовки системы С. И. Мосина. Таким образом, от

первого штатного образца, изготовленного на Тульском оружейном заводе 16 апреля 1891 года, и до последнего, сошедшего с заводского конвейера, прошло 52 года девять месяцев и один день. Такого долголетия не знала ни одна система стрелкового оружия в мире.

И все-таки жизнь трехлинейки не закончилась в 1944 году. Мирная, послевоенная действительность возродила спортивные соревнования, в том числе и стрелковые. Наша страна стала готовиться к участию в своей первой Олимпиаде. Перед оружейниками была поставлена задача — создать первоклассную целевую спортивную винтовку, способную победить на соревнованиях самого высокого накала. Конструкторы обратились к опыту предшественников, так как еще в 1925 году стрелок и конструктор А. А. Смирнский предпринял довольно успешные попытки переделать мосинскую винтовку под малокалиберный патрон. Он заимствовал конструкцию затвора, внеся изменения в боевую личинку, выбрасыватель и ударник, приведя их в соответствие с патроном. Получился хороший образец для первоначального обучения стрельбе. Символично, что изготавливать винтовку А. А. Смирнского начали на Тульском оружейном заводе. Здесь же в Туле попытку переделать винтовку С. И. Мосина в спортивную малокалиберную совершил и Н. П. Фролов, но ему больше удалась переделка мосинской 3-линейки в охотничьи ружья нескольких модификаций, пользовавшихся большой популярностью у наших охотников.

Понимая, что от добра добра не ищут, тульские конструкторы С. С. Ферапонтов, М. И. Скворцов, Г. В. Никифоров, К. И. Шехватов, получив правительственное задание, взяли за основу разрабатываемого образца спортивной винтовки высокого класса все ту же 3-линейку. Используя ее замечательные тактико-технические данные и конструктивные особенности, они спроектировали малокалиберную винтовку МЦ-12 и произвольную, калибром 7,62 мм, винтовку МЦ-13. Эти модели сразу стали в ряд лучших мировых образцов и позволили нашим спортсменам завоевать десятки золотых медалей и высших призов на Олимпийских играх и чемпионатах мира.

Спортивные винтовки МЦ-12 и МЦ-13 до сих пор служат стрелковому спорту. Значит, живет еще легендарная трехлинейка, созданная ровно век назад, а вместе с ней не забывается и имя С. И. Мосина. Честь ему и слава!

ПРИЛОЖЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ СЕРГЕЯ МОСИНА
1860 года генваря 23 дня

Поданным к его преосвященству Иосифу, епископу Воронежскому и Задонскому и кавалеру подпоручик Иван Игнатиев Мосин прошением просил выдать ему свидетельство с метрической книги Воронежского уезда села Рамони Николаевской церкви за 1849 год о рождении сына его Сергия. По справке в Воронежской духовной консистории с метрическою книгою помянутой Николаевской церкви за тысяча восемьсот сорок девятый год в первой части о родившихся под № 11 оказалось: апреля втораго рожден, шестаго числа крещен Сергий, родители его: подпоручик Иван Игнатиев сын Мосин и законная жена его Феоктиста Васильевна, оба православного вероисповедания. Восприемниками были статского советника Николая Ивановича Туликова дворовыя Александр Дмитриев сын Зыкин и девица Наталия Терентьевна Талдыкина. Таинство крещения совершал священник Феодор Соколов с причтом.

Почему сие свидетельство, на основании устава духовной консистории ст. 267, из Воронежской духовной консистории за нижеследующим подписанием и приложением казенной печати ему г. Мосину и выдано генваря 25 дня 1860 года.

Подлинное подписали: священник Иоанн Лукин, секретарь Зеленский, архивариус Губанов Воронежской духовной консистории.

Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО),ф. 29. оп. 134, д. 114, л. 19—19 об.

* * *

РЕШЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ О ВНЕСЕНИИ МОСИНЫХ В РОДОСЛОВНУЮ КНИГУ

1860 года февраля 15 дня

По указу его императорского величества в Воронежском дворянском депутатском собрании по выслушании прошения отставного подпоручика Ивана Игнатьева Мосина о внесении его с сыном Сергеем в родословную книгу дворянства Воронежской губернии определено: как из нижеследующих документов видно: а., указа об отставке, выданного 15 марта 1844 года за подписом г. генерал-адъютанта, командира отдельного Кавказскаго корпуса

Нейдгарда, что он, г. Мосин 33 лет, в службу вступил из Московскаго военно-сиротскаго отделения в штат Московской полиции 1823 марта 9, унтер-офицером 1825 сентября 15, переведен в лейб-гвардию в гусарский полк 1827 майя 4, прапорщиком 1836 маия 29, с переводом в Черноморский линейный № 4 баталион подпоручиком 1837 декабря 11, в походах и сражениях был, в штрафах и под судом не был, аттестовался достойным, имеет знак отличия военнаго ордена св. Георгия, медали за турецкую войну и за взятие приступом Варшавы и польский знак отличия за военное достоинство, а в 1838 году в 1 день апреля высочайшим приказом по прошению уволен от службы по домашним обстоятельствам и б., метрическаго свидетельства, выданного из Воронежской духовной консистории 25 генваря 1860 года, что у него, г. Мосина от законной жены его Феоктисты Васильевой родился сын Сергий 1849 года апреля 2 дня.

Дворянское депутатское собрание, разсмотрев вышеизложенные документы и руководствуясь св. зак. т. IX, разд. 1857, ст. 19, 32, 38, 64 и 1638 полагает: внести его, подпоручика Ивана Игнатьевича Мосина с означенным сыном Сергием во вторую часть родословной книги дворянства Воронежской губернии и по существу того же т. ст. 1640 и 1645 получить с него в пользу дворянской казны два рубля серебром и на дворянское достоинство выдать ему грамоту, а сыну Сергию копию с настоящего определения.

ГАВО, ф. 29, оп. 134, д. 114, лл. 21—22

* * *

ИЗ ПРИКАЗА ПО ТУЛЬСКОМУ ОРУЖЕЙНОМУ ЗАВОДУ О ЗАЧИСЛЕНИИ С. И. МОСИНА В ШТАТ

30 июля 1875 года

§3

Высочайшим приказом, последовавшим 19 сего июля, окончивший курс в Михайловской артиллерийской академии штабс-капитан 2 резервной конно-артиллерийской бригады Мосин, переведен в Тульский оружейный завод с зачислением по полевой конной артиллерии.

Предписываю зачислить штабс-капитана Мосина в списочное состояние завода и показывать по сведениям завода не прибывшим.

Начальник завода генерал-лейтенант В. В. Нотбек

Государственный архив Тульской области (далее ГАТО), ф.

187, оп. 1, д. 9760, л. 57

* * *

ИЗ КОНТРАКТА № 3292, ЗАКЛЮЧЕННОГО ГЛАВНЫМ АРТИЛЛЕРИЙСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ С БЕЛЬГИЙСКИМ ФАБРИКАНТОМ Л. НАГАНОМ

11 октября 1890 года

…Каждое из трехсот ружей должно стоить не дороже 225 франков.

…Наган обязан поставить ружья на испытания в следующие сроки: 30 штук к 30 ноября 1890 года, 70 штук к 30 декабря 1890 года, все ружья к 30 марта 1891 года. По каждому из трех сроков дается отсрочка на 15 дней.

…Контракт должен считаться нарушенным в трех случаях: если к 15 декабря не будут сданы первые 30 ружей, если к 14 января не будут сданы следующие 70 ружей, если к 28 марта не будут сданы оставшиеся 200 ружей.

…Во всех поименованных выше случаях нарушение контракта дает русскому правительству право отказаться от дальнейшего изготовления ружей на заводе г. Нагана и затем воспользоваться по своему усмотрению системой ружей.

…Нарушение срока допускается даже на полгода только в случаях наводнения, пожара и войны.

…Русское правительство со своей стороны обязуется, если ружья Леона Нагана будут приняты на вооружение русских войск, уплатить ему, Нагану, в виде премии двести тысяч рублей кредитных, после чего все права пользования системой ружей Леона Нагана переходят к русскому правительству…

ГАТО, ф. 187, оп. 2, д. 25, лл. 5—7

* * *

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО ИСПЫТАНИЮ МАГАЗИННЫХ РУЖЕЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Н. И. ЧАГИНА ТОВАРИЩУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕХМЕЙСТЕРА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ Л. П. СОФИАНО

10 сентября 1889 года

В августе сего года были присланы из Императорского Тульского оружейного завода два однозарядных ружья уменьшенного калибра, проектированныя исправляющим должность председателя приемной комиссии при означенном

заводе капитаном Моссиным (так в тексте. — Г. Ч.). Вскоре после того капитан Моссин был командирован сюда для присутствования при опытах, а также для того, чтобы ознакомившись с новейшими требованиями от ружей, стреляющих бездымным порохом, он усовершенствовал свои ружья в чем потребуется.

Эти ружья имеют калибр 3,20 л., глубокие… нарезы с плоским дном и патронник, высверленный по размеру гильз, проектированных в виде опыта частным Тульским патронным заводом.

Чтобы иметь возможность из тех же ружей стрелять патронами лебелевского образца, ствол одного из тех ружей был заменен в инструментальном отделе другим — лебелевского чертежа, несколько измененного Комиссией.

После того была произведена стрельба из одного ружья патронами французского образца, а из других патронами, имеющими гильзы и пули, изготовленные частным Тульским патронным заводом. Ею имелось в виду опробовать прочность запирающего механизма ружей, а потому из них стреляли только в вал, а заряды были увеличены с 63 зол<отников> до 66 з<олотников> бездымного пороха. Оказалось, что коробки, не будучи закаленными, оседают в плечах отдачи… от первых двух десятков выстрелов; поэтому одна из коробок, а именно та, к которой приделан ствол французского образца, была закалена в местах расположения плечей отдачи и вследствие этого при дальнейшем испытании ружья… не произошло увеличения зазора между стволом и обрезом боевой личинки.

На тех же опытах над однозарядными ружьями капитана Моссина обнаружилось большое число осечек, происходящих, по-видимому, от совокупности различных причин, как то: слабость боевой пружины, трение хвоста курка о коробку, недостаточный взвод боевой пружины и легкость курка с ударником. Винт в курке, удерживающий ударник от поворота, оказался непрочным, …рукоятка затвора получила шатание и сверх того приподнималась при выстреле. Вследствие последнего обстоятельства необходимо уничтожить наклон задней плоскости боевых выступов. Необходимо также утолстить стенки ствольной коробки, где находятся плечи отдачи, изменить размеры и очертания упора ствольной коробки, сделать спусковой механизм как, например, у маузеровского ружья, и вообще переработать детали коробки, затвора и означенного механизма…

Потребуется также несколько утолщить цевье в той части, где держат его левой рукой во время прикладки.

…По мнению Комиссии, а также и капитана Моссина,

изготовление …ружей может быть произведено значительно скорее на Императорском Тульском оружейном заводе нежели средствами инструментального отдела…

Генерал-лейтенант Н. И. Ч а г и н

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи далее (ВИМАИВВС) ф. 8, оп. 48/1, д. 34, лл. 33—34 об.

* * *

РАПОРТ ИНСПЕКТОРА ОРУЖЕЙНЫХ И ПАТРОННЫХ ЗАВОДОВ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ В. В. НОТБЕКА ТОВАРИЩУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕХМЕЙСТЕРА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ Л. П. СОФИАНО О НОВОЙ ВИНТОВКЕ С И. МОСИНА

не ранее 25 ноября 1888 года

Магазинная винтовка уменьшеннаго калибра, представленная мне капитаном Моссиным (так в тексте. — Г. Ч.) при осмотре Императорского Тульского оружейного завода 25 сего ноября, далеко опередила своею простотою прежняя проектированныя им магазинки.

Ввиду этого я нахожу необходимым: 1. остановить в тульском заводе 5-ти винтовок с прежним магазином капитана Моссина, 2. командировать его в Петербург для присутствия при испытании упомянутой выше винтовки в Комиссии по испытанию магазинных ружей, 3. нынче же выслать в Тульский оружейный завод 1000 патронов уменьшеннаго калибра для предварительнаго испытания той же винтовки и 4. поручить капитану Моссину заняться проектированием к его магазину затвора с винтообразными плечами отдачи.

Инспектор оружейных и патронных заводов генерал от инфантерии В. В. Нотбек

Резолюция Л. П. Софиано: Согласен и разрешаю привести в исполнение.

Арив ВИМАИВВС, ф 8. оп. 48/1, д. 34,

* * *

ИЗ НЕКРОЛОГА НА КОНЧИНУ С. И. МОСИНА, ОПУБЛИКОВАННОГО В ЖУРНАЛЕ «НИВА»

не позднее апреля 1902 года

…С. И. Мосин много лет, вплоть до кончины, управлял

Сестрорецким оружейным заводом, сильно развившим при нем свою деятельность, но главная заслуга С. И., основа его известности, это новое ружье «образца 1891 г.». Он изобрел новое магазинное ружье, которым перевооружили всю нашу армию взамен прежняго ружья американца Бердана: ружье Бердана было доставлено нам на образец готовым из Америки, и работу его устанавливали на наших оружейных заводах английские рабочие английским мерительным инструментом. Благодаря же С. И. Мосину, мы получили не только гораздо лучшее новое ружье, дающее в руках опытнаго солдата 40 выстрелов в минуту, но и явилась возможность иметь свое собственное ружье, сделанное на русских заводах, под руководством русских техников, русскими рабочими. Михайловская артиллерийская академия присудила С. И. Мосину …премию, выдаваемую раз в пять лет… К сожалению, имя Мосина не увековечено вместе с его ружьем в военной истории, подобно, например, ружью Бердана, Винчестера и др.: объясняется это тем, что во введенном в нашей армии ружье сделаны небольшия изменения против системы С. И. Мосина, и некоторыя несущественныя части ружья не представляли собою новаго изобретения. Но в военных артиллерийских кругах многозарядное ружье «образца 1891 года» прямо называют ружьем Мосина; для закрепления права авторства С. И. Мосину дана была, с высочайшего разрешения, специальная привилегия на отдельный части его ружья, …составляющия главную суть системы новаго ружья…

Нива. 1902. № 9. С. 178

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1849 г., 2 апреля родился С. И. Мосин.

1860г., 15 февраля внесен в родословную дворянскую книгу Воронежской губернии.

1861г.,16 августа зачислен в общий класс Тамбовского кадетского корпуса.

1862г., 13 июня переведен во второй класс Михайловского Воронежского кадетского корпуса.

1867 г., 12 июля окончил Воронежский корпус, зачислен в 3-е военное Александровское училище.

1867 г., 11 октября переведен в Михайловское артиллерийское училище.

1870 г., 27 июня произведен в портупей-юнкеры.

1870 г., 21 июля окончил Михайловское училище по первому разряду, произведен в подпоручики.

1872 г., 21 сентября зачислен в Михайловскую артиллерийскую академию.

1872 г., 6 ноября произведен в поручики.

1874г.,26 ноября произведен в штабс-капитаны по полевой конной артиллерии.

1875 г., 19 июля окончил академию по первому разряду и назначен на Тульский оружейный завод.

1875 г., 20 августа назначен на должность помощника начальника мастерской.

1876 г., 23 августа переведен в поручики по гвардейской конной артиллерии.

1876г., 20 ноября назначен на первую постоянную должность начальника приборно-штыковой мастерской.

1877г., 27 марта произведен в штабс-капитаны по гвардейской конной артиллерии, 1877г., 12 октября назначен начальником замочной мастерской.

1880 г., 5 марта назначен начальником инструментальной мастерской.

1880 г., 20 апреля произведен в капитаны по гвардейской конной артиллерии.

1881 г., лето испытан прибор для регулирования прицельной линии, разработанный С. И. Мосиным.

1881 г., 30 августа награжден орденом св. Анны III ст.

1882 г., октябрь-ноябрь состоялась демонстрация первых винтовок с магазином в прикладе конструкции С. И. Мосина.

1883 г., 13 февраля—зачислен по гвардейской пешей артиллерии.

1883г., июль —назначен членом Комиссии по испытанию магазинных ружей,

1884г., 2 мая—награжден болгарским орденом св. Александра IV ст.

1885г., апрель —винтовки системы Мосина с магазином в прикладе приняты для войсковых испытаний.

1886 г., 30 августа —награжден орденом св. Владимира IV ст.

1888 г., ноябрь —спроектирована магазинная винтовка калибром 3,15 линии,

1889 г., 11 марта—назначен председателем приемной комиссии Тульского ружейного завода,

1889 г., ноябрь—создана однозарядная трехлинейная винтовка и макетный образец трехлинейной винтовки с серединным магазином.

1890 г., февраль изобретена отсечка-отражатель,

1890 г., весна скончался И. И. Мосин.

1891 г., январь — март состоялись конкурсные испытания винтовок Мосина и Нагана,

1891 г., 16 апреля винтовка системы Мосина принята на вооружение.

1891 г., 9 августа произведен в полковники по гвардейской пешей артиллерии, 1891 г., октябрь назначен председателем комиссии по устройству лекал.

1891 г., 25 ноября присуждена Большая Михайловская премия.

1892 г., 25 июля награжден орденом св. Анны II ст.

1894 г., 21 апреля назначен начальником Сестрорецкого оружейного завода.

1894 г., 6 августа назначен начальником сестрорецкого гарнизона.

1894 г., 17 декабря назначен совещательным членом Артиллерийского комитета ГАУ.

1895 г., 6 декабря награжден орденом св. Владимира III ст.

1897 г., 2 мая объявлено высочайшее благоволение за успехи в перевооружении армии,

1898 г., 16 июля награжден бухарским орденом Золотой Звезды III ст.

1900 г., 9 апреля произведен в чин генерал-майора артиллерии.

1902 г., 26 января около 4 часов пополудни скончался С. И. Мосин.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 310,

оп. 1, д. 764, 2863, ф. 516, оп. 3, д. 121.

Государственный архив Тульской области, ф. 187, оп. 1, д. 9760, 9771.

Государственный архив Воронежской области, ф. 29, оп. 134, д. 114.

Ашурков В. Н. Конструктор Мосин. Тула, 1949.

Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М., 1987.

Жукова Л. Александр Лодыгин. М., 1978.

Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Русская винтовка. Л., 1984.

Литвинов М. С. И. Мосин — творец русской винтовки. Воронеж, 1950.

Очерки по истории отечественной науки и техники. М., 1953.

Селиванов Ф. Слава без имени. М., 1954.

Тоболяков В. Безымянная винтовка. М., 1940.

Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. Спб., 1911.

Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. М., 1938.

Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох. М., 1940.

Шайденко А. Я. Некоторые конструкторские работы С. И. Мосина. —

Тр. Тульского механического института. Тула, 1949.

Оружейный сборник. 1883. № 3; 1899. № 2, 3, 4; 1900. № 1, 2, 3, 4;

1901. № 1, 2, 3, 4; 1902. № 1, 2, 3, 4; 1903. № 1, 2. Спб.

Разведчик. 1903. № 641. Спб.

Нива. 1902. № 9. Спб.

Вестник офицерской стрелковой школы. 1902. № 50, 51, 54. Спб.

Памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж, 1897.

Памятная книжка Тульской губернии. Тула, 1889, 1893.

notes

Примечания

1

Шпицрутен — гибкий длинный прут, до 1863 года применялся для порки провинившихся солдат, перенесен в Россию из Пруссии в 1701 году.

2

Д. А. Милютин — генерал-фельдмаршал (1898 год), русский военный министр в 1861 —1881 годах, провел ряд военных реформ.

З

Неранжированная рота — в кадетских корпусах рота малолетних воспитанников, обучающихся в подготовительном (общем) классе.

4

Кутайсы — принадлежность мундира, шнуры с кистями или бахромой,например, аксельбант.

5

Репейки — украшение в виде ложки на солдатском кивере.

6

Эфес — часть клинкового оружия, состоящая из рукояти, гарды, перекрестья (крыжа) и навершия (головки).

7

Польские события 1863 года — восстание польских патриотов против русского самодержавия зимой 1863 года.

8

Портупей-юнкер — воинское звание, присваивавшееся юнкерам за успехи в учебе и примерное поведение.

9

Игольчатая винтовка — образец казнозарядного оружия, в котором боек, служащий для воспламенения капсюля, имел вид длинной иглы.

10

Вакации — каникулы.

11

Линия — русская мера длины, равна 1/10 дюйма, или 2,54 мм.

12

Окно — продольная прорезь в ствольной коробке, через которуюподается патрон или выбрасывается стреляная гильза.

13

Машинная фабрикация — технология, исключающая применение ручных работ.

14

Генерал-фельдцехмейстер — с 1698-го по 1909 год (исключая1796—1797 годы) титул и должность главного начальника артиллерии. Товарищ генерал-фельдцехмейстера — его заместитель. Генерал-адъютант — русский придворный военный чин, присваивался генерал-лейтенантам и полным генералам.

15

Затвор — устройство в огнестрельном казнозарядном оружии, предназначенное для досылания патрона в патронник, запирания и отпирания канала ствола, производства выстрела и выбрасывания гильзы.

16

Личинка — деталь затвора, непосредственно запирающая канал ствола, в ряде систем на личинке имеются выступы — боевые упоры, — входящие при повороте затвора в соответствующие прорези в ствольной коробке.

17

Стебель, задержка, гребень, соединительная пленка — детали скользящего затвора.

18

Наименование «Императорский» было присвоено Тульскому оружейному заводу 1 сентября 1875 года.

19

Здесь: невысокий выступ-отражатель на дне ствольной коробки, о который ударяется стреляная гильза, извлекаемая из патронника.

20

Антабка — скоба для крепления ружейного ремня.

21

Экономические суммы завода — смета расходов на текущий год.

22

Цевье — часть ложи, в которой укрепляется ствол. В некоторых видах оружия цевье может быть отдельной деталью в виде деревянной обкладки снизу ствола.